

Библиотека
филолога

502

Т.А.Расторгуева

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

Библиотека
филолога

Т.А. Расторгуева

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

*Допущено Министерством высшего
и среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов институтов
и факультетов иностранных языков*

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1989

кафедра грамматики и истории английского языка Киевского государственного педагогического института иностранных языков (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. Г.Г. Почепцов)
д-р филол. наук, проф. В.Я. Плоткин (Тульский государственный педагогический институт)

Расторгуева Т.А.

Р 24 Очерки по исторической грамматике английского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1989. — 160 с.

ISBN 5—06—000545—3

В пособии рассматриваются наиболее существенные преобразования в истории английского языка, в частности в его грамматическом строе. Интерпретация некоторых процессов дана по-новому — в свете принципов современного исторического языкознания.

Р 4602020102 (4309000000) — 015 287 — 89
001 (01) — 89

ББК 81.2 Англ-923
4И (Англ)

Учебное издание

Расторгуева Татьяна Адриановна

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Заведующая редакцией *И.Э. Волкова*
Редактор *М.А. Романова*
Младший редактор *Е.П. Политова*
Художник *Н.А. Якубенко*
Художественный редактор *В.И. Пономаренко*
Технический редактор *Е.В. Фельдман*
Старший корректор *Е.Б. Комарова*
Оператор *Г.А. Шестакова*

ИБ № 6872

Изд. № А-26. Сдано в набор 25.04.88. Подп. в печать 14.06.88. Формат 60×88¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Объем 9,80 усл.-печ. л. 10,05 усл.-кр. отт. 11,09 уч.-изд. л. Тираж 8000. Зак. № 974 Цена 35 коп.
Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на наборно-пишущих машинах издательства
Отпечатано в Московской типографии № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Хохловский пер., 7.

ISBN 5—06—000545—3

© Издательство «Высшая школа», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

История грамматического строя английского языка была предметом многочисленных работ общего и специального характера. Однако накопление новых фактов, новые подходы и методы анализа предопределяют постоянную необходимость и возможность дальнейших исследований. Настоящие очерки посвящены нескольким историческим преобразованиям в английском грамматическом строе: разрушению словоизменительной системы имени, сокращению ряда основных форм глагола, расширению глагольной парадигмы, некоторым аспектам стандартизации структуры предложения. Эти процессы описываются в свете принимаемой в работе общей концепции лингвистических изменений и основанных на этой концепции подходе и методах анализа материала. Работа имеет целью с возможно большей точностью описать указанные процессы и тем самым подтвердить эффективность предлагаемого подхода и возможности его более широкого применения.

За последнее время заметно возрос интерес языковедов к коммуникативной функции языка, к его функциональной стратификации, к условиям его функционирования. Основное отличие настоящих очерков от предшествующих работ заключается в том, что зарекомендовавший себя системный анализ сочетается в них с функциональным подходом, учитывающим гетерогенность языка в его многообразном функционировании.

Вопросы и задания, приводимые в конце глав, помогут лучше понять теоретические положения работы и применить их к языковому материалу.

Автор

Глава I. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И ВАРЬИРОВАНИЕ

§ 1. О ПРЕДМЕТЕ И ГРАНИЦАХ РАБОТЫ

1.1. В настоящих очерках описываются некоторые исторические преобразования в грамматическом строе английского языка: его морфологии и синтаксисе. Как одна из составных частей языка грамматическая система развивается не изолированно, а в сложном взаимодействии с другими лингвистическими уровнями и одновременно, как и эти последние, подвергается непосредственному или опосредованному влиянию внеязыковых факторов. Поэтому при рассмотрении собственно грамматических явлений, составляющих главный предмет этой работы, мы будем, по мере необходимости, обращаться к другим уровням и к внешним условиям развития языка. Для этого надо прежде всего уточнить, что имеется в виду под «внутренней» и «внешней» сторонами эволюции языка и его внутренней и внешней историей.

Самым простым и очевидным определением эволюции языка является, по-видимому, следующее: эволюцию языка — а потому предмет его истории — составляют все те факты и процессы, которые имеют место в языке в отношении к фактору времени и могут быть обнаружены при сопоставлении языка в разных временных точках или на разных «синхронных срезах». При этом возникает вопрос: в какой же мере входят в историю языка события истории общества, или что составляет «внутреннюю» и «внешнюю» историю языка?

1.2. Разграничение «внешней» и «внутренней» истории языка, и в особенности правомерность включения внешних аспектов в историческое описание, трактуется по-разному.

Такие факты, как миграции носителей языка и их языковые контакты, обычно включаются в историческое описание языка (см., например, общие работы Л. Блумфилда, Ч. Хоккета или работы по истории английского языка А. Боу, О. Есперсена, Б.А. Ильиша и др.). Однако в целом зарубежное языкознание XX века очень противоречиво относится к проблеме «язык и общество». Социологическое направление, восходящее к А. Мейе, Ж. Вандриесу и раннему Ф. де Соссюру, не получило развития в эпоху господства структурного языкознания; деление на внутреннюю и внешнюю лингвистику привело к их резкому противопоставлению и полному исключению социальных и других внеязыковых условий из лингвистического описания. Системный подход структу-

ралистов — даже после обращения к истории — игнорировал два очень важных момента: гетерогенность языка (невозможность его сведения к языку индивида) и его общественно-историческую обусловленность.

Возрождение интереса к языку в его функциональном и социальном аспектах началось с известных тезисов Пражского лингвистического кружка в 1929 г. и привело к расцвету современных социолингвистических исследований.

Надо сказать, что в отечественном языкознании никогда не было столь резких колебаний в отношении к социологическим проблемам лингвистики. За исключением временной гиперболизации роли общественных событий в языковом развитии, идущей от вульгарной социологии Марра, и спада интереса к социологическим исследованиям в период увлечения структуральными направлениями, советские языковеды на методологической основе исторического материализма всегда занимались проблемами связи языка и общества. Эти проблемы продолжают разрабатываться в настоящее время и имеют широкий выход в практику.

Традиционное, хотя и не всегда четкое, деление на внутреннюю и внешнюю историю, восходящее к Соссюру, получило более определенное содержание, когда в истории языка были выделены две стороны: структурная и функциональная. Согласно разграничению, предложенному М.М. Гухман, структурный аспект занимается эволюцией собственно языковой системы, или его внутренней историей; функциональный аспект рассматривает условия его функционирования: эволюцию его «форм существования», его функциональную стратификацию, состояние письменной и устной форм языка, взаимоотношения между диалектами в горизонтальном и вертикальном измерениях — географическими и социальными. Внешние условия функционирования языка, его вариативность, или дробление на разновидности, и взаимоотношения этих разновидностей объединяются в понятие лингвистической, или языковой, ситуации. Однако свойства языка, отражающие эти условия, его неоднородность в многообразном функционировании не входят в лингвистическую ситуацию, а принадлежат самому языку. Поэтому деление на два аспекта — функциональный и структурный — представляется недостаточным.

Понятие языковой ситуации получило четкое определение в работах советских лингвистов, занимающихся проблемами социолингвистики и социологии языка. «В самом общем виде, — пишет А.Д. Швейцер, — языковая ситуация может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [43, с. 133—134]. Уже из этого определения очевидно, что языковая ситуация непосредственно обусловлена социальной структурой общества, его географическими подразделениями, состоянием культуры, развитием литературного языка, контактами

с иноязычными коллективами и другими подобными событиями в истории общества, которые сами по себе, конечно, не входят в историю языка, но для последней важны те, которые определяют языковую ситуацию, видоизменяют ее и через нее воздействуют на развитие языка.

Надо добавить, что даже такие, казалось бы, непосредственные стимулы языковых изменений, как появление новых реалий в связи с ростом техники или иностранные заимствования, находят отражение в языке только в условиях определенных языковых ситуаций: новые слова возникают сначала в отдельных сферах функционирования языка и формах его существования и затем распространяются в языковом пространстве. Таким образом, внешняя история входит в историю языка в виде описания меняющейся языковой ситуации и влияющих на нее событий; она войдет в должной степени и в описание грамматических явлений в этой работе.

1.3. Что касается «внутренней» истории, то ее принадлежность к историческому описанию языка не нуждается в доказательствах. Тем не менее необходимо уточнить это понятие и ввести одно необходимое разграничение: развитие системы языка целесообразно отличать от эволюции его функционирования как реализации этой системы. Так, Н.Н. Семенюк включает в функциональное описание немецкого языка «характеристику конкретных способов реализации структурных потенций данной языковой системы; характеристики степени стабильности этих реализаций и соответственно — диапазона их варьирования для разных уровней языка» [34, с. 7]. Эта сторона эволюции языка — его разнообразное функционирование и варьирование — составляет функциональный аспект его истории, в отличие от системного, т.е. развития языковой системы, в которой обобщаются и закрепляются происходящие сдвиги.

Не входя здесь в детальное рассмотрение различных определений «системы» и «структуры» языка, приведем общее определение Г.В. Колшанского: «Под системой языка мы понимаем совокупность разнородных разноуровневых составляющих язык элементов, обнаруживающих взаимозависимость и взаимообусловленность как относительно друг друга, так и в соотношении с целым, составными частями которого они являются» [46, с. 38]. Более широкое определение включает в систему языка три компонента: с у б с т а н ц и ю как материальную оболочку единиц языка, с т р у к т у р у как сеть их взаимоотношений и способы организации и ф у н к ц и ю, или функционирование языка. Представляется наиболее удобным объединить два первых компонента в систему языка и отграничить от нее функцию и функционирование.

Система языка может описываться в терминах лингвистических уровней, полей, микросистем, в частности больших и малых парадигм, и упорядоченных рядов или наборов единиц.

Функция, или функционирование, языка есть его реальное использование, которое отражается в разных продуктах речевой деятельности, обычно сейчас объединяемых под названием текста, ибо именно текст составляет ту реальность, которая дана нам в непосредственном наблю-

дении. Систему языка — как его основной каркас — лингвист выводит и воссоздает на основе этого наблюдаемого объекта.

Важнейшим свойством живого языка в его многообразном функционировании является его гетерогенность, обнаруживающаяся в варьировании языковых средств. Фактически функциональный аспект при его отграничении от языковой ситуации и занимается реализацией языковой системы в разных условиях коммуникации, т.е. его варьированием. Функционирование языка, и соответственно его варьирование, является как бы промежуточным звеном между языковой ситуацией и системой, поскольку в функционировании языка начинаются и реализуются изменения языка, обусловленные как внутренними тенденциями системы, так и воздействием языковой ситуации.

Из сказанного следует, что в истории языка надо различать не два аспекта — структурный и функциональный, а три: два внутренних — системный (включающий субстанцию и структуру) и функциональный (отражающийся в варьировании) и один внешний — языковую ситуацию. Поскольку мы будем далее пользоваться терминами «варьирование», «вариативность», «вариантность», необходимо точнее определить эти понятия. Термины «вариативность», «вариантность», «вариации», «внешнее» и «внутреннее» варьирование часто используются недифференцированно, обозначая как одинаковые, так и разные понятия. (Ср., например, [43; 33]).

В настоящей работе мы будем применять термин «вариативность» только к членению языка на разные формы существования или разные функциональные типы: географические варианты, социальные и территориальные диалекты, устную и письменную формы языка, стратификацию языка в различных условиях коммуникации, жанрово-стилевые разновидности и т.п.

Термин «варьирование» будет обозначать наличие различных языковых единиц, передающих одинаковое или близкое содержание, — синонимов, вариантов и различающихся (а иногда и не различающихся) оттенками значения, дистрибуцией и другими дополнительными признаками. В зависимости от близости значения и условий функционирования эти единицы могут находиться в отношениях свободного или полусвободного варьирования. Термин «вариантность» относится к частному случаю варьирования — формальным вариантам грамматических форм и конструкций. Вариантами являются модификации оформления грамматических единиц, не нарушающие их тождества. При этом мы будем различать **формальное** варьирование, когда несколько единиц плана выражения соответствуют одному значению, т.е. одной единице плана содержания, и варьирование **семантическое**, при котором наблюдается обратное соотношение: одна единица плана выражения имеет несколько вариантов значения.

1.4. Определяя историю языка как описание его эволюции, или исторического развития, нужно сделать еще одно предупреждение. Диахронный аспект не занимается регистрацией одних лишь языковых изменений. О постоянной эволюции языка и об его непрекращающемся измене-

нии можно говорить лишь по отношению к языку в целом, потому что в каких-нибудь частях живого языка всегда что-то меняется. Но это не означает, что эволюция языка состоит из одних только изменений. Сопоставление языка на разных временных срезах показывает, что многие элементы и признаки языка остаются неизменными. К ним прежде всего относятся языковые универсалии, присущие любому языку в любой период, и специфические константные характеристики отдельных языков, неизменные в течение всего его развития. Кроме того, в каждом языке есть относительно устойчивые признаки, которые подвергались очень малым преобразованиям или были стабильными на длительных отрезках времени. Все эти явления составляют статику в диахронии; они сохраняют язык в состоянии, пригодном для коммуникации в течение ряда веков, обеспечивают его преемственность. Обычно историки занимались только изменениями. Лишь в последние годы стали признавать, что статика в диахронии заслуживает не меньшего внимания историков языка, чем динамика [29].

При описании развития грамматической системы английского языка в этих очерках мы будем заниматься как изменчивыми, так и стабильными признаками. Тем не менее, сопоставляя факты языка на разных временных срезах, можно пользоваться термином «лингвистические изменения», имея при этом в виду, что какие-то факты оставались неизменными и представляли собой как бы «нулевые» изменения, или статику в диахронии.

Все сказанное об эволюции языка касается в равной мере и его грамматического строя: внутренние аспекты представлены эволюцией грамматической системы и ее микросистем, включающих субстанцию, структурные отношения и их функционирование, которое проявляется в варьировании грамматических явлений. В свою очередь, в функционировании грамматических микросистем отражается действие языковой ситуации — внешнего аспекта, а через нее — событий в истории общества.

§ 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ. СОДЕРЖАНИЕ

2.1. В соответствии с проведенным в § 1 разделением эволюции и истории языка на внешний и внутренний аспекты следует различать экстралингвистические изменения, или изменения языковой ситуации, и внутрилингвистические, или просто лингвистические изменения, касающиеся системы и функционирования языка. Понятие лингвистического изменения, его объем, его составляющие и его классификация трактуются по-разному в различных языковедческих теориях. Остановимся вкратце на нескольких интерпретациях этого понятия с тем, чтобы прийти к принимаемой нами трактовке.

Самым общим подразделением лингвистических изменений, восходящим к классическому историческому языкознанию, было различие исторических и аналогических изменений.

После скрупулезных занятий исторической фонетикой лингвистов младограмматической школы термин «историческое» изменение получил весьма узкое значение: он стал обозначать только фонетические изменения в отличие от «аналогических» изменений и заимствований; это же разграничение было поддержано Ф. де Соссюром, который полагал, что только фонетические изменения принадлежат диахронии, тогда как аналогические есть явления синхронии, восстанавливающие системность языка, которая была нарушена звуковыми историческими изменениями [39, с. 10]. Фонетические, или исторические, изменения показывают как прямой переход, например: д.а. *stānas* > с.а. *stones* > н.а. *stones*, д.а. *|a:|* > с.а. *|ʊ:|* > н.а. *|ou|*.

Аналогические изменения можно изобразить в виде формулы, известной как пропорция Пауля [30, с. 131], например:

число	ед.	мн.	ед.	мн.
с.а.	stone	: stones	=	name : x x = names

Новая форма *names*, образованная по аналогии со *stones*, вытеснила старую д.а. *naman*, с.а. *namen*. Подразделение грамматических форм, возникших в результате этих двух типов изменений, на исторические и аналогические до сих пор успешно применяется во многих работах по истории языка, как удобное и экономное указание на их происхождение. Например, с.а. *halp*, *sprecen* есть исторические формы, закономерно развившиеся из своих непосредственных прототипов д.а. *healp*, *spræcon*, *sprecen*, тогда как заменившие их современные *helped*, *spoke*, *spoken* — формы аналогические, возникшие под влиянием других, более продуктивных классов глаголов [47, с. 105; 8, с. 427].

Во избежание терминологической неясности мы будем пользоваться термином «лингвистическое» изменение, который охватывает и исторические и аналогические изменения.

Новые, разнообразные трактовки понятия лингвистического изменения мы находим у лингвистов XX века: Э. Стертеванта, У. Лемана, Л. Блумфилда, Ч. Хоккета, А. Мартине, С. Кангисера, в коллективной монографии «Общее языкознание» и др.

Широкое распространение (особенно у лингвистов структуральных направлений) получило различие «структурных» изменений, относящихся к основной системе языка, и всякого рода «периферийных» и случайных явлений, не затрагивающих его систему. Л. Блумфилд различает категориальные явления, которые поддаются лингвистическому анализу, и флуктуации, зависящие от внешних по отношению к языку факторов [8]. Ч. Хоккет относит к «центральному» изменениям только те, которые касаются фонемного состава и морфологической системы (включая и лексическую как принадлежащую, по его мнению, к ядру грамматической); периферийными являются семантические изменения, изменения в произносительных навыках (фонетические). Г. Хенигсвальд расценивает как структурные такие изменения, которые затрагивают структуру языка, вводя в нее какие-либо новые связи и

отношения, и отличает от них несистемные аморфные «псевдозамещения». Э. Стертевант поддерживает генетически обоснованное подразделение на исторические и аналогические изменения, но вводит еще одно разграничение: «первичное» изменение, которое есть действительное изменение в какой-то языковой модели, первый моментальный акт, и «вторичное» изменение, которое заключается в распространении новой модели в языке. В другой терминологии это разграничение между «инновацией» и «диффузией» [76, с. 28].

Несколько иначе подходит к изменению А. Мартине: он различает процесс изменения и его результат [27, с. 451]. Во многих современных работах именно процесс, или «механизм» изменения стал объектом пристального изучения.

Надо, однако, сказать, что в исторических описаниях языков изменения обычно не подразделяют ни на первичные и вторичные (инновации и диффузии), ни на процесс и результат. Чаще всего они фиксируются в виде двух стадий – состояние до начала изменения и состояние после его завершения (например, /u:/ > /au/ или *scapan* > *shake*).

Из зарубежных лингвистов наиболее детальную теорию лингвистических изменений предложил Г. Хенигсвальд. Г. Хенигсвальд анализирует изменения языка в плане общей типологии и различает несколько типов изменений, или «моделей замещения». Лингвистические изменения трактуются как смена окружений фонем, морфем и их значений: они попадают в новые окружения, расширяя свою дистрибуцию, или утрачивают старую – так меняется, например, дистрибуция *-ed*, когда этот морф начинает присоединяться к основам прошедшего времени и причастия II бывших сильных глаголов, замещая морфы *-on* и *-en*. Таким же образом при изменении значения меняются дистрибуции морфем (т.е. слова): д.а. *sēase* «челюсть» попадает в новое окружение, приобретая значение «щека», н.а. *cheek* и т.д.

Модель замещения Г. Хенигсвальд считает универсальной диахронной моделью, к которой, во всяком случае, можно отнести все фонемные замены и замены морфем. Другие явления – типа утрат или появления новых морфем (слов) – вообще не включаются Хенигсвальдом в число истинных языковых изменений, так как здесь нет замещения. Интересно, что дальнейшая классификация замещений, проведенная по дистрибутивным признакам, приводит автора к несколько неожиданному выводу, что и истинное замещение не всегда бывает структурным изменением. Во взаимодозначных замещениях – одной из моделей замещения, когда новый морф полностью замещает старый во всех его окружениях, структура языка, т.е. сеть синхронных отношений, остается нетронутой. В качестве примеров приводятся переход общегерманского /d/ в немецком языке в /t/ и замена д.а. слова *inwit* современным *conscience*.

Далее замещения делятся на взаимодозначные, слияния и расщепления (примеры первой модели приведены выше, примерами двух последних могут служить в истории английского языка слияние двойственного и множественного числа и расщепление общегерманского /u/

на /u/ и /y/ по i-умлауту. Слияние и расщепление означают изменение в структуре языка, если они касаются фонем и морфем; субморфемные замещения (на уровне алломорфов) и субфонемные (на уровне аллофонов) не затрагивают структуры.

В заключение сравним два определения изменений в работах советских лингвистов: в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой и в коллективной монографии «Общее языкознание».

Изменения – это «разнообразные процессы преобразования или утраты существующих элементов и возникновение новых, непрерывно осуществляющиеся как в звуковой стороне (выражении, означаемом), так и в их содержании (значении, обозначаемом)» [5, с. 168].

Изменение есть «процесс нарушения тождества единицы самой себе и результат такого нарушения...» с уточнением, что это нарушение обнаруживается как различие во времени [29, с. 208]. Лингвистические изменения ограничиваются замещениями: незамещения, т.е. утраты и инновации, предлагается исключить из понятия изменения.

В первом определении изменением считается процесс, во втором – как процесс, так и результат, причем эти два явления разграничиваются. В первом определении к изменениям относятся как преобразования существующих единиц, так и их утрата и возникновение новых; в этом отношении второе определение уже; к изменениям относятся только замещения, тогда как инновации, или возникновение новых единиц, которые не являются превращением старых, рассматриваются отдельно, а утрата старых единиц вообще не оговаривается. Кроме того, особо выделяются в отдельную разновидность временных различий «переинтеграции», представляющие собой изменение ассоциативных связей между языковыми элементами.

С точки зрения общих задач истории языка представляется неправомерным выводить инновации за пределы лингвистических изменений только потому, что они не являются непосредственным преобразованием существовавших ранее единиц. Появление новой единицы, так же как и утрата старой – фонемы, морфемы, слова, значения слова или грамматической формы, всегда затрагивает ту микросистему, то поле или те категории, в которые входят эти элементы, и потому имеет самое прямое отношение к структуре языка.

Трудно также полностью согласиться с тем, что всякое изменение лингвистической единицы есть нарушение ее тождества самой себе. Это верно лишь тогда, когда мы фиксируем начальную и конечную стадии и квалифицируем данный факт как явный сдвиг. Так, можно сказать, что изменения д.а. *findan* в н.а. *find* есть нарушение тождества – в морфологической структуре, в звуковом облике, может быть, и в грамматическом значении (в д.а. инфинитив был более нейтрален в отношении залогового значения и, будучи «активным» по форме, мог иметь пассивное содержание; его место и значение в системе изменилось с развитием аналитических форм). Но если мы будем учитывать разные этапы процесса изменения и его постепенность, то установить момент нарушения тождества не представляется возможным. Изменение д.а.

findan в н.а. find было длительным процессом появления, сосуществования и смещения вариантов этого слова, а варианты, как известно, не нарушают его тождества [41, с. 90]. Тем не менее, появление новых вариантов уже было началом изменения, а их преобладание над старыми — его дальнейшей реализацией. Так, где-то в IX—X вв. должны были сосуществовать варианты findan и finden, а в позднесреднеанглийском были варианты с суффиксом *-en* и без него — finden и find(e), представляющие одну словоформу. Получается, что именно не нарушаемое в ходе развития тождество слова или словоформы доказывает, что мы имеем дело с изменением одной и той же единицы. (Напомним, что так анализировал Ф. де Соссюр переход латинского *calidum* во французское *chaud* [39, с. 215]). Такое понимание тождества представляется более плодотворным для диахронного изучения языка.

На основании сделанного обзора и проведенного нами исследования эволюции морфологических и синтаксических явлений в английском языке лингвистические изменения можно схематически подразделить на утраты, инновации, переинтеграции и замещения. Из этих типов изменений особенно емким и важным для нашего анализа является замещение.

2.2. Термин «замещение» имеет сейчас широкое хождение в историческом языкознании. В самом широком смысле замещение может применяться к эволюции всей языковой системы, так как можно сказать, что одна система или состояние языка заменила другую систему или предшествующее ей состояние, например, среднеанглийский язык заменил древнеанглийский. С другой стороны, замещение применяется и в более узком значении как один из видов лингвистических изменений. Действительно, замещение охватывает практически любые лингвистические изменения, за исключением чистых инноваций и утрат. Так, например, слово *sky* — инновация, заимствование из скандинавских диалектов, но в дальнейшей своей истории, вместе с исконным д.а. *hēofon*, оно может иллюстрировать одну из моделей замещения — расщепление (семантическую дифференциацию). Неопределенность границ между замещением и другими типами изменений демонстрируется и примерами из области грамматики. Так, с одной стороны, развитие перфектной формы в английском языке — инновация, поскольку в глагольной системе появляется совершенно новая, не существовавшая ранее единица (точнее, ряды единиц); с другой стороны, процесс ее образования — явный случай переинтеграции, так как он заключается в нарушении одних ассоциативных связей и возникновении других (ср. д.а. перфектную конструкцию и ее перевод на современный язык:

þā Beormas hæfdon swīfe wel gebūn hira land. (Alfred) —
The Permians had cultivated their land very well.)

С точки зрения семантики это же самое изменение можно интерпретировать и как замещение, потому что перфектные и неперфектные формы в конце концов распределили между собой те значения, которые

ранее передавали простые неперфектные формы, т.е. произошла замена одного ряда форм двумя.

По-видимому, все изменения на грамматических уровнях могут быть представлены как реализация этой наиболее общей, универсальной диахронной модели — замещения, причем в нее включаются не только сдвиги в языковой системе, но и изменения в функционировании ее элементов, например, в их частотности или дистрибуции, в модификации их семантики, замены одного элемента другим в какой-то части языкового пространства, появлении вариантов форм и их значений и т.д. Внутри этой общей категории можно использовать подразделение на несколько моделей, предложенное Хенигсвальдом, с небольшими добавлениями.

Однозначные замещения представлены в плане выражения как замена одной грамматической формы другой, имеющей то же грамматическое значение (например, д.а. причастие II *sprepen* заменяется с.а. и н.а. *spoken*), и в плане содержания — как замена значения.

Слияния обнаруживаются в многочисленных случаях утраты формальных и семантических дифференциаций (например, сокращение падежного ряда в парадигме существительного с четырех до двух членов).

Расщепление имеет место, когда возникают новые семантические и формальные дифференциации: например, две формы, противопоставленные по видовому значению — *wrote* и *was writing*, — заменяют одну форму — д.а. *wrāt*.

Модели замещения могут комбинироваться, когда, например, одновременно с расщеплением имеет место слияние. Так, форма *was writing*, *was hunting* возникла, по мнению многих историков, из слияния двух сочетаний — глагола *be* с причастием I и глагола *be* с предлогом и герундием (*he was on-huntinge*, *he was a-hunting*); одновременно (вместе с простой формой прошедшего времени) она демонстрирует модель расщепления.

В большинстве случаев в развитии языка мы имеем дело не с замещением одной-двух единиц, а с замещением целых рядов или микро-систем: так, последний пример — образование видовой оппозиции форм общего и продолженного видов — охватывает ряды форм и изменяет структуру глагольной системы; в истории существительного двупадежная парадигма заменила д.а. четырехпадежную, передав большую часть своих функций лексическим и синтаксическим средствам.

Примерами замещений в функционировании форм в языковом пространстве являются относительное сужение и расширение области распространения изофункциональных единиц. Так, глагол *will* из разговорных форм речи перешел в письменные, тогда как *shall* с инфинитивом, начиная с XVII в., в качестве способа выражения будущих действий стало ограничиваться 1-м лицом или «высоким» стилем речи.

Для такого рода явлений полезно ввести еще одно подразделение замещений — полное и неполное замещение. Примером полного служит замещение д.а. причастия II *sprepen* современным *spoken*, приве-

денное выше. Частичное замещение можно показать на исторической судьбе сочетания shall и will с инфинитивом: постепенное вытеснение shall в форме будущего времени глаголом will привело к частичной замене его в глагольной парадигме (во 2-м и 3-м лицах). Это же замещение было частичным в языковом пространстве: оно ограничено британским английским, тогда как в американском географическом варианте языка замещение оказалось полным: will полностью заменил shall в глагольной системе.

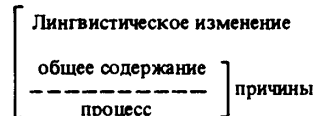
Перечисленные модели не дают исчерпывающей классификации всех возможных типов замещений, или изменений. Как всякая классификация языковых фактов, она упрощает и схематизирует реальность, а потому игнорирует какие-то частности и более тонкие градации. Однако модели замещения удобны для определения основного содержания изменений и для изображения процесса замещения.

Следующая схема показывает описанные модели замещения:

Модели замещения				
	Однозначное замещение	Слияние	Расщепление	Расщепление со слиянием
Полное замещение	A --- B	A > C B > C	A > B A > C	A > D B > C
Частичное замещение	A --- B └--- a *	A > C B > C └--- b	A > B A > C └--- a	A > D B > C └--- b

* Малые буквы показывают частичное сохранение элемента.

2.3. Рассмотрев общую типологическую классификацию лингвистических изменений и их основную разновидность — замещение, перейдем к характеристике этого понятия с другой стороны: с точки зрения его составляющих, или образующих. Обзор литературы и проведенное нами исследование позволяют считать, что в лингвистическом изменении можно различать — и, соответственно, анализировать — три компонента: содержание изменения (т.е. что происходит), процесс изменения (как оно происходит) и причины изменения (почему оно происходит). Содержание изменения, или его общая модель, фиксирует начальную и конечную стадии, сам факт и результат изменения. Процесс реализации включает всё, что происходило между временными пределами изменения. Причины должны охватывать оба эти компонента; в идеале они должны объяснить, почему, в каких условиях, под влиянием каких факторов произошло данное изменение, что определило его содержание и общее направление, чем объясняется то или иное протекание процесса изменения. Схематически три составляющие лингвистического изменения можно показать следующим образом:

Ввиду сложности отношений между этими составляющими их часто объединяли по-разному. Как было показано выше, многие лингвисты не отделяют процесс от сущности и результата. Другие объединяют процесс и условия, или механизм и факторы, в один предмет описания. По возможности мы будем рассматривать эти три аспекта отдельно, соответственно подразделяя описание каждого грамматического преобразования на три части (см. главы II—V). Предварительно, в следующих параграфах эти составляющие будут охарактеризованы в общем виде.

2.4. В соответствии с проведенным подразделением описание изменения должно начинаться с определения его основного содержания, для чего в идеале надо сравнить рассматриваемое явление до начала изменения и по его завершении.

Строго говоря, для большинства грамматических явлений в английском языке ни один период нельзя считать стадией «до начала изменений», так как изменения в письменные периоды истории были продолжением каких-то процессов или реализацией тех тенденций, которые действовали еще в дописьменную эпоху; в текстах мы застаем многие изменения на более или менее продвинутой стадии. Однако относительная стабильность системы, которая проявляется в малом диапазоне варьирования, свидетельствует о том, что рассматриваемое изменение еще не началось или находилось на начальной стадии. Практически периодом до начала многих изменений приходится считать ранний древнеанглийский или весь древнеанглийский период, условно принимаемый за один синхронный срез. Датировка завершения изменений может быть более обоснованной и более точной. Так, завершение изменений английской именной системы можно датировать XV веком, когда в основном стабилизировалась морфология имени, сохранившаяся по сей день; тогда как развитие глагольной системы можно считать относительно завершённым лишь к XVIII—XIX, а в некоторых отношениях — и к XX веку.

Общее содержание лингвистических изменений удобно показать в виде моделей замещения: полное или частичное однозначное замещение, слияние, расщепление и их комбинации.

Обычно лингвистические изменения описывают в соответствии с языковыми уровнями: фонетические изменения, занимающие центральное место в работах по истории английского языка, фонологические изменения — в работах последних лет, морфологические изменения, показываемые как парадигмы (accidence), — в работах XIX в. и более подробно описываемые в настоящее время [75; 65], синтаксические изменения [69; 82; 16], лексические изменения.

Лингвистические изменения на грамматических уровнях, как, впрочем, и на лексических, могут относиться как к плану выражения, так и

к плану содержания, т.е. быть формальными и/или семантическими. Формальные изменения могут затрагивать любую из двух частей языковой системы — ее субстанцию и структуру, касаясь оформления структурных отношений. Сопоставление сведений об оформлении структурных отношений на нескольких синхронных срезах позволяет определить степень формальной дифференциации в рядах грамматических форм, в парадигмах и конструкциях и установить их формальные сближения и расхождения.

Семантические изменения касаются значения грамматических единиц. Из двух различаемых в современной лингвистике сторон плана выражения — денотата и десигната — мы будем преимущественно заниматься вторым, для того чтобы показать отношения между грамматическими единицами; первый же аспект — денотативный — является при таком анализе первичным материалом, используемым для дальнейшего сравнения форм и сведения их в ряды со сходными, различающимися и противопоставленными значениями. Семантические изменения могут заключаться в сужении или расширении значения, в его большей или меньшей специализации или обобщении. Как формальные, так и семантические изменения могут касаться не только системы, но и функционирования языка, достигая разных степеней распространения в функциональных типах языка, проявляясь в формальном и семантическом варьировании.

§ 3. ПРОЦЕСС ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ. ВАРЬИРОВАНИЕ

3.1. В теориях развития языка XIX в. процесс изменения занимал относительно небольшое место. Однако вопросы о том, как, в каких условиях и почему, по каким причинам происходят изменения, настолько тесно связаны, что иногда они рассматривались вместе. Так, например, Г. Пауль полагал, что изменения происходят из-за индивидуальных колебаний в речи и начинаются с них — здесь прямо объединяются процесс и причина. Бодуэн де Куртене обнаруживал — применяя современную терминологию — динамику в синхронии и подчеркивал не только индивидуальную, но и социальную природу синхронных колебаний. В отличие от Г. Пауля он усматривал в них не случайные отклонения, а определенные направления развития [25, с. 24]. Характеризуя современные историко-лингвистические исследования, американский лингвист У. Леман справедливо отметил, что если в XIX веке истории интересовались главным образом реконструкцией прошлых состояний языка, то современные языковеды обратили особое внимание на процесс языковых изменений, или их «механизм». Через исследование механизма изменений и ведутся сейчас некоторыми лингвистами поиски их причин.

В этом параграфе мы попытаемся рассмотреть процесс лингвистических изменений по возможности отдельно от их причин и установить роль варьирования в этом процессе. В работах крупных лингвистов XX в. можно найти многочисленные указания на то, что лингвистические

изменения начинаются с синхронных вариаций, что изменения уже существуют в виде синхронных различий до того, как становятся собственно изменениями и что субдистинктивные синхронные колебания обеспечивают постепенность и незаметность сдвигов (см., например, [8]): Тем не менее, в середине XX в. вновь возникла необходимость аргументировать эти положения вследствие многолетнего господства структуральных направлений, исключавших из анализа гетерогенность языка.

Изображение языка в виде единой системы — сплошь и рядом представленной языком самого лингвиста (его «идиолектом») — при всех достижениях системного анализа оказалось явно недостаточным для полного описания языка ни в синхронии, ни тем более в диахронии. О неудовлетворенности подобной трактовкой языка свидетельствуют как прямые высказывания языковедов, так и, в особенности, изменившаяся тематика лингвистических работ. «Разочарование лингвистов в этом подходе привело к попыткам вырваться из прокрустова ложа идеализированных оппозиций путем создания моделей, которые учитывают варьирование и континуум в лингвистических данных, как семантических, так и фонологических», — пишет Ч. Бейли [54, с. 2].

Отрицание гетерогенности и синхронного варьирования языка более всего сказалось на исторических аспектах его изучения, поскольку оно фактически лишало лингвиста возможности заниматься именно теми сторонами языка, через которые и благодаря которым осуществляется его изменение во времени.

«Представляя язык, которому присуще варьирование, в таком виде, как будто бы он имеет единую однородную структуру, условное упрощение материала приводит к тому, что из анализа исключаются как раз те аспекты языковой структуры, которые, по-видимому, теснее всего связаны с осуществлением лингвистического изменения» [59, с. 4].

В монографии «Общее языкознание» дается анализ отношений между синхронным варьированием и изменениями языка во времени и при этом справедливо отмечается, что многие общие и частные вопросы, связанные с варьированием, остаются до сих пор нерешенными и мало исследованными [29, с. 201; см. также 82, с. 13]. Действительно, до сих пор еще не определено полностью то место, которое занимает варьирование в историческом развитии языка ни в целом, ни на ранних этапах изменений; не выяснены — а потому и не использованы — те возможности, которые заключает в себе изучение варьирования в разные эпохи как способ реконструкции эволюции языка; не разработаны принципы и методы анализа, пригодные для этой цели. Исследование варьирования для целей истории языка проводилось, главным образом, с тем, чтобы проследить становление норм литературного языка — процесс, в основном проявляющийся в постепенном ограничении диапазона варьирования [39; 50]. Между тем, совершенно очевидно, что изучение варьирования в истории не ограничивается вопросами формирования одной из разновидностей языка, хотя бы даже и такой существенной, как его литературная форма. Не меньший интерес представляет варьирование и в других разновидностях языка и, тем более, в языке в целом как совокупности разновидностей.

В настоящее время в центре внимания лингвистов находится изучение языка как средства коммуникации и определение тех его признаков, которые обнаруживаются в языке в процессе коммуникации. Соответственно, на смену анализа абстрактной единой системы пришло изучение гетерогенности языка, его варьирования, его функционального и социального многообразия.

В связи с изучением процесса изменений особенно настойчиво стали заниматься синхронными вариациями американские социолингвисты. В понимании социолингвистов изменения начинаются с синхронных вариаций в социальных группах. «Социолингвистические переменные», отражающие социальную и ситуативную вариативность языка, постоянно создают возможность выбора и перемещения инноваций в социальных группах. Как отмечал У. Брайт, синхронные вариации географического происхождения признавались и ранее, тогда как социальные вариации только сейчас стали объектом научного анализа как для синхронных описаний, так и для целей истории [58]. Один из представителей этого направления Ч. Бейли предложил волновую теорию лингвистических изменений, объединив идеи о варьировании с известной волновой теорией Шмидта: он изображает процесс диффузии как распространение волн — однонаправленных или встречных, постепенно охватывающих один диалект за другим, встречающихся и перекрывающих друг друга [54].

Известный американский социолингвист У. Лабов пытался выяснить, подвержены ли правила высокой степени абстракции — какими, по его мнению, являются фонологические и грамматические правила — воздействию социальных факторов. Хотя обследование У. Лабова проводилось на узком материале современных фонетических вариаций, У. Лабов считает возможным экстраполировать свои заключения на прошлую историю [28, с. 201]. Мнение Лабова об идентичности условий и процесса изменений в разные периоды вызвало справедливые возражения некоторых историков, считающих, что исторические условия неповторимы и не могут быть восстановлены в точности для отдаленных эпох истории. Развернутый критический обзор работ У. Лабова и других социолингвистов дает А.Д. Швейцер, отмечая позитивистский подход, слабость методологических предпосылок, узкую трактовку понятий «социальная группа» и «социальная стратификация», преувеличение роли «престижа» и т.д. [42, с. 41–52]. Несомненно, однако, что анализ распространения фонетических изменений в социальных группах населения, проводившийся У. Лабовым и другими социолингвистами, представляет значительный интерес для истории языка: он показывает многоступенчатость процесса распространения новых признаков, его постепенность и его обусловленность на отдельных ступенях разными сочетаниями системных и социальных факторов.

3.2. Процесс лингвистического изменения с включением стадии варьирования можно представить как состоящий из трех этапов: появление новых признаков, их сосуществование и конкуренция со старыми признаками и окончательное принятие новых признаков и исчезновение

старых. Они показаны на следующей схеме как переход от исходной стадии к промежуточной — процессу изменения — и к конечной — завершению изменения.

Схема восходит к положениям младограмматиков. Бодуэн де Куртене делил изменения на четыре фазы:

Фаза	A	snik
Фаза	B	snik : snek
Фаза	C	snek : snik
Фаза	D	snek

Между фазой В и С происходит перелом — нарушается равновесие в пользу новых признаков. Мы объединяем эти две фазы в одну, имея в виду, что ее можно подразделить на любое число синхронных срезов с разным соотношением новых и старых признаков.

	Процесс изменения		
	Исходная стадия	Стадия варьирования	Конечная стадия
	X ₁	X ₁	—
	—	X ₂	X ₂
Первый этап — возникновение параллелей		Второй этап — сосуществование параллелей	Третий этап — отбор

Схему можно иллюстрировать однозначным замещением, например, д.а. причастий II — современными формами:

Синхронные срезы

<i>д.а.</i>	<i>с.а.</i>	<i>н.а.</i>
holpen	holpen	—
—	helped	helped
sprecen	speken	—
—	spoken	spoken

При этом одновременно может изменяться не один, а несколько признаков, и каждый из них имеет свои конкурирующие признаки — параллели. Кроме того, в приведенной схеме и примерах не показано, что варианты, как правило, имеются на каждой стадии, хотя на стадии варьирования они наиболее многочисленны. Развернутая схема изменения с параллелями на нескольких срезах выглядит следующим образом:

Синхронные срезы	I	II	III	IV	...
Параллельные	X ₁	X ₁	—	—	
конкурирующие	X ₂	X ₂	—	—	
единицы	X ₃	X ₃	X ₃	—	
	X ₄	X ₄	X ₄	X ₄	
		X ₅	X ₅	X ₅	
		X ₆	X ₆	—	
			X ₇	X ₇	
				X ₈	и так далее

Если замещение представляет собой слияние или расщепление, то схема процесса изменений с включением стадии варьирования станет соответственно более сложной.

Примером слияния может служить объединение двух основ прошедшего времени сильных глаголов в XIV—XV вв.:

	<i>д.а.</i>	<i>н.а.</i>	
	I	III	
ед. ч.	rād	rode	A > C — слияние B >
мн. ч.	ridon		

Процесс этого изменения с учетом вариативности:

	<i>д.а.</i>	<i>с.а.</i>	<i>р.н.а.</i>	<i>н.а.</i>
	I	II	III	
	IX—X вв.	XIII—XIV вв.	XVI—XVII вв.	
формы	rād	rood	ride	
прошедшего	ridon	rode	rode	rode
времени	ridun	rade	rood	
глагола	riodon	riden	rade	
	ridan	redyn		
		ride		

Примером расщепления могут служить притяжательные местоимения, среднеанглийские варианты которых — *my/mine, thy/thine* — стали разными типами местоимений с различными функциональными и дистрибутивными признаками.

И, наконец, схема еще более усложнится, если под символами *x* и *y* мы будем иметь в виду не отдельные признаки или отдельные формы, а целые микросистемы, как оно в сущности и должно быть, поскольку эволюция языка как системы в движении складывается из микросистем в движении: так, микросистема из четырех глагольных основ была заменена микросистемой из трех основ, когда произошло слияние двух основ прошедшего времени:

д.а. rīdan — rād — ridon — riden *н.а.* ride — rode — riden

3.3. Рассмотрев процесс изменения, можно определить роль варьирования в лингвистических изменениях в общем виде.

В целом роль варьирования в эволюции языка можно определить следующим образом: варьирование в синхронии является источником лингвистических изменений, началом изменений, условием и формой их реализации.

В качестве источника изменений варьирование действует на этапе возникновения параллелей. Оно обеспечивает запас близких по

оформлению и/или по значению новых языковых средств, как «сырой материал» для последующей конкуренции со старыми единицами и для окончательного отбора. Эти параллели представляют собой синхронные различия, или синхронные вариации, возникающие в разновидностях языка в разных условиях коммуникации: в территориальных и социальных диалектах, в жанрово-стилевых разновидностях литературного языка, в индивидуальном авторском употреблении, в устной речи одного и того же лица в разных ситуациях и т.д.¹

Предпосылками и источниками варьирования является разнообразие реализаций языковой системы в разных условиях ее функционирования. При этом отношения между варьированием и лингвистическими изменениями двусторонни, так как изменения, в свою очередь, являются источниками варьирования, поскольку сосуществующие параллели представляют старые, отмирающие признаки языка и новые, растущие признаки. Исторические тенденции по-разному реализуются в разных частях языка и создают неоднородность и варьирование, или «динамику в синхронии»: «Эволюция не будет проходить единообразно по всей территории, она будет варьировать в зависимости от местности» [39, с. 235].

Для оценки значимости синхронных вариаций с точки зрения эволюции языка можно обратиться к классификации языковых флуктуаций В. Брендаля. Он подразделяет флуктуации на три вида: индивидуальные спорадические вариации временного характера, иррелевантные для истории; более глубокие («псевдоисторические») вариации социального характера, показывающие атрофию или гипертрофию элементов языка, высокую и малую употребительность; и, наконец, вариации подлинно исторические, знаменующие собой системные сдвиги. Эти последние есть уже лингвистические изменения, тогда как индивидуальные и социальные вариации относятся к синхронному состоянию и лишь подготавливают изменения во времени. Сравните следующее высказывание Бодуэна де Куртене: «Изменения индивидуальные обычно проходят без следа, однако они могут оставить после себя след в воздействии на другие индивидуальные изменения. Изменения же племенные, наступающие обычно после целого ряда индивидуальных проб, становятся историческим приобретением или же исторической потерей» [9, с. 228].

Надо, однако, отметить, что классификация вариаций на индивидуальные, социальные и географические не всегда может быть проведена на материале памятников письменности древних периодов: сплошь и рядом трудно установить, является ли какая-либо форма индивидуальной особенностью автора или переписчика или же она фиксирует более общие социальные и диалектные различия. Однако бесспорно, что син-

¹ А.Д. Швейцер сводит разнообразную синхронную вариативность языка к двум основным типам, составляющим одну из дихотомий языка: ситуативная вариативность и стратификационная вариативность [43, с. 86].

хронные различия должны приобрести социальный, массовый характер, чтобы стать началом изменений. Но при этом не каждый случай варьирования обязательно становится началом изменения; иногда в результате конкуренции параллелей сохраняются старые формы, а новые вновь сокращают область своего распространения или совсем исчезают; и все же изменения начинаются как синхронное варьирование и поэтому варьирование расценивают как «потенциальные» изменения или как показатель возможных изменений.

Говоря о варьировании как об источнике и начале изменений, нельзя попутно не коснуться вопроса о возможности прогнозирования развития языка. Если варьирование есть начало изменения, то можно ли на основе данных о синхронном варьировании строить прогнозы о дальнейшем развитии языка? Такие размышления занимают многих лингвистов, которые утверждают, что лингвистика только тогда и станет подлинной наукой, когда она сможет прогнозировать лингвистические изменения [53, с. 5]. Например, наблюдая в современном английском языке варианты форм мн.ч. *mouses/mice*, Дж. Ламбертс утверждает, что не пройдет и одного поколения, как английский язык изменится от так называемых «неправильных» форм множественного числа существительных [70, с. 130]. Думается, что такие решительные предсказания вряд ли допустимы. В этом отношении историк находится в более выгодном положении, чем исследователь современного языка: он доподлинно знает, какие случаи варьирования привели к началу изменений, а какие нет. Наблюдения над фактами прошлой истории в некоторой степени помогают решать подобные проблемы и для современности. Если у параллелей есть какие-то отличия — семантические, дистрибутивные, стилистические, — то такие параллели обычно сохраняются и происходит расщепление (ср. совр. *sunk — sunken*, *antennae — antennas*, *knit — knitted*). В случаях полной эквивалентности сохранение их на какой-то срок не исключено, но менее вероятно; одна стремится вытеснить другую (ср. варианты форм *town/mowed*, формы типа *be* и *should be* в современном английском языке). Для дальнейшей судьбы вариантов важно их соответствие тенденциям развития языковой системы и принадлежность к влиятельным функциональным типам языка.

Говоря, что варьирование является условием реализации исторических изменений, мы имеем в виду, что любое замещение — будь то полное вытеснение, смещение или размежевание каких-то единиц в системе языка или в языковом пространстве — осуществляется в процессе одновременного функционирования близких по содержанию и/или по оформлению параллелей. Их сосуществование и свободное варьирование как эквивалентное обеспечивает условия для смещений и замен, незаметных для носителей языка, иными словами, обеспечивает ту постепенность изменений, которая является их обязательным законом.

В теориях лингвистических изменений постепенность понимается по-разному. Некоторые лингвисты считают, что всякое изменение есть отдельный резкий скачок, сдвиг и что, следовательно, никакой постепен-

ности в исторических изменениях нет [59, с. 3]. Другие полагают, что резкий сдвиг имеет место только на первом этапе, как некий толчок, с которого начинается процесс, дальнейшая же диффузия постепенна. Третьи — что толчок, или «взрыв» имеет место в конце [24, с. 44]. Большинство лингвистов, однако, признают постепенность на всех этапах изменений. Последняя точка зрения, безусловно, наиболее оправдана: даже если самое первое появление новой формы или нового значения отличалось от предшествующих, это отличие было не столь резким, чтобы оно могло создавать затруднения в коммуникации; поэтому и этот первый шаг был не менее постепенным изменением, чем все дальнейшие. Проникновение новых форм из одних функциональных типов языка в другие также происходит постепенно: взаимопроницаемость разновидностей языка сохраняется до тех пор, пока они составляют единый язык. Впечатление резких скачков может создаться только у исследователя, когда он сопоставляет интересующее его явление на начальной и конечной стадиях. Завершение изменения как сдвиг в системе тоже имеет постепенный характер, так как оно подготовлено предшествующим варьированием, которое и явилось условием для незаметного осуществления окончательного отбора.

По всем этим соображениям варьирование можно считать формой реализации изменений. Поэтому определение изменения следует дополнить: это замещение, осуществляемое через варьирование. Процесс изменения можно показать путем последовательного учета и сопоставления данных о состоянии варьирования на протяжении периода изменений.

3.4. Необходимость учета варьирования на разных временных срезах, представляющих период изменения, ставит вопрос о способах, или методах этого учета.

К единицам варьирования на уровне грамматики мы относим грамматические и лексико-грамматические синонимы, формальные и семантические варианты морфологических форм и синтаксических конструкций. В определении синонимов мы следуем за Е.И. Шендельс, которая считает таковыми разные грамматические формы, сближающиеся по своему значению [44, с. 67], с тем, однако, уточнением, что это не только грамматические формы, но и синонимичные им словосочетания, а также синтаксические конструкции. Для исторического анализа такое добавление существенно, так как образование новых единиц шло через стадию синонимии разноуровневых единиц.

Другой единицей варьирования, точнее вариантности, были варианты грамматических форм и конструкций. К вариантам обычно относят незначительные формальные модификации лингвистических единиц, не связанные с изменением их основного значения. «Вариантность — это изменение единицы языка в пределах ее тождества» [41, с. 90]. О.И. Москальская также определяет варианты исходя из тождества слова и подчеркивает грамматический аспект вариантов: модификации способа образования словоформы (типа склонения или спряжения) или модификации состава словоизменяемых морфем у одной из грамматических форм данного слова, не нарушающие тождества [25, с. 12].

Некоторые авторы подчеркивают свободное варьирование вариантов (там же), другие отмечают их отличия в сферах распространения в социальном и географическом пространстве [29, с. 209]. Е.И. Шендельс различает «значимые варианты» (типа *er hat gereist, er ist gereist*, ср. англ. *hung/hanged*) и «незначимые варианты» или «дублеты» [44, с. 87]. По наличию или отсутствию оттенков значения и других отличий Н.Н. Семенюк подразделяет варианты на полные и неполные; О.И. Москальская — на собственно варианты и дифференциации. В настоящей работе мы будем считать вариантами грамматических форм модификации, не связанные с изменением позиции словоформы в парадигме, и синтаксические конструкции с небольшими формальными различиями. Так, например, когда в позднем древнеанглийском существительные *i*-основы стали образовывать формы именительного и винительного падежа мн. ч. добавлением флексии *-as, -es*, то эти формы (например, *winas, wines друзья*) явились вариантами формы мн. ч. *wine*; вариантами маркера *-as* были *-es, -ux*. Вытеснение одного варианта другим служит доказательством того, что в течение какого-то отрезка времени они действительно были полными вариантами.

3.5. Наиболее детальный аппарат описания варьирования разработала Н.Н. Семенюк, анализируя формирование норм литературного немецкого языка в XVIII в. [34]. Она пользуется количественными параметрами: «диапазоном» варьирования, который определяется количеством вариантов формы и числом лексем или позиций, охваченных вариантностью, и «глубиной» варьирования, определяемой числом варьирующихся признаков. К качественной оценке относится анализ употребления грамматических вариантов.

При описании формальной вариантности в настоящей работе качественные параметры будут сочетаться с количественными.

К а ч е с т в е н н ы е параметры охватывают разнообразные признаки, которые могут быть объединены в две группы, соответствующие аспектам языковой эволюции: группу признаков, относящихся к системе языка и ее функционированию, и группу признаков, связанных с вариативностью языка и языковой ситуацией.

Первая группа признаков — это те небольшие формальные и семантические различия, которые позволяют считать данные единицы вариантами. Эти различия заключаются в использовании разных маркеров или разных формальных моделей (например, разных флексий в грамматических формах, занимающих тождественные парадигматические позиции, разных служебных глаголов в аналитической форме, разных форм слова в синонимических синтаксических конструкциях). К качественным признакам относятся и наборы значений, которые могут быть приписаны синонимическим единицам в разные периоды, и стилистические оттенки варьирующихся единиц — особая экспрессивность, эмоциональность, модальные оттенки и т.д. Они проявляются в синтагматике, но могут со временем стать дифференциальными парадигматическими признаками форм, превращаясь в их доминантные и/или специфические значения.

Поскольку нашей целью будет не столько описание явлений на отдельных срезах, сколько получение возможно более полного представления о развитии, то большое значение имеет оценка параллелей, или признаков с точки зрения их исторической продуктивности и перспективности. По этому параметру каждый признак характеризуется некоторым статусом в системе языка, определяемым степенью его соответствия общим тенденциям и направлениям развития. Эти тенденции выявляются из предшествующей истории, из распространенности аналогичных явлений на том же синхронном срезе, а иногда и ретроспективно, из их дальнейшей судьбы. Продуктивные признаки соответствуют тенденциям развития языка, тогда как непродуктивные представляют устаревающие или устаревшие свойства системы.

К качественным признакам второго типа, связанным с функциональным расслоением языка и его вариативностью — диалектным и стилевым членением — относится прежде всего принадлежность тех или иных единиц к отдельным разновидностям языка, иными словами, их статус в языковом пространстве. Отнесенность к отдельным функциональным типам не обязательно предполагает строгую закрепленность каких-то явлений за одним типом и их отсутствие в другом. Напротив, такое положение является скорее исключением, чем правилом. Большой частью различия заключаются не в инвентарных признаках, а в относительной частотности и в условиях функционирования одних и тех же единиц в разных образованиях единого языка.

В зависимости от языковой ситуации функциональная принадлежность единиц определяется по разной шкале. Известно, что разные функциональные типы могут занимать в языке неравноправное положение: например, в периоды формирования литературного языка на основе одного диалекта или в период, когда языковой стандарт противопоставляется другим разновидностям. Для исторической судьбы отдельных параллелей представляет особый интерес оценка его статуса в этом плане; историческая перспективность зависит от того, принадлежит ли данная единица к исторически влиятельным, «перспективным» или к менее влиятельным типам языка.

Наиболее очевидными и наглядными признаками варьирования являются такие, которые поддаются не только качественной, но и количественной оценке. Особенно удобны количественные параметры для анализа формальной вариантности. Количественному учету легко поддаются такие данные, как абсолютное и относительное число единиц, позиций или микросистем с вариантностью; количество варьирующихся признаков (например, флексий и огласовки корня); число вариантов формы, ряда или микросистемы; влияние вариантности на формальную дифференциацию грамматических форм и на формальную выделяемость отдельных форм в ряду или в парадигме. Для всех случаев варьирования показательна относительная частотность конкурирующих параллелей. Поскольку для разных процессов мы будем пользоваться различными количественными показателями, то способы их расчета объясняются в соответствующих разделах.

§ 4. О ПРИЧИНАХ И НАПРАВЛЕНИЯХ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА

4.1. Причинная обусловленность эволюции языка и его грамматического строя давно привлекала к себе внимание лингвистов. В разных школах и направлениях языкознания XIX века эта проблема находила различное решение. На заре сравнительно-исторического языкознания в его романтическом направлении историю отдельных групп и языков индоевропейской семьи рассматривали как неуклонное разложение, распад морфологии со времен «золотого века» индоевропейского праязыка (В. Гумбольдт, Я. Гримм, Ф. Шлегель). «Биологическая модель» языка уподобляла его историю развитию живого организма: рождение, юность, зрелость, старость, смерть (А. Шлейхер). Психологическое направление непосредственно связывало эволюцию языка с развитием мышления, с изменяющейся индивидуальной психологией человека и со случайными колебаниями в его речи (Г. Пауль, В. Вундт, Г. Штейнгал, А. А. Потебня). Младограмматики считали истинными историческими изменениями в языке только фонетические; действие фонетических законов приводило к росту новых исторических форм в отличие от форм, возникших под влиянием аналогии, и от заимствований (Г. Пауль, Б. Дельбрюк, Г. Остгоф, К. Бругман). Социологи конца XIX – начала XX в. прямо связывали развитие языка с развитием общества (А. Мейе, Ш. Балли).

В XX в. многие из этих идей получили новые обоснования, и были выдвинуты новые гипотезы о причинах и условиях языковой эволюции. Надо сказать, что некоторые лингвисты вообще отказывались заниматься причинностью как проблемой, не имеющей отношения к лингвистике. Другие утверждали, что лингвисты должны изучать только механизм изменения и внутренние стимулы развития, исходящие из системной организации языка. Только признание гетерогенности и вариативности языка вновь ввело в сферу интересов языкознания внешние социальные факторы развития.

4.2. Проблематика причинной обусловленности языкового развития очень широка. Э. Косериу различает три проблемы причин: а) логическую проблему изменчивости языка вообще, б) общую проблему условий и факторов изменения и в) историческую проблему конкретных изменений [26, с. 182]. В соответствии с нашей трактовкой лингвистических изменений причины должны объяснять их общее направление и содержание, масштабы и результаты, датировку и ход реализации на разных этапах процесса изменения.

Поскольку мы будем описывать лингвистические изменения как замещение, осуществляемое через варьирование, и проводить учет всякого рода вариаций в функционировании языка, прежде всего важно установить, в какой мере эти вариации могут служить показателями изменений и не являются ли они случайными. Если же они имеют случайный характер – а через них осуществляются изменения, – то не оказываются ли и эти изменения тоже случайными? Иными словами, это вопрос о том, имеются ли какие-либо общие направления в эволюции языка и как они связаны с варьированием.

Преувеличение роли случайности, особенно на начальных этапах изменения, видно как в некоторых теоретических положениях, так и в перечнях конкретных причин, которыми многие лингвисты объясняют колебания и изменения в языке. Еще в XIX в. Г. Пауль полагал, что случайность определяет направление изменений, поскольку по воле случая направления индивидуальных колебаний в речи могут совпасть [30, с. 52, 80]. Общеизвестны взгляды Ф. де Соссюра о неупорядоченном, хаотичном характере диахронных явлений, в том числе и грамматических, меняющихся под действием деструктивных фонетических изменений и упорядочиваемых только вследствие консервативного действия аналогии [39, с. 127, 176]. Столь же случайны и необъяснимы фонетические изменения в теории Л. Блумфилда, отводившего им, наряду с заимствованиями, ведущую роль в истории [8]. В теории языковой эволюции Э. Косериу случайность господствует на начальном этапе, детерминируя появление «инноваций», т.е. любых новых признаков.

Убедительным доказательством фетишизации случайности являются списки тех непосредственных причин, которые вызывают отклонения и изменения: несовершенство воспроизведения, вызванное физиологическими недостатками, плохой артикуляцией, неточной имитацией плохо услышанных образцов; ошибки детей вследствие недостатков обучения, психологических и физиологических особенностей памяти и т.п. (см., например, 53, с. 84; 76, с. 226). Интенсификацию изменений связывают с ослаблением связи между поколениями в периоды эпидемий и войн, когда из-за массовой гибели людей старшего поколения прерывается воздействие родителей на речь детей [67]. Господство случайности на начальном этапе изменения может компенсироваться тем, что на конечной стадии имеет место сознательный отбор одной из сосуществующих параллелей. На этой стадии, по мнению Э. Косериу, говорящий имеет полную свободу предпочесть «лучшую» форму – более простую и удобную [26, с. 107]; но в таком случае круг опять замыкается случайностью, поскольку индивидуальная произвольность выбора никакая закономерности не отражает. Высказываются и другие, более справедливые взгляды: окончательный отбор и принятие новых признаков определяется не личными вкусами говорящих, а системными факторами [28, с. 227; 78, с. 40]. Все это иногда приводит к полному отказу признавать какие-либо направления в развитии языка. Так, Д. Болинджер отказывается от применения термина «эволюция» к языку на том основании, что в своем привычном употреблении, идущем из биологии, эволюция подразумевает определенное направление развития: улучшение и прогресс. Это неприменимо к истории языка, которая носит случайный характер и, по выражению автора, может быть уподоблена только «собаке, которая все время вертится на месте, пытаясь поймать себя за хвост» [57, с. 459].

Между тем определенные направления развития проявляются в вариациях языка со всей очевидностью. Чтобы понять связь между кажущейся неупорядоченностью колебаний и общими направлениями развития языка, надо обратиться к философскому определению взаимоотношений

необходимости и случайности. Случайность и необходимость — противоположности, связанные диалектически. «...где на поверхности происходит игра случая, — писал Ф.Энгельс, — там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам» [1, с. 306]. Якобы неупорядоченные вариации оказываются значительно более упорядоченными, если обозреть большой материал даже в одной временной плоскости; они обнаруживают еще более явные направления, если их сопоставить в разные исторические периоды. В массе вариаций, вызванных различными причинами, будут всегда преобладать такие, которые выражают общие тенденции и направления развития.

4.3. Существует мнение, что наиболее общее направление развития большинства языков можно определить как их постепенное совершенствование. «Большие линии в развитии языка в конечном счете и как общее правило обычно приводят к совершенствованию языка» [12, с. 252]. Конечно, совершенствование языка не есть «прогресс» в упрощенном толковании О. Есперсена, который сводил его к грамматическим преобразованиям в направлении к большему аналитизму, якобы отражающему прогресс и превосходство мышления [67]. Нельзя также считать всякое изменение переаранжировкой правил, как это делают сейчас некоторые сторонники генеративной грамматики: изменение заключается в выборе лучшего из существующих правил — более простого и универсального [82].

К совершенствованию языка можно отнести многие панхронические тенденции к улучшению языковой техники, или языкового механизма, к сохранению языковой устойчивости, к упорядочению и большей регулярности структурной организации языковой системы [35; 29]. Эти пути ведут к относительному совершенствованию языка как способу разрешения постоянно возникающих противоречий (понятие относительного совершенствования более применимо к языку, чем понятие совершенствования абсолютного).

Поступательное развитие языка, его усложнение — а потому в известном смысле и совершенствование — можно усматривать и в эволюции языка в речевом коллективе в связи с усложнением структуры общества, с расширением и растущим разнообразием сфер человеческой деятельности. Усиливающаяся функциональная вариативность языка, его функциональная стратификация отражает его большую специализацию и повышение степени его соответствия растущим многообразным потребностям общества. Известно, что на разных ступенях развития общества закономерно и последовательно складываются определенные формы существования языка: например, письменная форма языка и литературный стандарт как его наиболее отработанная форма. Таковы самые общие направления эволюции любых живых языков.

4.4. Подобно всякому другому движению, движение языка во времени определяется борьбой противоречий. «...противоречие же, — пишет В.И. Ленин, — есть *корень всякого движения и жизни*; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно *движется, обладает импульсом и деятельностью*» [2, с. 125].

О противоречиях в языке написано много — от Гумбольдта до наших дней. По самой своей сути язык представляет собой противоречивое явление, сосредотачивающее в себе одновременно единое и различное, общее и отдельное, универсальное и специфическое [21, с. 27]. Сравните другой перечень языковых антиномий: говорящего и слушающего; кода и текста; узуса и потенций языковой системы; асимметрии языкового знака; информативной и экспрессивной функций [29, с. 211].

Противоречия, обуславливающие движение языка во времени, можно представить в виде некоего иерархического устройства. Для этого надо сформулировать главное противоречие как движущую силу развития, определить те основные противоречия, в которых она реализуется, и далее, в качестве третьего «яруса», установить те внешние и внутренние факторы, или причины, которые наполняют эти противоречия конкретным содержанием и создают импульсы, стимуляторы и условия движения.

«Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления нового качества и отмирания старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [46, с. 60]. Это же главное противоречие в чисто языковых терминах можно определить как противоречие между формой и содержанием, которое Г.В. Колшанский называет условием, «рычагом», благодаря которому внутренние и внешние причины находят свое отражение, свое проявление в языке [21, с. 39].

В качестве следующего яруса наиболее существенными представляются два противоречия: между единством и вариативностью языка — по линии внешнего аспекта его эволюции — и между системой языка и ее функционированием — по линии двух внутренних аспектов (о трех аспектах эволюции см. выше § 1.3).

Противоречие между единством и многообразием языка проявляется в меняющейся языковой ситуации: в формировании разновидностей языка, которые обособляются в силу различия сфер использования, но сохраняются в единстве как образования одного языка. Эту борьбу противоположностей можно уподобить противодействию центробежных и центростремительных сил: тенденция к раздельности борется с тенденцией к единству.

Как образования одного языка, его разновидности близки и взаимопроницаемы; степень их близости, взаимовлияния и смешения определяется историческими условиями и меняется вместе с ними¹. По сути дела, эволюция языка есть совокупная эволюция всех его разновидностей, и смешение диалектов играет в ней значительно большую роль, чем иноязычные контакты. Иноязычное влияние случайно с точки зрения развития данного языка, хотя оно может, например, усилить различия между территориальными и социальными диалектами.

¹Ср. следующее замечание А. Мейе: «Диалекты прежде всего характеризуются разнообразием в единстве, единством в разнообразии» [24, с. 49].

Второе противоречие, обуславливающее развитие языка, можно определить как состоящее из двух противоположностей: системы языка и ее функционирования.

Функционирование языка — это реализация системы в речевой деятельности; в нем отражается ситуативная вариативность, стилевые различия, индивидуальные особенности речи в разных условиях коммуникации. Противопоставление «система — функционирование» примерно соответствует антиномии язык — речь, с тем отличием, что понятие «язык», по-видимому, несколько шире, чем понятие «система». В некоторых теориях между системой и реализацией помещают норму как принятые в данном коллективе правила реализации системы и накладываемые ограничения на ее варьирование [64, с. 19].

В функционировании языка возникает варьирование, избыточность; ему присуща постоянная изменчивость, и в нем зарождаются и начинаются изменения. Система и норма языка противостоят разнообразию и изменчивости функционирования: они сохраняют устойчивость и регулярность и вносят эту регулярность и в варьирование, которое ориентировано на систему: именно поэтому возникающие варианты в своем большинстве соответствуют системе и ее продуктивным моделям.

«Направление действия системы, — пишет Э.А. Макаев, — определяется стремлением к сохранению структурного облика конститутивных единиц языка, их парадигматической и систематической конфигурации, отвечающей наиболее типичным приемам моделирования данного уровня, а также стремлением к элиминированию или, во всяком случае, к преобразованию структуры тех языковых единиц, которые уже не отвечают установившимся в данном уровне приемам моделирования» [23, с. 57].

В системе языка действуют свои внутренние противоречия, которые создают системные и структурные импульсы движения; их конкретное содержание различно в разных уровнях языка. Так, большинство противоречий в области морфологии есть конкретные проявления различий между формой и содержанием, например, слишком широкий набор значений при малом наборе формальных средств, многозначность или дублирование формантов и т.п.

Давление системы соотносится с уровневой организацией языка и может подразделяться на внутриуровневое и межуровневое. Первое действует в виде «давления изнутри» — в пределах одного уровня, одной парадигмы, одной грамматической категории, одной микросистемы. Второе есть «давление извне» — в этом случае взаимодействуют явления разных микросистем и разных уровней в определенной иерархической последовательности [23].

Внутрисистемные факторы развития могут иметь панхронический, универсальный характер, а могут быть специфичны для отдельного языка или языковой группы.

Подробные списки внутренних тенденций развития языковых систем приводятся в работах по общему языкознанию [35; 29]. Перечислим не-

которые из этих тенденций, иллюстрируя их грамматическими изменениями в английском языке:

а) тенденция к выражению разных значений разными формами, например, замещение д.а. личного местоимения женского рода 3-го лица ед. ч. hēo новым местоимением she, поскольку в с.а. hēo совпало с hē, местоимением мужского рода;

б) тенденция к выражению одинаковых значений одной формой; пример: распространение флексии мн.ч. существительных -(e)s (д.а. -as) на большинство существительных (имевших в д.а. разные флексии);

в) тенденция к избавлению от избыточности, или к экономии; отпадение д.а. флексий прилагательных, дублировавших значение флексий существительного — падежа, рода, числа;

г) тенденция к употреблению более экспрессивных форм: в д.а. наряду с простыми глагольными формами употреблялись глагольные словосочетания как их более экспрессивные синонимы (послужившие источником аналитических форм);

д) тенденция к устранению форм, утративших свою исконную функцию или имеющих малую семантическую нагрузку, например, утрата категории рода у английских существительных.

К системным, внутренним, факторам и закономерностям развития относятся также и конкретные пути улучшения механизма и способы разрешения противоречий в отдельных языках; они в большей степени ограничены временем и связаны с внешними условиями в конкретный период истории, но тем не менее они тоже предстают как общие внутренние тенденции, направляющие и регулирующие ход изменений. К таким тенденциям развития в германских языках относятся, например, переход от синтетических средств связи к преобладанию аналитических; расширение глагольной парадигмы за счет образования и включения в нее аналитических форм; редукция и отпадение грамматических окончаний, первоначально вызванные характером германского словесного ударения, и т.п. (см. подробнее в соответствующих главах работы).

От внутренних факторов развития обычно отличают внешние, или экстралингвистические. Они тоже специфичны для каждого языка и для каждого периода его истории. Хотя, строго говоря, к внеязыковым факторам относятся также психологические и физиологические особенности говорящих, мы — как и многие лингвисты — ограничимся рассмотрением событий в истории общества, влияющих на языковую ситуацию.

Признавая упрощенность всякой схематизации, тем не менее построим в заключение схему причинности языковой эволюции, показывающую иерархию двигательных сил, противоречий и факторов развития. Двойкая зависимость развития — от системы и среды — показана в виде стрелок, идущих от внешних и внутренних факторов к системе; последние, в свою очередь, исходят из системы.

Основная движущая сила
на уровне "язык-общество"

на уровне "язык"

Противоречия

Факторы, условия
или причины

4.5. Рассмотрев причинность языковой эволюции в общем виде, попытаемся показать, как можно интерпретировать общее содержание изменений и процесс их реализации с точки зрения их причинной обусловленности.

Основное содержание и направление лингвистических изменений обусловлено главным образом внутренними системными факторами как в виде панхронических тенденций, так и в виде специфических тенденций развития языковой системы в данной языковой группе и языке. Внешние условия не оказывают обычно непосредственного влияния на содержание изменений, особенно грамматических, но могут воздействовать на темпы изменений, их распространение и реализацию, т.е. в основном на процесс изменения через языковую ситуацию, через взаимоотношения разновидностей языка, формирование литературного языка и тому подобные события.

Рассмотрим возможное соотношение внутренних и внешних факторов на трех этапах процесса изменения.

Первый этап — возникновение новых признаков — проявляется как усиление варьирования в какой-то части языка. Основной предпосылкой варьирования является гетерохронность и гетерогенность языка, создаваемые его исторической изменчивостью и функциональной стратификацией. Чем значительнее функциональное расслоение — диалектное, ситуативное или любое другое, тем благоприятнее условия для варьирования и возникновения языковых различий. Но характер этих различий и новых черт в языке регулируется системой и единством языка. Новые признаки в своей основной массе возникают из наличного материала языка, в соответствии с направлениями и тенденциями его развития, с закономерностями его системы, с взаимодействием лингвистических уровней и другими внутренними свойствами языка. Интенсивность и масштабы их роста зависят от языковой ситуации и ограничиваются ею, так что на этом первом этапе внутренние факторы играют ведущую роль, а внешние — дополнительную.

На втором этапе — в период сосуществования и конкуренции старых и новых признаков и постепенного преобладания последних — судьбу параллелей определяют как внутренние тенденции языковой системы, так и внешние условия — языковая ситуация. Иногда одинаковые новые признаки возникают одновременно в разных частях языкового

пространства, но в подавляющем большинстве случаев они появляются в какой-то одной части и оттуда распространяются на другие разновидности языка. В каждый период истории в языке имеется множество потенциальных и вероятных изменений в виде синхронных различий. Темпы и направление их распространения в очень значительной степени определяются языковой ситуацией — функциональной стратификацией и взаимоотношениями его разновидностей. В это время роль языковой ситуации повышается. По-видимому, даже доля участия системных и внешних факторов в период сосуществования и распространения новых признаков во многом зависит от языковой ситуации.

На третьем этапе — стадии отбора — вновь повышается роль системной детерминации: новая единица может остаться на периферии языка, а может войти в его систему; здесь принятие системой играет решающую роль. Однако и на этом этапе действует сочетание разных условий. Употребление новой формы в более весомых разновидностях языка, например, в литературном стандарте, в диалектах крупных населенных пунктов, может сделать ее предпочтительной другим формам, невзирая на их системный статус. Определенное влияние может оказать и использование новых единиц в языке популярных авторов. В более поздние периоды истории на отбор может повлиять сознательная коррекция и кодификация норм; в этот период новым фактором или участником процесса является литературная норма. Кодификация ограничивает и регламентирует варьирование в языке более определенно и категорично, чем это делало стихийное регулирование узуса в предшествующие эпохи. Наличие литературного стандарта, кодификация норм через письменные формы языка и через обучение могут замедлить реализацию изменений и даже воспрепятствовать им, а с другой стороны, могут способствовать внедрению в язык новых конструкций и слов. Это особенно очевидно в современную эпоху с ее богатыми средствами массовой информации — прессой, радио, кино, телевидением, которые, как и повышение уровня образования, ограничивают или способствуют распространению и закреплению новых единиц.

Так можно представить действие внутренних и внешних факторов в процессе изменения в общем виде. Конкретные причины и условия отдельных грамматических преобразований будут рассмотрены в соответствующих главах.

Вопросы для обсуждения и задания

1. Подготовьте сообщения и ответы на следующие вопросы и приведите примеры из известных вам языков.
 - а) Классификация лингвистических изменений, включая замещения. Разные интерпретации термина «изменения».
 - б) Взаимоотношения синхронного варьирования и языковых изменений. «Потенциальные» изменения.
 - в) Содержание и процесс («механизм») лингвистических изменений.

г) Внутренние и внешние причины языковых изменений.

д) Понятие языковой ситуации; ее роль в синхронии и диахронии.

2. Прокомментируйте следующие высказывания видных зарубежных лингвистов об изменениях в языке. Приведите свои соображения в поддержку или в опровержение этих мнений.

a) One may say with R. Jakobson, a little paradoxically, that a linguistic change is a synchronic fact. (A. Sommerfelt)

b) Visible change is the tip of an iceberg. Every alteration that eventually establishes itself, had to exist formerly as a choice. This means that the seedbed for variation in time is simply the whole landscape of variation in space. (D. Bolinger)

c) It is enough for speakers to decide for whatever reason that one variant is worth adopting instead of another and the change is set. (Householder)

d) The structure of language is nothing but an unstable balance between the needs of communication, which require more numerous and more specific units, and man's inertia, which favours less numerous, less specific and more frequently occurring units. (A. Martinet)

e) Phonetic laws are regular but produce irregularities. Analogic creation is irregular but produces regularity. (E. Sturtevant)

f) That two forms, the new and the old, can occasionally exist in wholly free variation is a possibility that has not yet been disproved but, as Bloomfield rightly remarked, "when a speaker knows two rival forms, they differ in connotation, since he has heard them from different persons and under different circumstances". (M. Samuels)

g) At any moment, between the innovation and the conclusion of changes we have a state characterised by the presence of more or less free variants, so that the speakers have the choice between alternative expressions. In each case the choice will be determined by an interplay of factors, some linguistic, some aesthetic and social, an interplay so complex that most often the choice will appear as due to pure chance. (H. Vogt)

h) It is surprising how many people think of linguistic change as something belonging to the past, something that took place in the age of Shakespeare or in Middle or in Old English; and then of course it was quite respectable. When they meet an example of linguistic change in present-day English, they use a different word for it: it is vulgar or careless or ungrammatical, or uneducated. In fact, they become moralists and prescriptionists, intent on telling us how we ought to talk rather than contemplating with detachment the processes going on in the language to-day. (Ch. Barber)

Глава II. РАЗВИТИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО (VIII–XV вв.)

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эволюция словоизменительной системы имен существительных и прилагательных является одной из главных составных частей преобразования грамматического строя английского языка в его движении к большому аналитизму. Как и все составляющие этого общего преобразования, эволюция именной системы была связана с историческими процессами в других системах и уровнях языка и — опосредованно — с языковой ситуацией и внешними условиями. Мы ограничимся здесь описанием внутренней перестройки словоизменительных именных систем, которая представляет самостоятельный интерес, и будем обращаться к другим лингвистическим уровням и к лингвистической ситуации только при обсуждении мотивации изменений.

Понятие системы было определено выше (см. с. 6). В соответствии с этим широким определением к частным системам, или микросистемам языка, относятся разные явления: упорядоченные ряды форм, малые и большие парадигмы, морфологические классы. Как и в системе языка в целом, в микросистеме можно различать субстанцию, структуру, или сеть структурных отношений, и функцию.

«Под «рядом» следует понимать любое объединение словесных единиц языка сообразно тому или иному структурному признаку» [46, с. 71]. Так, например, формы падежа существительного в одном числе составляют ряд. Парадигмой будет называться только такая система грамматических форм слов (или их упорядоченных рядов), которая показывает различие членов грамматических категорий как с помощью синтетических, так и с помощью аналитических средств. Под грамматической категорией имеется в виду морфологическая, или словоизменительная, категория [38, с. 9] в отличие от морфолого-классификационной. Грамматическая категория представлена словоизменительными различиями, т.е. формами одной лексемы, противопоставленными формально и семантически, тогда как морфолого-классификационные категории создают группировки слов, различающихся оформлением парадигм или какими-либо иными признаками. Так, например, д.а. существительные группировались в классы (помимо других признаков) в зависимости от родовой принадлежности; следовательно, род был для них морфолого-классификационной категорией; они имели грамма-

тические категории числа и падежа, представленные в парадигме каждого морфологического класса рядами противопоставленных форм. Та же категория рода была словоизменительной грамматической категорией в системе прилагательного.

Принципиальное значение для диахронного анализа имеет вопрос об открытости и замкнутости систем. «Система языка рассматривается как незамкнутая система, постоянно взаимодействующая со средой и приспособляющаяся к условиям своего существования, а потому — подвижная; в целом она определяется как открытая динамическая система» [29, с. 52]. Так можно было бы характеризовать и каждую морфологическую микросистему. Однако мы не могли бы проследить ее изменение путем сопоставления на разных срезах, если бы не признавали, что для каждого синхронного среза система является относительно закрытой, состоящей из конечного множества единиц и доступной учету сети отношений [23, с. 48].

§ 2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ

2.1. Как известно, в начальный период истории английского языка именные части речи обладали разветвленной системой форм — членов нескольких грамматических категорий, а для существительного отражали также сложную морфологическую классификацию: подразделение на классы или типы склонения. У прилагательного система была относительно проще: в ней фактически отсутствовало деление на морфологические классы¹.

В качестве исходного этапа развития морфологической системы имени принимается состояние в VIII–IX вв. — самый ранний период, представленный памятниками письменности. С точки зрения эволюции именной системы, его можно рассматривать как период до начала интенсивных изменений, или как их начальную стадию, поскольку по сравнению с последующими периодами это время характеризуется относительной стабильностью. Завершение преобразований можно датировать XV в., когда именная система в своих основных чертах обрела современный облик.

Общее наименование тех изменений, которые произошли в морфологии имени в период между VIII–IX вв. и XV в., дается во многих работах по истории английского языка: «распад флективной системы», «упрощение морфологии», «урегулирование морфологии имени», «великие грамматические изменения», «переход к аналитическим способам связи между словами в предложении в связи с утратой синтетических» и т.д. и т.п. (А. Боу и Т. Кейбл, Г. Брэдли, О. Эмерсон). Самым существенным в эволюции именной системы было сокращение и разрушение системы

именных грамматических категорий, которые несли в языке большую функциональную нагрузку. Чтобы определить масштабы этих изменений и оценить их значимость, надо охарактеризовать морфологическую систему имени на двух крайних срезах по единообразным параметрам.

2.2. Древнеанглийское существительное имело очень подробную морфологическую классификацию.

Схематически деление существительных на морфологические классы, или типы и подтипы склонения, может быть показано как некое иерархическое разбиение по ряду последовательно вводимых признаков, начиная с деления на основы¹. Однако не каждый признак регулярно приводит к дальнейшему подразделению и к появлению новых, не сходных с другими, парадигм. В таблице 1, изображающей это иерархическое

Таблица 1

Морфологическая классификация существительных (VIII–IX вв.)

Признаки разбиения			Морфологические классы (№№ по порядку)	Примеры
Основообразующие суффиксы	Род	Фонетические признаки: долгота слога, число слогов		
p	M	—	1	stān . mōnaþ
	C	—	2	
a	M	—	3	word
	C	—	4	
ja	M	—	5	here
	C	—	6	
wa	M	—	7	cyn(n)
	C	—	8	
ō	Ж	—	9	bearu
	Ж	—	10	
jō	Ж	—	11	bealu
	Ж	—	12	
wō	Ж	—	13	giefu
	Ж	—	14	
ungō	Ж	—	15	ār, henn
	Ж	—	16	
i	M	—	17	leornung
	C	—	18	
u	Ж	—	19	wine
	Ж	—	20	
u	M	—	21	cwēn
	Ж	—	22	
n	M	—	23	sunu, duru
	C	—	24	
n	M	—	1	feld, hand
	Ж	—	2	
корневые основы	M	—	3	nama
	Ж	—	4	
s	M	—	5	ēage
	Ж	—	6	
r	M	—	7	tunge
	Ж	—	8	
nd	M	—	9	mann
	Ж	—	10	
nd	M	—	11	bōc
	Ж	—	12	
nd	M	—	13	hnutu
	Ж	—	14	
nd	M	—	15	cild
	Ж	—	16	
nd	M	—	17	brōþor
	Ж	—	18	
nd	M	—	19	dōhtor
	Ж	—	20	
nd	M	—	21	frēond
	Ж	—	22	

¹ В некоторых учебниках принята упрощенная схема деления склонений существительных по родам, которая заставляет авторов пренебречь многими различиями между классами. Группировка склонений с ориентацией на род возможна для позднего древнеанглийского, но не пригодна для описаний начальной стадии [40, с. 137].

¹ Небольшие различия между прилагательными разных основ и краткосложными и долгосложными вариантами будут учитываться в расчетах количественных показателей.

устройство, перенумерованы классы с различающимися парадигмами, что дает двадцать четыре морфологических класса. Некоторые группы, различные по происхождению, имеют одинаковые ряды формантов и составляют в схеме один класс, например, средний род *i*-основы и *ja*-основы; *þ*-основы и *a*-основы.

Общеизвестно, что морфологические классы существительных были неравноценны по лексическому охвату и по той роли, которую они сыграли в истории. Э.А. Макаев подразделяет их на этом основании на индуцирующие и неиндуцирующие типы основ, относя к индуцирующим в большинстве древнегерманских языков *a*-, *ð*-, *i*- и *n*-основы [40, с. 150]. В д.а. самыми крупными и влиятельными группами существительных были *a*-основы, затем *ð*-основы; *n*-основы в целом (т.е. все три рода) по числу слов превышали *a*-основы.

2.3. Для того чтобы проследить за разрушением морфологических классов, интересно выяснить степень сходства между классами. Сходство и различия между классами выражались в разных признаках – в отнесенности к грамматическому роду, в применении одинаковых или разных маркеров для оформления грамматических форм, в степени и типах дифференциации категориальных членов. Род существительных в разных классах показан в таблице 1; перейдем к характеристике формантов – маркеров грамматических форм.

Общее число материально различимых формантов в системе существительного было невелико: тринадцать флексий плюс чередование гласных в корне. Поэтому, хотя мы и насчитываем двадцать четыре класса с разнооформленными парадигмами, эти классы во многом схожи.

Обычно отмечается, что у всех существительных одинаково оформлены родительный и дательный падежи мн.ч.: флексиями *-a* (также *-ra* и *-ena*) и *-um* (*-rum*). Но кроме того, многие другие формы – причем в ед. ч. чаще, чем во мн. ч., – были маркированы одинаково: нулевая флексия характеризовала форму именительного падежа ед. ч. в тринадцати классах и форму винительного падежа – в одиннадцати; флексии *-es* и *-e* в родительном и дательном падежах ед.ч. применялись в двенадцати классах. Во мн. ч. – за исключением двух указанных падежных форм – сходство между классами было меньше: флексия *-as* в именительном и винительном охватывает всего три класса так же, как и флексии *-an*, *-e* и умлаут корневого гласного (флексии *-i* и *-a* встречаются в четырех и пяти классах соответственно).

Самую узкую и четкую специализацию имела флексия *-es*: она маркировала только родительный падеж ед. ч. существительных мужского рода и среднего рода, главным образом *a*-основ; однозначна и флексия *-um* как категориальный показатель – это всегда дательный множественного; однако она не информативна с точки зрения морфологической классификации, так как используется для всех существительных.

Остальные форманты полифункциональны и поэтому малопоказательны для идентификации формы. Так, флексия *-a* в разных классах может маркировать родительный, именительный и винительный множе-

ственного, а также любой падеж единственного числа. Особенно неопределенно применение флексии *-e*: она встречается более чем в шестидесяти случаях, хотя в основном в формах ед.ч. Однако при всей полифункциональности флексий существовала некоторая закреплённость за формами числа (ср. также *-es* – только ед. ч.; *-as*, *-um* – только мн. ч.).

2.4. Чтобы охарактеризовать морфологические классы с точки зрения дифференциации членов грамматических категорий, определим максимальный объем парадигм и развернутость категорий, а затем – реальную дифференциацию категориальных членов. За объем, или развернутость, принималось максимальное число членов, различаемых в парадигме, или в грамматической категории. У каждой категории в парадигме было некоторое число позиций, в которых их члены формально различались или могли бы различаться; если в каком-либо из морфологических классов или ряду это различие осуществлялось, то мы считаем его потенциально возможным для всей системы. При полном отсутствии формальных различий дифференциация считается несуществующей¹.

У д.а. существительного было две грамматических категории – число и падеж; категория числа была представлена двумя членами – единственным и множественным числом в четырех позициях различения, т.е. в четырех падежах, так как формальная дифференциация числа была, в принципе, возможна в каждом падеже. В категории падежа, соответственно, существовало четыре категориальных члена – именительный, родительный, дательный и винительный падежи, которые могли различаться в двух позициях: в ед. и во мн. числе (для обоих чисел постулировался четырехпадежный ряд – по единственному числу, хотя во множественном происходила регулярная нейтрализация форм именительного и винительного). Общий объем парадигмы, исчисляемый как максимальное число различаемых категориальных членов, составлял восемь клеток.

Подобным же образом получаем объем парадигмы и позиции различения категориальных членов прилагательного. Прилагательное имело четыре грамматические категории (не считая степеней сравнения): оно различало две формы в категории числа, пять форм категории падежа, три рода и два ряда форм, противопоставленных по линии определенности/неопределенности (сильное и слабое склонения), которая тоже может считаться грамматической категорией [37, с. 239; 18, с. 295]; для краткости назовем ее «категорией определенности». Грамматические категории прилагательного были зависимыми, согласовательными кате-

¹По этой причине для существительного принимается четырехпадежный, а не пятипадежный ряд; по свидетельству Э.Зиверса, у существительного зафиксировано лишь несколько ранних и не вполне надежных случаев окончания инструментального падежа [80, с. 218]; наличие форм инструментального падежа у прилагательных не может служить основанием для признания этого падежа в другой части речи – в существительном; однако возможны и другие трактовки падежа существительного (К. Кох, М. Минкоф).

гориями; они обеспечивали формальную связь с существительным (только последняя – категория определенности – имела собственное грамматическое значение, но и оно, собственно говоря, зависело от представления предмета-существительного в данном отрезке текста). У членов категории числа и категории определенности было по тридцать позиций различия, у рода и падежа, соответственно, двадцать и двенадцать. Общий объем парадигмы – шестьдесят клеток.

В таблице 2 показаны объемы парадигм д.а. существительного и прилагательного, развернутость их грамматических категорий и число позиций потенциально возможного различия членов для каждой категории.

Таблица 2

Объем именных парадигм в VIII–IX вв.

Часть речи	Грамматические категории								Общий объем парадигмы
	Число		Определенность/неопределенность		Род		Падеж		
	члены	позиции различия	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	
Существительное	2	4	–	–	–	–	4	2	8
Прилагательное	2	30	2	30	3	20	5	12	60

2.5. Морфологические классы существительных и число возможных позиций различия категориальных членов в парадигме составляли те «фоны», на которых осуществлялась дифференциация членов грамматических категорий. С точки зрения этой дифференциации в принципе неважно, как образуются грамматические формы – посредством флексий или огласовки корневой морфемы, однако очень существенно, насколько четко, полно и последовательно проводится дифференциация в каждом морфологическом классе и во всей системе в целом. Между тем, в разных морфологических классах существительных и у разных категорий потенциально возможная дифференциация категориальных членов реализовалась в различной степени. Степень реальной дифференциации можно определить с помощью несложных расчетов.

Отношение материально различных форм к общему числу клеток в системе назовем общим парадигматическим коэффициентом диффе-

ренциации. Расчет ведется по формуле $K = \frac{m-1}{n-1}$, где n – число потенциально различаемых форм, а m – число реально различаемых форм¹. При таком способе расчета коэффициент дифференциации изменяется от минимума до максимума: от 0 до 1; его можно выразить в десятичных дробях или в процентах. Например, при объеме парадигмы прилагательного 60 клеток и числе разных форм 11 получаем коэффициент реальной парадигматической дифференциации:

$$K = \frac{11-1}{60-1} = \frac{10}{59} = 0,17$$

(Коэффициенты дифференциации одновременно являются и количественными показателями степени омонимии: ее можно было бы выразить, вычитая коэффициент дифференциации из единицы; так, при коэффициенте дифференциации 0,17 коэффициент омонимии равен 0,83).

Для коэффициентов реальной дифференциации грамматических категорий применим другой способ расчета. По сути дела, каждая позиция различия представляет собой оппозицию, которая либо реализуется, либо нейтрализуется. Для категории бинарного строения – числа и определенности – все позиции соответственно распадутся на две группы: с четкой формальной дифференциацией (+) и с нейтрализацией потенциально возможной дифференциации (–)². Категориальный коэффициент дифференциации выводится как отношение числа позиций с различием к общему числу позиций потенциально возможного различия для данной категории. Например, у существительных *a*-основы среднего рода с долгим корневым слогом из четырех возможных позиций (т.е. в четырех падежах) дифференциация числа проводилась только в двух – в родительном и дательном падежах:

И	dēor	-----	dēor	–
Р	dēores	-----	dēora	+
Д	dēore	-----	dēorum	+
В	dēor	-----	dēor	–

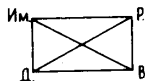
Отсюда коэффициент дифференциации категории числа $\frac{2}{4} = 0,5$.

Для выведения соответствующих коэффициентов многочисленных кате-

¹ В.Г. Адмони высчитывал «коэффициент грамматической выразительности» именных парадигм как простое отношение m/n [19, с. 28]. Однако без уменьшения на единицу отношение этих величин дает искаженную картину. Так, например, если во всех клетках пятипадежного ряда прилагательных стоит одна форма, отношение $+ \frac{1}{5}$ дает дифференциацию на 20 %, в то время как на самом деле она равна нулю.

² Четкой дифференциацией мы будем считать случаи, когда клетка занята одной формой, без вариантов. О нечеткой дифференциации см. § 3.1.

горий — рода прилагательных, падежа существительных и прилагательных — оппозиции форм можно привести к тому же бинарному виду, исчислив число позиций различения как число сочетаний по два из имеющегося ряда¹. Так, например, в четырехпадежной системе существительного в каждом из чисел имеется шесть позиций потенциально возможного различения (см. число линий в схеме):

Каждая позиция получает соответственно знак (+) или (-) — при наличии и отсутствии дифференциации, и отношение числа плюсов к шести дает требуемый коэффициент. Представляя многочисленные категории в виде парных оппозиций, мы получим сопоставимые показатели для категорий любой структуры.

Во всех случаях, где возможно, будут выведены средние или средне-взвешенные коэффициенты с учетом количества классов с разными коэффициентами дифференциации.

В таблице 3 показаны общие парадигматические коэффициенты дифференциации по числу различаемых форм и те же коэффициенты для наиболее важных классов и частей парадигм: для *a*-основ, *δ*-основ, *n*-основ существительных, слабого и сильного склонения прилагательных. Далее для каждой части речи даются коэффициенты дифференциации по категориям. Прокомментируем полученные результаты.

По общим парадигматическим коэффициентам дифференциации форм обнаруживаются большие различия между двумя частями речи. Существительное никогда, ни в одном из классов не различало всех восьми форм; число различаемых форм колебалось от трех до шести, что дает среднезвешенную величину 4,6; отсюда парадигматический коэффициент дифференциации — 0,51; коэффициенты индуцирующих основ *a*-, *δ*- и *n*- колеблются от 0,42 до 0,71.

Коэффициент дифференциации в парадигме прилагательного втрое ниже — 0,17, но различия между сильными и слабыми формами очень велики: соответственно 0,28 и 0,10. Следует подчеркнуть, что форморазличительные возможности у прилагательного еще в д.а. были очень малы, а потому их функциональная нагрузка не могла быть особенно значительной.

Еще более интересны показатели степени реальной дифференциации по отдельным категориям. Самый высокий коэффициент дает категория числа существительного: среднезвешенный коэффициент по четырем позициям различения (т.е. в четырех падежах) и по всем морфологическим классам достигает 0,84; этот факт важен для истории

именных грамматических категорий как раннее свидетельство весомости этой категории (нейтрализация числовой дифференциации наблюдалась только у существительных среднего рода *a*-основы, у *r*-основ и иногда *nδ*-основ в им. и вин. падежах, например *dεor* — *dεor*; *brδbor* — *brδbor*). Коэффициент падежной дифференциации существительных значительно ниже — всего 0,70.

У индуцирующих основ коэффициенты дифференциации немного выше средних; наиболее высока дифференциация числа у *δ*-основ; у *a*-основ высок коэффициент дифференциации падежа. Это обстоятельство также существенно для дальнейшей перестройки: форманты этих основ стали распространяться и на другие классы — возможно, как более выразительные с точки зрения форморазличения.

Прилагательные показывают значительно более низкую дифференциацию категориальных членов; общий коэффициент дифференциации в парадигме в три раза ниже, чем у существительного; дифференциация категорий числа, падежа и определенности все же относительно высока (0,60—0,65), тогда как для рода этот коэффициент составляет лишь 0,31. Следует отметить различия в дифференциации отдельных категорий слабыми и сильными формами: дифференциация всех категорий у сильных форм в два-три раза выше, чем у слабых.

Таблица 3

Дифференциация грамматических форм в именных парадигмах в VIII—IX вв.

	Среднезвешенные коэффициенты	в том числе		
		<i>a</i> -основы	<i>δ</i> -основы	<i>n</i> -основы
Существительное				
Общий парадигматический (по числу различаемых форм в парадигме)	0,51	0,71	0,42	0,42
Категориальные				
Число	0,84	0,75	0,75	0,88
Падеж	0,70	0,83	0,50	0,71
Прилагательное				
	Средние коэффициенты	в том числе		
		сильное склонение	слабое склонение	
Общий парадигматический (по числу различаемых форм в парадигме)	0,17	0,28	0,10	
Категориальные				
Определенность	0,65	—	—	
Число	0,60	0,73	0,47	
Род	0,31	0,49	0,13	
Падеж	0,65	0,85	0,43	

¹ Число сочетаний из *m* элементов по *n* рассчитывается по формуле $\frac{m!}{n!(m-n)!}$.

2.6. Кроме общего парадигматического и категориальных коэффициентов дифференциации, анализ парадигм позволяет определить типичные случаи нейтрализации в рядах, насчитывающих более двух членов: омонимия тех или иных форм в ряду дает разные комбинации форм, которые мы назовем типами дифференциации. (Аналогичный анализ падежного синкретизма существительных в древнегерманских языках проводила О.И. Москальская [18, с. 187]). Полученные данные приводятся в таблице 4 (одинаковые буквы указывают на омонимичные формы, например, *fisc-as, fisc-a, fisc-um, fisc-as* — *a b c a* — падежный ряд *a*-основы мужского рода во мн. ч.). Типы дифференциаций с разными случаями падежного синкретизма указывают на возможные пути дальнейшего сокращения ряда: так, для существительного характерна омонимия им. и вин. падежей во мн. числе во всех классах, в ед. ч. — в девятнадцати классах из двадцати четырех. Другие явные тенденции — объединение дат. с род. падежом в десяти классах и объединение им., дат. и вин. — в шести.

У прилагательных чаще объединяются мужской и средний род и отличается женский; почти никогда не различаются дательный и инструментальный; обычно и неразличение вин. и им. падежей.

Анализ типов дифференциации позволяет получить еще один весьма информативный показатель — степень формальной выделенности отдельных категориальных членов. Он интересен тем, что, вероятно, отражает функциональную значимость этой формы и предполагает ее возможную историческую стойкость. Так, у существительного наиболее высоким показателем формальной выделенности обладает род. падеж: в ед. ч. он отличается от всех других падежей в половине классов (типы 1 и 3); во мн. ч. — в девятнадцати.

Таблица 4

Типы дифференциаций именных категорий в VIII–IX вв.

Род			Падеж					Число классов				
№№ п/п	М	С Ж	Число различаемых форм	№№ п/п	Им.	Р.	Д.	В.	Ин.	Число различаемых форм	Число классов	
											в ед. ч.	во мн. ч.
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ												
1	a	b c a	3	1	a	b	c	a	—	3	8	19
2	a	b b b	2	2	a	b	b	b	—	2	5	—
3	a	b a a	2	3	a	b	a	a	—	2	4	—
4	a	b b a	2	4	a	b	b	a	—	2	5	—
5	a	a b a	2	5	a	a	b	a	—	2	2	5
										24	24	

Род			Падеж					Число классов				
№№ п/п	М	С Ж	Число различаемых форм	№№ п/п	Им.	Р.	Д.	В.	Ин.	Число различаемых форм	Число классов	
											в ед. ч.	во мн. ч.
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ¹												
1	a	b c	3	1	a	b	c	d	e	5		
2	a	b b	2	2	a	b	c	a	d	4		
3	a	b a	2	3	a	b	b	a	b	2		
4	a	a b	2	4	a	b	c	a	c	3		
5	a	a a	1	5	a	b	b	b	b	2		
										6		2

2.7. Общее содержание изменений, совершившихся к XV в., можно определить посредством характеристики системы по тем же параметрам на стадии завершения, однако не по всем, так как изменения столь велики, что некоторые из параметров неприменимы.

Существительное к этому времени полностью утратило свою сложную морфологическую классификацию. В грамматике Чосера еще имеются «сильные» существительные, обычно принимавшие окончание *-es* в род. падеже ед. ч. и в обоих падежах мн. ч., и небольшие группы бывших «слабых», маркированных флексией *-i* во мн. ч. (также иногда чередующейся с *-es*). В XV в. класс *n*-основ сокращается и отдельные формы мн. ч. на *-i* или род. падежа без *-s* являются архаизмами. (Несколько слов с формой мн. ч. на *-i* с омонимией форм числа и с чередованием корневого гласного — подобно современным «исключениям» — уже не составляют системы.)

Объем парадигмы существительного в XIV и XV вв. составляет четыре клетки: категории числа и падежа представлены двумя членами каждая; соответственно, каждая категория имеет по две позиции различения (табл. 4).

Таким образом, изменение в системе существительного можно определить как слияние; оно имело место как в морфологических классах, так и в парадигме за счет категории падежа.

Об объеме парадигмы прилагательного для XV в. вообще говорить не приходится: словоизменительная система полностью разрушена, прилагательное утратило все согласовательные категории и превратилось в неизменяемую часть речи.

¹у прилагательного показаны только типы дифференциации *a*-основ.

Таблица 5

Объем парадигмы существительного в XV в.

Грамматические категории				Общий объем парадигмы
Число		Падеж		
члены	позиции различия	члены	позиции различия	4
2	2	2	2	

2.8. Рассмотрим коэффициенты дифференциации в XV в. на конечной стадии изменений.

На стадии завершения преобразований существительного эти показатели приобретают следующий вид: при объеме парадигмы в четыре клетки имеются лишь две материально различные формы, отсюда общий коэффициент дифференциации равен 0,33. Категориальные коэффициенты дифференциации достигают 0,5, так как у каждой категории в одной из двух позиций различия происходит нейтрализация:

	ед. ч.	мн. ч.		
Общий падеж	shire	shires	+	Дифференциация
Род. падеж	shires	shires	-	числа
	+	-		
	Дифференциация падежа			

Однако надо отметить, что коэффициенты категориальной дифференциации существительного менее показательны для XV в., чем для д.а. периода, в связи с изменившейся функциональной нагрузкой падежных форм. В XV в. общий падеж выполняет широкие и многообразные функции — с предлогами и без них, тогда как употребление род. падежа значительно сузилось: он стал только приименным падежом и даже в этом положении часто заменялся предложным оборотом. Поэтому четкая дифференциация форм числа в позиции общего падежа значительно более важна, чем ее нейтрализация в родительном. Точно так же отсутствие формальных различий между падежными формами во мн.ч. не могло иметь большой функциональной значимости из-за узкого использования род. падежа.

Так к XV в. завершилось сокращение именных парадигм; у существительного она сократилась вдвое — с восьми до четырех клеток; у прилагательного — в 60 раз. Из этого поистине грандиозного сокращения можно заключить, что функциональные возможности именных форм в языке сократились. Но если утраченные дифференциации выражали

ранее какие-то существенные значения и связи, то эти значения должны были теперь выражаться другими средствами (см. § 4 об условиях и факторах эволюции именной системы).

§ 3. ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ ИМЕННЫХ СИСТЕМ (X—XIV вв.)

3.1. Определив основное содержание изменений, перейдем к описанию их процессов. Сведения из работ историков и обследование текстов показывают, что изменения в именных системах с X по XIV вв. представляют собой ряд сдвигов в состоянии вариантности парадигматических форм. Интенсивный рост вариантности в именных парадигмах начинается с X века.

На первом срезе — VIII—IX вв. — зарегистрированы лишь отдельные варианты форм — следы устаревших или «недоразвившихся» форм (например, формы на *-i* инстр. или дат. падежа существительного наряду с формой на *-e*), небольшие диалектные различия и очень немногочисленные аналогические формы, построенные по образцам индуцирующих основ. В текстах второй половины X в. вариантность становится массовым явлением и имеет явно выраженное ареальное распределение. Переводы Евангелия, сделанные в северных областях Англии (знаменитые Линдисфарнские Евангелия, а также Мерсийские тексты конца X в.), давно привлекали к себе внимание историков необычной, «продвинутой» флективной системой существительного. Так, в слабом склонении существительных в северных диалектах господствуют варианты форм с ослабленным окончанием *-o* (вместо *-an* в других диалектах); вместо *-es* в род. падеже существительное принимает как вариант *-e/a*; основная флексия мн. ч. представлена вариантами *-as/-es*. А. Росс объясняет эти явления фонетическим ослаблением окончаний, отсутствием букв для обозначения произносимого звука, ошибками писцов, но, кроме того, изменениями, которые уже происходят в устной форме речи и иногда проникают в письменные, а также смешанным характером северного диалекта [77, с. 26].

Действительно, рост вариантности может свидетельствовать о диалектных расхождениях и смешениях, о различиях между устной и письменной речью, но также и о возросшей неустойчивости морфологической системы и о начавшихся или усилившихся изменениях. Упрощение морфологической системы имени шло в основном в направлении с севера на юг [65, с. 175]. Поэтому неслучайно, что именно на севере обнаруживается наиболее значительная вариантность формантов существительного и прилагательного; новые северные варианты сначала конкурируют с более старыми северными, затем вытесняют их и распространяются в центральные и южные области (позже всего — на юг и юго-запад), а там сосуществуют и конкурируют с местными, более старыми формами.

Возрастание вариантности в именных системах доказывается следующими количественными показателями: у существительных общее

число форм в 192 клетках (8 клеток парадигмы на 24 класса) возрастает до 325, что доводит общий коэффициент вариантности системы до 1,7¹; у прилагательных эти коэффициенты в X и XI вв. соответственно равны 1,6 и 1,9. Однако рост вариантности не обязательно влияет на дифференциацию категориальных форм в парадигме. В некоторых клетках обилие вариантов свидетельствует лишь о высокой частоте этих форм. Так, у частотного, но исторически стойкого окончания мн. ч. *-as* в диалектах X века обнаруживается до пяти-восьми вариантов: *-as, -æs, -es, -is, -a, -o, -an, -en*.

При возникновении новых вариантов количество материально различных формантов в парадигме существенно возросло — с 13 до 20 флексий; поэтому если вывести общий парадигматический коэффициент дифференциации по различаемым формам, с помощью которого мы охарактеризовали парадигмы VIII—IX вв., то может показаться, что в X—XI вв. дифференциация повысилась. Однако это не так, ибо новые форманты как варианты старых либо могли иметь такие же форморазличительные возможности, либо снимали различия между формами. Когда часть вариантов формы совпадала с вариантами другой формы, дифференциация становилась необязательной или нечеткой; при употреблении материально различных вариантов она сохранялась, при употреблении совпадающих — нейтрализовалась. Позициям с таким факультативным, нечетким, или «вариантным», различием мы припишем знак (+/-).

Сравните варианты флексий им. и вин. падежей с вариантами флексий род. падежа мн. ч. существительных, зарегистрированные в текстах X—XI вв. (*a*-основы). Совпадающие варианты выделены одинаково; они снимают дифференциацию падежей.

Им. *-as, -æs, -es, -is, -a, -o, -an, -en*
Род. *-na, -ne, -e, -is, -a, -o*

Подобным же образом снимают формальное различие варианты падежных окончаний в следующих формах ед. ч.:

Им. *-u -a -o*
Род. *-e -æ -a -es -o*
Д. *-e -æ -u -o -i*
В. *-e -æ -u -o -i*

Сравните также следующие примеры с прилагательными в дат. падеже ед. ч. слабого склонения:

mid miclum here (Chronicle 1054) — с большим войском
mid miclan here (Chronicle 1055) — с большим войском
mid eallon his here (Chronicle 1069) — со всем его войском

¹ Коэффициент вариантности рассчитывается как отношение глобального числа вариантов к минимуму, т.е. числу различаемых форм или клеток. Так, если для восьми клеток парадигмы зарегистрированы 12 реализаций, или вариантов форм,

то коэффициент вариантности равен $\frac{12}{8} = 1,5$.

tō ælcen mynstre (Chronicle 1066) — к каждому монастырю
mid ænige men (Chronicle 1089) — с каким-либо человеком
Ofer eall Englalnde (Chronicle 1087) — по всей Англии¹

Здесь употреблены шесть разных окончаний вместо одного д.а. *-um*; вариант *-e* снимает противопоставление дат. падежа именительному и винительному (имевшему окончание *-e*), варианты *-an, -en* снимают различия между всеми падежами слабого склонения.

3.2. Сопоставим количественные показатели дифференциации категориальных форм в стадии вариантности на нескольких синхронных срезах: VIII—IX вв.; X—XI вв.; XIV в. и XV в. (последние два среза охватывают по одному веку, поскольку они богато представлены текстами и показывают завершение процесса). В отличие от раннедревнеанглийского, когда коэффициент дифференциации рассчитывался на основе двух видов сведений — о потенциально возможном числе позиций различения и о числе позиций с четко осуществляемой дифференциацией, для периода интенсивной вариантности надо учитывать сведения трех видов: 1) позиции с реально осуществляемой дифференциацией (+); 2) позиции с «вариантной» дифференциацией (+/-); 3) позиции нейтрализации или полного снятия категориальных оппозиций (-). Допустим, что из 30 позиций различения в 6 обнаруживается нечеткая, вариантная дифференциация, в 6 — полная нейтрализация и в 18 — четкая дифференциация форм; отсюда:

$$\text{коэффициент четкой дифференциации равен } \frac{18}{30} = 0,6$$

$$\text{коэффициент нечеткой, вариантной дифференциации } - \frac{6}{30} = 0,2$$

$$\text{коэффициент неразличения, или нейтрализации } - \frac{6}{30} = 0,2.$$

Для категорий многочленной структуры применялась та же процедура, что и при выведении коэффициентов дифференциации в д.а.: подсчитывались все бинарные оппозиции как возможные сочетания по два члена категории, и эти позиции подразделялись на те же три вида: со знаками +, +/- и -.

3.3. В таблице 6 и на графиках 1, 2 (с. 50) показана дифференциация грамматических категорий существительного за весь период изменения.

Результаты подсчетов весьма показательны. Прежде всего бросается в глаза самая общая закономерность: количественные соотношения трех видов форморазличения показывают постепенный рост позиций с вариантным различием (+/-), который сначала идет за счет падения положительного различения (+); затем снижаются доли плюсового и вариантного различения и повышается доля позиций с (-), т.е. с полной нейтрализацией оппозиций. Так, через нарастание вариантной дифференциации идет смещение высоких коэффициентов от плюса к минусу, которое и

¹ Примеры воспроизведены из работы Э.Г. Добронеевой [15, с. 77].

Таблица 6

Дифференциация категорий существительного в VIII–XV вв.

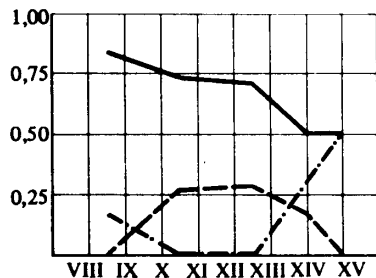
Части речи и категории	Виды дифференциации	Срезы (века)				
		VIII–IX	X–XI	XII–XIII	XIV	XV
Существительное		Средневзвешенные коэффициенты				
падеж	+	0,70	0,56	0,23	0,67	0,50
	+/-	0,00	0,21	0,50	0,17	0,00
	-	0,30	0,23	0,27	0,17	0,50
число	+	0,84	0,74	0,72	0,50	0,50
	+/-	0,00	0,26	0,28	0,17	0,00
	-	0,16	0,00	0,00	0,33	0,50

приводит к слиянию форм и к свертыванию парадигмы; иными словами, через количественный рост вариантов осуществляется постепенный переход к новому качественному состоянию парадигмы. Эта общая закономерность подтверждает принятое в настоящей работе определение: лингвистическое изменение есть замещение, осуществляемое через вариацию, в данном случае – слияние, осуществляемое через формальную вариантность.

Рассмотрим подробнее грамматические категории существительного: число и падеж.

График 1

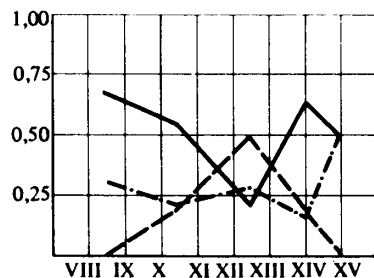
Дифференциация числа существительного (средние показатели)

Дифференциация + —————
+/- - - - - -
-

График 2

Дифференциация падежа существительного (средние показатели)

Дифференциация + —————
+/- - - - - -
-

3.4. Между двумя категориями существительного сразу же можно увидеть определенные различия. Формальная дифференциация ч и сл о в о г о противопоставления (табл. 7) остается выраженной в течение всего периода изменения; более того, в общем падеже в XIII–XIV вв. она повышается. Отсутствие омонимии форм ед. и мн. ч. на втором и третьем срезе не должно казаться удивительным – своеобразие здесь заключается в том, что вариантность захватила все формы множественного числа, причем она не столько нивелировала различия форм числа, сколько их подчеркивала: существительные типа д.а. *dēog*, *fēond*, *brōðog* (*a*-основы среднего рода, *nd*-основы и *r*-основы), у которых не различались формы ед. и мн. числа в им. и вин. падежах в раннем д.а., а также существительные типа *sunu*, *wine*, *talū* и др. (где ослабление конечных гласных приводило к такому же неразличию) в X–XI вв. приобрели такие варианты, которые показывали дифференциацию ед. и мн. числа. Ср. ранние с.а. исторические формы ед. и мн. числа *sunē* – *sunē*, где дифференциация утрачена, и новые аналогические варианты форм с маркерами мн. ч. *sunep/sunes* (так же *brotheres*, *friends*). Здесь на стадии вариантности выявляется тенденция показать числовое противопоставление более четко во всех группах существительных.

Таблица 7

Дифференциация категории числа существительного в разных падежах в VIII–XV вв.

Падеж	Виды дифференциации	Срезы (века)				
		VIII–IX	X–XI	XII–XIII	XIV	XV
Им.	+	0,75	0,54	1,0	0,67	1,00
	+/-	0,0	0,46	0,0	0,33	0,0
	-	0,25	0,0	0,0	0,0	0,0
В.	+	0,67	0,58	1,0	0,67	1,00
	+/-	0,0	0,42	0,0	0,33	0,0
	-	0,33	0,0	0,0	0,0	0,0
Д.	+	1,0	1,0	0,67	0,67	1,00
	+/-	0,0	0,0	0,33	0,33	0,0
	-	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Р.	+	0,96	0,83	0,50	0,33	0,0
	+/-	0,0	0,17	0,50	0,0	0,0
	-	0,04	0,0	0,0	0,67	1,0

Как известно, для большинства существительных это направление развития и закончилось закреплением тех форм, которые однозначно

указывали на множественное число. Те несколько слов, в которых победили омонимичные формы и которые в дальнейшем сохранились в литературном языке, составляют столь малую группу, что не могут быть включены в обобщенные числовые показатели. Но в XIII–XIV вв., в отличие от современного состояния, они имели варианты форм множественного числа, которые показывали числовое различие и, таким образом, относились к случаям вариантного различения, а не полного неразличия форм.

Иначе обстоит дело с дифференциацией числа в позиции родительного падежа. Здесь наблюдается обратное явление: варианты форм свидетельствуют о распространении флексии *-es* бывшей *a*-основы на все группы существительных как в ед. ч., так и во мн. ч.; по-видимому, эти варианты строятся либо по аналогии с формой на *-es* ед. ч., либо под влиянием форм остальных падежей во мн. ч. в связи со снятием падежного противопоставления [75, с. 73].

Этот процесс приводил к утрате дифференциации числа в позиции род. п. И когда к XIV веку *-es* закрепилось как флексия родительного падежа в ед. ч. и как флексия всего мн. ч., дифференциация числа в родительном падеже была полностью утрачена. Однако, как отмечалось выше, сокращение сферы употребления род. падежа и расширение сферы общего падежа увеличивало функциональную нагрузку и значимость четкого числового противопоставления в общем падеже и делало менее важным утрату различий в родительном.

3.5. Эволюция падежных противопоставлений (табл. 8) — судя по подсчетам вариантности — проходит не единообразно, но в своем роде тоже весьма показательно. На третьем срезе вариантность столь велика, что она сильно снижает процент позиций с плюсовым различием, который далее вновь повышается. Эту интенсивную вариантность можно оценить как признак значительной неустойчивости категории. Далее вариантность падает, и позиции подразделяются на два вида: с положительной дифференциацией и с нейтрализацией форм двух падежей.

Таблица 8

Дифференциация категории падежа существительного в разных числах в VIII–XV вв.

Число	Виды дифференциации	Срезы (века)				
		VIII–IX	X–XI	XII–XIII	XIV	XV
Ед. ч.	+	0,65	0,54	0,47	0,50	1,0
	+/-	0,0	0,22	0,33	0,0	0,0
	-	0,35	0,24	0,20	0,50	0,0
Мн. ч.	+	0,76	0,59	0,0	0,33	0,0
	+/-	0,0	0,19	0,67	0,33	0,0
	-	0,24	0,22	0,33	0,34	1,00

Характер вариантов в этот период позволяет определить те направления, по которым развивался падежный синкретизм существительного. На первом срезе существовало несколько типов дифференциации падежей (см. табл. 4 на с. 44–45), они указывали на возможные направления развития; доминирующим было объединение в одной форме им. и вин. и отдельная маркировка либо род., либо дат. падежа. В XII–XIII вв. маркировка падежа становится неустойчивой, вариантной. В сильном склонении иногда еще используется флексия *-e*, восходящая к форманту дательного падежа существительных *a*-основы. Замечено, что при всей факультативности этой флексии ее употребление в некоторой степени зависело от синтагматических условий: *-e* чаще отсутствует в форме дат. падежа, если ей предшествует предлог, и реже — в беспредложном употреблении, где ее наличие более существенно. Ср. следующие цитаты из ранних с.а. текстов:

Ich helpe monne on eißer halve... (The Owl and the Nightingale)¹
And mid swerd and mid ax vor hii þat upward nome. (Robert of Gloucester's Chronicle)
Annd broþþer min i Goddes hus. (Ormulum)

Однако иногда имеется и предлог и флексия *-e*:

þu never ne singst in Irlonde,
Ne þu ne cumest nogt in Scotlonde. (The Owl and the Nightingale)

Знаменательно, что *-e* как флексия дательного падежа существительных обнаруживает явную склонность к отпадению задолго до того, как отпадение конечного *-e* стало общим явлением в языке и могло рассматриваться как регулярный, повсеместный фонетический процесс (т.е. задолго до XV в.).

Тип падежной дифференциации, обособляющий родительный падеж и объединяющий все остальные, стал явно одерживать верх в ед. ч., и форма род. п. оставалась четко маркированной; флексия *-es* распространялась на все новые группы существительных, охватывая и бывший женский род, и слабое склонение. Отмечено, однако, что в с.а. вариант формы род. п. без *-es* часто употреблялся с существительными, обозначающими родство, например *thi brother wif*; известные случаи типа *Ih hope to standen in his lady grace* (Chaucer) иногда расцениваются как лексически ограниченные стереотипы [75, с. 71]. Во множественном числе, напротив, род. падеж перестает отличаться от общего падежа.

3.6. Одновременно с сокращением словоизменительной парадигмы происходит и разрушение морфологической классификации существительных. Данные о ходе этого процесса тоже могут быть получены из ана-

¹ В этом примере интересно также, что в форме *monne* нет чередования корневого гласного (ср. д.а. им. *monn* — дат. ед. *menn*); чередование начинает использоваться только для дифференциации числовых форм (ср. н.а. *man* — *men*).

лиза вариантов грамматических форм в раннем с.а. До сих пор мы описывали варианты, влияющие на четкость категориальных противопоставлений. Но очень многие из вариантов — одновременно или независимо от этого — свидетельствовали о сдвигах в морфологической классификации: распространение *-es* на все группы по аналогии в качестве варианта падежных флексий мн. ч. и род. п., *-es*, *-en* как флексий мн. ч. — яркие доказательства этого процесса. Известно, что эти формы имели ареальное распределение и что в перегруппировке существительных один морфолого-классификационный признак — род существительных — продолжал действовать вплоть до XIII в. Начало перераспределения морфологических классов по признаку рода относится еще к X в.; варианты с флексиями *-as/-es* появляются в формах мн. ч. в *-u*, *-nd*-основах, *r*-основах и корневых основах мужского рода, т.е. во всех существительных м. рода и много реже — в ср. и ж. роде; в X в. этот маркер числа из трех классов распространяется еще на девять. Распространение *-es* как маркера род. п. шло не так быстро; к десяти классам, в которых он применялся в VIII–IX вв., в X–XI вв. добавляется только пять. Перегруппировка существительных с ориентацией на род свидетельствует о том, что из всех признаков морфологической классификации род оставался самым живым и мотивированным даже несмотря на то, что именно в это время происходило падение рода у прилагательных. Так сталкивались две противоположные тенденции: стремление сделать род основанием морфологической классификации как направление, идущее изнутри системы существительного, и тенденция к утрате рода определителями существительного — прилагательными, которая подрывала этот принцип морфологической группировки.

Число морфологических классов быстро сократилось, причем некоторые из них сохранялись на некоторое время как лексически ограниченные, пережиточные группы (в XII–XIII вв. историки различают обычно от 5 до 7 классов с двумя склонениями — сильным и слабым для мужского и среднего рода, одним слабым для женского и остатками *r*-основ и корневых основ [65, с. 177; 75, с. 57]). Эта система господствовала в южных диалектах и постепенно вытеснялась более простой северной, которая и утвердилась в XIV в., когда подавляющее большинство существительных приобрело единую парадигму с различением падежа в ед. ч. и числа в общем падеже. Одновременно в качестве вариантов существовали парадигмы, не различающие числа ни в одном падеже, но дифференцирующие падеж, а также парадигмы, показывающие четкое различие всех четырех форм. Ср.:

	ед.	мн.	ед.	мн.	ед.	мн.
Об.	shire	shires	hors	hors	foot	feet
P.	shires	shires	horses	horses	footes	feetes
	a	b	a	a	a	b
	b	b	b	b	c	d

В дальнейшем, с сокращением вариантности, первая из этих моделей утвердилась в языке как практически универсальная.

3.7. Разрушение парадигмы прилагательного может быть показано таким же путем, как и существительного. Как видно из количественных показателей, развитие словоизменительной системы прилагательного в целом — при явном сходстве с ходом развития существительного — имело и свои отличия: оно проходило более плавно и как бы еще более «целенаправленно».

В таблице 9 приведены коэффициенты категориальной дифференциации в парадигме прилагательного по векам, с IX по XV вв., которые охватывают процесс распада его четырех грамматических категорий. При едином общем направлении развития в истории каждой из категорий была своя специфика. У всех категорий наблюдается очень постепенное смещение высоких показателей — от положительной дифференциации (+) к вариантной (+/-), а от вариантной к полному неразличению

Таблица 9

Дифференциация категорий прилагательного в IX–XV вв.

Срезы	Дифференциация	Род	Падеж	Число	Определенность
IX в.	+	0,31	0,65	0,60	0,65
	+/-	0,0	0,15	0,20	0,30
	-	0,69	0,20	0,20	0,05
X в.	+	0,06	0,47	0,48	0,56
	+/-	0,15	0,02	0,29	0,17
	-	0,79	0,51	0,23	0,27
XI в.	+	0,05	0,30	0,17	0,33
	+/-	0,23	0,21	0,75	0,42
	-	0,72	0,49	0,08	0,25
XII в.	+	0,01	0,14	0,12	0,13
	+/-	0,07	0,23	0,54	0,53
	-	0,92	0,63	0,34	0,34
XIII в.	+	0,0	0,04	0,0	0,0
	+/-	0,0	0,14	0,37	1,00
	-	1,00	0,82	0,63	0,0
XIV в.	+	0,0	0,0	0,0	0,0
	+/-	0,0	0,0	0,50	0,50
	-	1,00	1,00	0,50	0,50
XV в.	+	0,0	0,0	0,0	0,0
	+/-	0,0	0,0	0,0	0,0
	-	1,00	1,00	1,00	1,00

График 3

Дифференциация рода прилагательного (средние показатели)

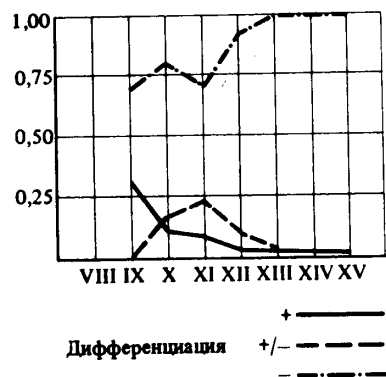

График 5

Дифференциация числа прилагательного (средние показатели)

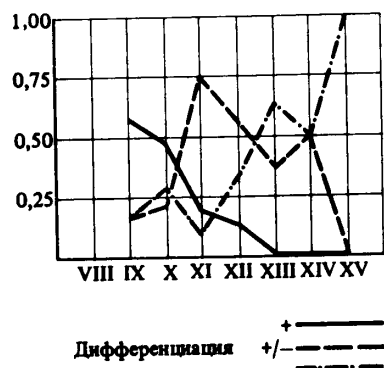

График 4

Дифференциация падежа прилагательного (средние показатели)

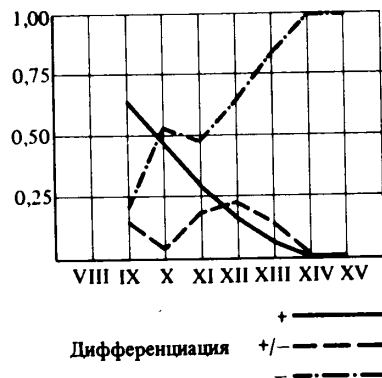

График 6

Дифференциация сильных и слабых форм прилагательного (средние показатели)

(-). Так, через количественное накопление признаков осуществляется переход к новому качеству. Спад вариантного различия на последнем срезе указывает на завершение перестройки и на вновь обретенную стабильность системы (см. графики 3, 4, 5, 6).

В таблице 10 показатели дифференциации грамматических категорий даются отдельно для слабого и сильного склонения. Так же, как и в раннем д.а., в течение всего периода разрушения словоизменительной системы между сильным и слабым склонением наблюдается значительное

различие в маркировании категориальных членов. К XIII в. слабые формы полностью утрачивают способность показывать какую-либо дифференциацию форм, тогда как сильные формы все еще дают небольшой процент положительной дифференциации падежа в XIII в. (0,07) и вариантно маркируют падеж и число; в XIV в. у них сохраняется только вариантная дифференциация числа.

Таблица 10

Дифференциация категорий прилагательного в сильном и слабом склонениях в IX—XV вв.

Срезы	Дифференциация	Сильное склонение			Слабое склонение		
		Род	Падеж	Число	Род	Падеж	Число
IX в.	+	0,49	0,85	0,73	0,13	0,43	0,47
	+/-	0,0	0,0	0,0	0,0	0,31	0,0
	-	0,51	0,15	0,27	0,17	0,26	0,13
X в.	+	0,13	0,52	0,45	0,0	0,43	0,50
	+/-	0,13	0,0	0,25	0,17	0,05	0,33
	-	0,74	0,48	0,30	0,83	0,52	0,17
XI в.	+	0,10	0,36	0,17	0,0	0,23	0,17
	+/-	0,27	0,14	0,66	0,20	0,28	0,83
	-	0,63	0,50	0,17	0,80	0,49	0,0
XII в.	+	0,02	0,19	0,14	0,0	0,10	0,11
	+/-	0,13	0,23	0,69	0,02	0,23	0,39
	-	0,85	0,58	0,17	0,98	0,67	0,50
XIII в.	+	0,0	0,07	0,0	0,0	0,0	0,0
	+/-	0,0	0,28	0,75	0,0	0,0	0,0
	-	1,00	0,65	0,25	1,00	1,00	1,00
XIV в.	+	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	+/-	0,00	0,00	1,00	0,00	0,00	0,00
	-	1,00	1,00	0,00	1,00	1,00	1,00
XV в.	+	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	+/-	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	-	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Интересна относительная хронология падения грамматических категорий прилагательного. Раньше других категорий утрачивается род. Его

дифференциация невысока и на первом срезе — всего 0,31. В X—XII вв. неразличение родовых форм растет — от 0,79 до 0,92, а положительная дифференциация практически исчезает. В XII в. даже вариантная дифференциация очень незначительна, а к XIII в. утрачиваются какие бы то ни было родовые различия. Интересно, что эти изменения происходят в то время, когда существительные еще различают род и даже группируются в разные типы склонения в зависимости от рода (см. 3.6). Следовательно, вопреки мнению некоторых историков, род прилагательных был утрачен не потому, что ему якобы было не на что «указывать» из-за разрушения категории рода существительных, а подвергался собственным, не зависимым от существительного изменениям (Ср. [65, с. 183; 38, с. 65; 81, с. 324]).

Затем утрачивается категория падежа. В IX в. падеж прилагательного имел относительно высокий показатель различия (0,65), который постепенно снижается в X—XII вв. при одновременном росте вариантности; в XI—XII вв. наступает «пик вариантности» (0,21 и 0,23) и растет полная неразличимость форм, особенно при снижении вариантности в XIII в. Сравнение эволюции падежных противопоставлений в сильных и слабых формах (табл. 10) показывает, что в слабом склонении падение падежа завершается примерно на сто лет раньше, чем в сильном; соответственно в слабом склонении значительно раньше возросла вариантность падежных форм.

Наиболее равномерно, медленно и единообразно падает дифференциация категории числа и категории определенности (т.е. противопоставление сильных и слабых форм прилагательного); в обеих категориях последовательно перемещаются сверху вниз высокие показатели с небольшим расхождением в XI в.; еще в XIV в. вариантное, факультативное маркирование сохраняется — дольше, чем у других согласовательных категорий прилагательного.

Обычно для языка XIV в. — эпохи Чосера — парадигму прилагательного представляют как состоящую из четырех форм, маркированных флексией *-e* и нулевой флексией; *-e* принимает мн. ч. сильного склонения и обе формы слабого — ед. и мн. число. Однако надо иметь в виду, что эта система охватывает далеко не все прилагательные. Она применима только к прилагательным, оканчивающимся на согласный, причем маркировка этих форм очень нерегулярна и неустойчива. Ср.:

	ед.		мн.	ед.		мн.	ед.		мн.
Сильные	good	—	goode	able	—	able	busy	—	busy
Слабые	goode	—	goode	able	—	able	busy	—	busy

Окончательный удар по парадигме прилагательного нанесло отпадение давно уже нестойкого конечного *-e* в XV в.

§ 4. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА. ОБ УСЛОВИЯХ И ФАКТОРАХ ПЕРЕСТРОЙКИ ИМЕННОЙ СИСТЕМЫ

4.1. Проведенный анализ позволяет уточнить и заново осветить некоторые существенные стороны эволюции именных морфологических сис-

тем: с помощью объективных количественных показателей можно разграничить относительно стабильные и изменчивые признаки, восстановить ход процесса изменений, уточнить их темпы и хронологию, выявить тенденции изменения на отдельных срезах, установить зависимость изменений от внешних и внутренних факторов на разных этапах развития.

Относительная стабильность именных грамматических категорий может быть оценена следующим образом.

Наиболее стабильной из всех именных категорий была категория числа существительных. В самый ранний период письменной истории она имела наиболее высокую степень формальной дифференциации, и хотя эта дифференциация в среднем снизилась, в частотном и функционально нагруженном противопоставлении — в позиции общего падежа — различие числа достигло максимума. Даже в период наиболее высокой вариантности эта дифференциация не столько снижалась, сколько поддерживалась новыми вариантами форм (это лишнее раз доказывает, что в массовой вариантности преобладают продуктивные тенденции развития).

Наименее стойкими, безусловно, были грамматические категории прилагательного; они даже на самом раннем срезе — в VIII—IX вв. — обнаруживали большую вариантность и нечеткость дифференциации форм, которая и закончилась их полным неразличением.

Наибольшую устойчивость из именных категорий обнаружили число существительного и категория определенности прилагательного, наименьшую — категория рода. Среднее положение между этими крайними точками по степени устойчивости занимает категория падежа существительных.

Стабильность категорий во времени выявляется не только путем сопоставления начального и конечного состояния, но и посредством восстановления процесса изменений и уточнения их темпов и относительной хронологии.

Самым ранним из рассмотренных явлений было падение родовой дифференциации в системе прилагательных, затем сокращение морфологической классификации существительных (X—XI вв.); за ними хронологически следуют ослабление и утрата падежных различий прилагательных и сокращение их у существительных; самыми медленными темпами осуществляется утрата форм числа и категории определенности прилагательных; последний процесс завершается лишь к XV в., когда парадигма существительного уже обрела современный вид и относительную стабильность. Сопоставление хронологии разрушения рода у существительных и прилагательных приводит к важному выводу о зависимости этих процессов. Род прилагательных был утрачен в то время, когда происходила перегруппировка склонений существительных по роду. Утрата рода прилагательными составляла часть общего сокращения словоизменительной парадигмы. При этом возможно обратное влияние: потеря формальных средств обозначения рода существительного его определителями подрывала возможность использовать род как классификационный признак.

4.2. Все рассматриваемые изменения представляли собой слияния. Анализ процесса изменения показал, что движение всегда начиналось с роста вариантности, влияющей на четкую различаемость форм; через рост вариантности, нечеткой дифференциации категориальных форм осуществлялся переход к новому качеству — сокращению объема системы со спадом вариантности в новой структурной организации системы. Своеобразие развития языка заключается в том, что переход на всех этапах осуществляется постепенно, в том числе и на завершающем, когда происходит сдвиг в системе.

Из закономерностей, обнаруживаемых в процессе изменений, можно сделать еще один вывод: рост вариантности на каком-либо участке языковой системы может быть сигналом происходящих изменений, показателем их интенсификации, тогда как падение вариантности может свидетельствовать об относительной стабильности или стабилизации системы. При этом, безусловно, должен учитываться характер вариантов и их распределение в функциональных типах языка, поскольку возросшая вариантность может указывать и на другие события: усиление вариативности языка и его функциональной стратификации, расхождение диалектов вплоть до их разделения на отдельные языки.

Следует отметить, что анализ вариантности в синхронии дает возможность судить о тенденциях развития. Такими тенденциями в д.а. были, например, разные пути падежного синкретизма, обнаруживаемые не только как омонимия падежных форм существительных, но и их вариантов; конкуренция двух способов группировки морфологических классов существительных — по родам и по основам; относительная частотность и продуктивность отдельных флексий в именных парадигмах. Вариантность в синхронии позволяет определить потенциально возможные изменения независимо от их дальнейшей реализации; причем даже если данная тенденция и не получила дальнейшего развития, в синхронии в ней проявляются не случайные, а по большей части закономерные явления.

4.3. В заключение остановимся на возможной мотивации рассмотренных изменений морфологической системы имени.

В истории английского языка трудно найти другой вопрос, который привлекал бы столь пристальное и неослабевающее внимание, как причины разрушения именной морфологической системы и общего перехода языка к аналитическим средствам выражения.

Теория фонетической редукции безударных окончаний младограмматиков с «исправляющим» действием грамматической аналогии и компенсирующим развитием аналитических способов оформления синтаксических связей (например, Г. Пауль); «функциональная» теория, согласно которой преобразования начались с другого конца — с употребления более экспрессивных оборотов и словосочетаний и последующим отмиранием флексий вследствие их избыточности (В. Хорн, М. Ленерт); теория смещения языков, наступившего вследствие нашествий и войн, — либо со скандинавскими диалектами, либо с французским языком, далеко продвинувшись на пути к аналитизму (Б.А. Ильиш, А. Мейе,

Э. Айненкель); пресловутая «теория прогресса» О. Есперсена, связывающая переход к аналитизму с прогрессом мышления носителей английского языка; наконец, многочисленные объяснения, основанные на признании «плюрализма» причин, где объединяются указанные причины в виде многочисленных факторов развития (А.И. Смирницкий, О. Есперсен), — все это неоднократно обсуждалось в различных публикациях. [19; 11; 6; 18; 36; 20].

Как известно, развитие в направлении к аналитизму в той или иной степени свойственно разным группам индоевропейских языков и в очень значительной степени — германской. Поэтому это направление можно считать внутренней тенденцией развития английского как языка германской группы. Однако возникает вопрос, почему именно в английском языке эта тенденция реализовалась в такой высокой степени и почему эти изменения произошли в основном с X по XIV вв.

В самом общем смысле эти грамматические изменения можно объяснить основной движущей силой развития языка — противоречием между растущими потребностями коммуникации и наличными средствами языка, которое разрешается постоянным приведением в соответствие формы и содержания. Имея в виду это противоречие как основную движущую силу развития, рассмотрим конкретное сочетание внутренних и внешних факторов на трех стадиях изменений: при возникновении вариантов форм, их сосуществовании и отборе.

4.4. Появление многочисленных вариантов грамматических форм в X—XII вв. было, по-видимому, стимулировано как внутриязыковыми, так и внешними условиями. С внутренней стороны «давление изнутри» оказали некоторые свойства самой морфологической системы имени, а «давление извне» — свойства других лингвистических уровней и происходящие в них процессы.

В системе существительного имелся целый ряд особенностей и противоречий, которые могли усиливать действие общезыковых тенденций к совершенствованию языковой техники, в частности к обозначению единых значений единообразными маркерами. Чрезвычайная пестрота морфологической классификации, немотивированное различие парадигм, наличие не только регулярной, но и спорадической омонимии в парадигме (т.е. материальная тождественность маркеров, занимающих различное положение в парадигме) создавали состояние напряженности, стимулирующее образование новых форм в силу внутренней и внешней аналогии. Так возникали аналогические варианты форм, объединяющие существительные по признаку рода вместо основы; такого же рода аналогически образованиями были варианты падежных форм, снимающих формальную дифференциацию в тех позициях, где она нейтрализовалась в других морфологических классах существительных, и варианты форм числа с более четким и универсальным его обозначением. За пределами системы существительного имело место давление системы языка «извне». Прежде всего это — фонетическое ослабление окончаний. Редукция флексий выразилась в появлении «исторических» вариантов форм, морфологически невыразительных и чередующихся с более четко оформленными

старыми и «аналогичными» вариантами. Давление системы «извне» проявлялось и в наличии предложных оборотов, равнозначных падежным формам; они позволяли употреблять невыразительные формы, так как предлоги (а также иногда и место слова в предложении) достаточно ясно показывали связи слова с другими словами. Одновременное употребление предлогов и падежной флексии создавало избыточность, и флексия могла легко опускаться.

И все же эти внутриязыковые противоречия и стимулы подействовали бы в меньшей степени, если бы в X—XIII вв. в стране не создалась совершенно специфическая языковая ситуация. Эта ситуация была особенно благоприятной для роста варьирования и для интенсификации действия потенциальных изменений в системе.

Диалектная разобщенность и рост диалектных расхождений свойственны всем языкам в период феодальной раздробленности с его экономической и социальной раздробленностью районов. Но в Англии своеобразие языковой ситуации заключалось еще и в том, что официальным языком, а также предпочтительным языком письменности, был иностранный язык — французский, и что иностранные влияния (скандинавское и французское) усугубили различия между территориальными и социальными диалектами. В результате отсутствовали условия, сдерживающие, замедляющие или как-то унифицирующие развитие, — такие, как письменная, сколько-нибудь фиксированная, официально признанная форма языка, — и, напротив, наличествовали условия, способствующие диалектной дивергенции и варьированию. Возросшее варьирование, в том числе вариантность грамматических форм имени, с одной стороны, отражало усилившееся расхождение диалектов, а с другой, указывало на интенсификацию или начало изменений.

Варианты свидетельствовали о разных процессах — о взаимовлиянии разных классов и форм существительных, о фонетическом ослаблении окончаний, о влиянии эквивалентных синтаксических оборотов, но эти процессы по-разному реализовались в условиях значительных диалектных расхождений: в каждом диалектном ареале использовались свои предпочтительные варианты и намечались свои предпочтительные способы преобразования именной системы (ср. северный и южный пути перестройки склонения существительных). Из-за разобщенности диалектов общие тенденции, которые были им присущи как образованиям единого языка, находили не совсем одинаковое выражение: различия заключались в количестве и предпочтении тех или иных форм. В этих условиях вариантность морфологических форм, так же как и их варьирование с изофункциональными синтаксическими средствами (предложными оборотами, определенным порядком слов), создавала обширный и разнообразный «сырой» материал для отбора.

При этом важно отметить следующее обстоятельство. Бесспорно, что упрощение именной системы в позднеревнеанглийском было продолжением развития, которое началось еще в дописьменную эпоху. И все же количественные данные о вариантности именных форм заставляют по-разному оценивать состояние в VIII—IX вв. и в X—XI вв. Хотя по сравне-

нию с общегерманским периодом д.а. флексии уже значительно сократились в VIII—IX вв., они были, по-видимому, еще относительно устойчивы. В X—XI вв. и особенно в раннем с.а. — в XII—XIII вв. — значительный рост вариантности свидетельствует о том, что наступило время интенсивных изменений. Именно языковая ситуация могла стать дополнительным, важным стимулом этого движения.

4.5. Второй этап — с о с у щ е с т в о в а н и е и распространение вариантов в языковом пространстве — мог объясняться параллельным развитием идентичных форм в разных частях страны, что вполне возможно, так как материал, из которого создавались эти варианты, и все внутренние факторы развития системы были одинаковы. Но с точки зрения внешних условий здесь действовала уже другая сторона языковой ситуации — не центробежная, а центростремительная сила, взаимопроницаемость и смешение диалектов как образований одного языка. Взаимопроницаемость была свойственна относительно равноправным раннесреднеанглийским диалектам, и она усилилась в дальнейшем. В XIV в. смешение диалектов дало себя знать более всего в лондонском диалекте, который становился господствующей письменной формой речи и весьма влиятельной — устной. Это подтверждается изменениями в других уровнях языка, более всего в лексическом: большинство скандинавизмов, заимствованных северными диалектами на 100—200 лет ранее, проникли в язык лондонских памятников в XIV в., что и дало основание В.Н. Ярцевой квалифицировать скандинавское влияние на английский язык как проявление диалектного смешения, а не как непосредственное иноязычное воздействие [47, с. 115]. Возросшее влияние северных диалектов, вызванное демографическими причинами — притоком населения с севера, — не менее важно и для рассматриваемых грамматических изменений: ослабление окончаний и основная модель парадигмы существительных пришли с севера.

Так языковая ситуация на этом, втором, этапе сыграла важную, а может быть, и решающую роль, обеспечивая быстрое распространение новых вариантов, и направление этого распространения — в основном с севера на юг.

4.6. На третьем этапе — окончательного отбора — судьбу конкурирующих единиц определял как их системный статус (т.е. соответствие доминирующим тенденциям развития системы), так и их место в языковом пространстве — принадлежность к определенным разновидностям английского языка этого периода. В XIV в. принадлежность к северо-восточным мидлендским диалектам и затем к лондонскому диалекту указывает на вероятность сохранения данной единицы в языке. Так, собственно говоря, и произошло с системой существительного: новая система, различающая две падежные формы в ед. ч. и две формы числа в общем падеже, пришла с севера и, закрепившись в лондонском диалекте, вытеснила южные модели.

4.7. Таким образом, очевидно, что словоизменительная система существительного получила ощутимый «толчок» или «ускорение» в своем развитии от языковой ситуации. Однако это не означает, что все

изменения в грамматическом строе одинаково реагировали на внешние условия. Опосредованная связь с языковой ситуацией была различной даже внутри именной системы. «Степень опосредования воздействий общественных факторов различная не только для разных уровней... но и для разных частей этих уровней», — отмечает В.Н. Ярцева [22, с. 81]. Различную степень воздействия языковой ситуации можно здесь объяснить некоторыми внутренними условиями в языке.

Как видно из количественных показателей, в истории прилагательного не было такого резкого подъема вариантности и резкого падения четкой дифференциации грамматических категорий, как у существительного; процесс проходил более постепенно и равномерно. По-видимому, на нем меньше сказались та интенсификация и ускорение, которые создавала лингвистическая ситуация в XI–XII вв. Возможно, что степень воздействия внешних факторов регулируется и модифицируется в зависимости от функциональной нагрузки и значимости данных формальных дифференциаций в языке, от необходимости их сохранения или от их избыточности в системе. Если сравнить функциональную значимость отдельных морфологических дифференциаций в синтагматике, то это различие становится очевидным.

Для медленного и неуклонного сокращения словоизменительной системы прилагательного значительную роль на всех этапах играют условия функционирования прилагательного в языке, прежде всего, отработанность тех синтаксических моделей, которые однозначно определяли синтаксические связи прилагательного. Прилагательное не только стояло обычно в непосредственной близости от существительного, которое оно определяло, или от глагола-связки, будучи предикативом, но было «замкнуто» между артиклем и существительным, поскольку определенный артикль уже сложился, а неопределенный находился на завершающей стадии развития. Формальная модель именной фразы с определением была готова. И хотя избыточность всегда свойственна каким-то частям языковой системы, и в особенности грамматическим, в данном случае сложились благоприятные условия для ее устранения [6]. Кроме того, единообразное развитие всех адъективных категорий объясняется их одинаковым назначением — согласовательной функцией.

Что касается грамматических категорий существительного, то на стадии «отбора» вновь проявилось действие внутренних факторов. Сохранились формы, имеющие значительную функциональную нагрузку, что определялось отношениями с конкурирующими, изофункциональными параллелями.

В определенных пределах язык представляет собой саморегулирующуюся динамическую систему, в которой поддерживается определенный уровень знакоразличия, в том числе и необходимое соотношение средств разных языковых уровней в обозначении связи между словами. Вступая в разные связи с внешним контекстом, существительное занимало определенные позиции в предложении: в непосредственной близости к глаголу оно было дополнением и подлежащим, в именной группе — определением, в предложных оборотах — определением, дополнением,

обстоятельством в зависимости от значения предлога и семантических отношений в контексте. Большинство таких позиций или синтаксических моделей однозначно указывало на связи существительного, и тогда флексии могли становиться избыточными, тем более что они утратили четкость формальных маркеров. Необходимость переориентировки на синтаксические средства — позицию слова в предложении — и на лексические средства — предлоги — могла объясняться их большей универсальностью, их независимостью от фонетических условий, «ненадежных» вариантов форм с редуцированными окончаниями. Показательно, что частотность употребления предлогов значительно возросла в XIII–XIV вв. [62].

Что касается порядка слов в предложении, то надо сказать, что историки английского языка высказывали разные мнения о времени фиксации порядка слов «подлежащее — сказуемое — дополнение». Одни историки считают, что твердый словопорядок утвердился очень поздно — в XV–XVIII вв. [48, с. 23], другие — что он сложился уже в XIII–XIV вв. [16]. Результаты проведенного анализа сокращения именных систем косвенно подтверждают вторую точку зрения. Действительно, отпадение флексий, дифференцирующих формы падежей, было возможным, только когда функции этих падежей могли быть достаточно надежно выражены другими средствами, в том числе и порядком слов (см. также главу V о других доказательствах фиксации порядка слов в с.а.).

С другой стороны, для таких существенных смысловых различий, как число существительных, относящихся не к связи членов предложения, а к отражению внеязыковой действительности, морфологически четкие обозначения были необходимы. Семантически нагруженные окончания сохранялись и совершенствовались, обретая большую универсальность.

Подводя общие итоги, можно заключить, что в развитии именных систем проявилось действие общезыковых тенденций к совершенствованию языковой техники: были созданы более регулярные и упорядоченные системы формальных и семантических дифференциаций — более экономные с точки зрения морфологической классификации и объема парадигмы, но поддерживающие совместно с развивающимися синтаксическими моделями и лексическими средствами необходимый уровень обозначения синтагматических связей и других насущно важных значений (при определенной степени грамматической избыточности). Реализация общих тенденций к совершенствованию языкового механизма и разрешение постоянно возникающих противоречий могли осуществляться разными путями, например, выработкой более универсальных и четких формальных маркеров синтетических форм при сохранении объема парадигмы; однако этому мешала фонетическая редукция окончаний. В результате взаимодействия общих и частных тенденций на разных лингвистических уровнях и сильного влияния специфической языковой ситуации в X–XIV вв. английский язык избрал путь в направлении к большему аналитизму. Для морфологической системы это выразилось в сокращении словоизменительных парадигм. Это радикальное преобра-

зование грамматического строя осуществлялось через рост и падение вариантности парадигматических форм в условиях свободного варьирования этих форм с изофункциональными лексико-синтаксическими моделями.

Вопросы для обсуждения и задания

1. Определите понятие морфологической и морфолого-классификационной категории, зависимой и независимой категории.
2. Сравните именные категории в древнеанглийском и в современном английском языке; используйте сведения об истории парадигм существительного для обсуждения спорной проблемы падежа в современном языке.
3. Определите характер изменений, показанных в следующих таблицах (однозначные замещения, слияния, расщепления; формальные и семантические изменения; грамматические, лексические, фонетические, орфографические изменения; «исторические» и «аналогические» изменения; статика и динамика в диахронии).

1. Из истории местоимений

Падежи	д.а.	с.а.	н.а.
Им.	ic, hit, hīe	I, it, they	I, it, they
Род. (далее притяжат.)	mīn, his, hiega	mīn/my, his, their/hire	mine, my, its, their, theirs
Дат.	mē, him, hem	me, him/it, them/hem	me, it, them
Вин.	mec, hit, hīe	(объектный падеж)	

2. Из истории существительных (формы множественного числа)

д.а.		с.а.		н.а.
а-основы	п-основы	а-основы	п-основы	
Им. cnihtas,	eāgan	knightes, eyen/eyes	knyghtes, eyen(e)/eyes	knights, eyes
Дат. cnihtum,	eāgum			
Вин. cnihtas,	eagan			
Род. cnihta,	eaga			
				knights', eyes'

4. Объясните в свете исторических тенденций варианты форм множественного числа в современном английском языке.

doormice/doormouses, fish/fishes, antennae/antennas, brothers/brethern

5. Сделайте грамматический разбор следующего стихотворения из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и его переводов на русский язык; укажите грамматические соответствия.

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gire and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe...

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царapistый рой,
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрущали порой... (перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Выркалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки
Как мюмзики в мове. (перевод Л. Демуровой)

Сильные глаголы в древнеанглийском языке¹

Классы и подклассы глаголов	Типы дифференциации гласных в основах				Число глаголов	Примеры
	I	II	III	IV		
1	a	b	c	c	58	rīsan, rēon
2	a	b	c	d	50	seorpan, būgan
3 а)	a	b	c	c	41	bindan, frignan
б)	a	b	c	d	35	helpan, feohtan, weorpan
4 а)	a	b	c	d	8	beran
б)	a	b	b	a	1	cuman
в)	a	b	b	c	1	niman
5 а)	a	b	c	a	21	cweþan
б)	a	b	c	d	5	sittan, giefan
6 а)	a	b	b	a	26	faran
б)	a	b	b	c	4	slēan
7 а)	a	b	b	a	46	cnāwan, healdan
б)	a	b	b	c	2	fōn
Итого: 298						

Глава III. ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ОСНОВООБРАЗОВАНИЯ (VIII–XVIII вв.)

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В этой главе описываются морфонологические и морфологические изменения в одной микросистеме — в ряду глагольных основ, различаемых с помощью чередования корневого гласного, как главного формообразующего средства, т.е. д.а. сильных глаголов. Этот ряд не является парадигмой, но составляет упорядоченную систему базовых форм, которые служат основой для формообразования в глагольной системе. Его эволюция интересна тем, что в ней очень четко прослеживаются связи между вариантностью и лингвистическими изменениями: вариантность предстает как показатель конкретного объекта изменений, их хода и направления; разнообразна и мотивация процесса, растянувшегося на очень длительный отрезок времени.

§ 2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ

2.1. Д.а. сильные глаголы объединяются в единую группу на основании использования чередования корневого гласного как главного форморазличающего средства. Одновременное использование суффиксации не специфично для сильных глаголов: только две основы из четырех — вторая и четвертая — имеют особые маркеры, свойственные сильным глаголам — нулевую флексию и суффикс -en: beran — bæg — bægon — boren.

По рядам чередования сильные глаголы в германской филологии подразделяются на морфологические классы и подклассы. Общий объем ряда глагольных основ в д.а. составлял четыре клетки (позиции). Это не означает, что все четыре основы различались корневыми гласными; во многих классах и подклассах различные пары основ имеют одинаковую огласовку (см. табл. 1). Применяя такие же способы характеристики, как в именных системах, сгруппируем глаголы по типам дифференциации и вычислим коэффициенты реальной четкой дифференциации у каждого типа и средневзвешенный коэффициент для всех глаголов с учетом их числа (исходные данные и типы дифференциации показаны в таблицах 1 и 2; способ расчета см. главу II, 2.5, с. 40).

Таблица 2

Дифференциация основ сильных глаголов (VIII–IX вв.)

№ п/п	Типы дифференциации				Число основ с разными гласными	Число глаголов	%	Коэффициент дифференциации	Примеры
	I	II	III	IV					
1	a	b	c	d	4	98	32,9	1	feohtan
2	a	b	c	c	3	99	33,2	0,67	rīsan
3	a	b	b	c	3	5	1,7	0,67	slēan
4	a	b	c	a	3	21	7	0,67	cweþan
5	a	b	b	a	2	75	25,2	0,33	faran
Итого: 298									
Средневзвешенный коэффициент дифференциации — 0,69.									

¹Поскольку от глагольных основ образованы все другие формы, то сведения о корневом гласном основы извлекаются из разных форм. В основах не отражены только гласные в формах типа hīlpst, hīlpr̥, возникшие в результате общегерманского преломления; это чередование было ограничено двумя формами и было вскоре устранено.

Разные типы дифференциации показывают объединения основ по корневому гласному, а также указывают на потенциально возможные пути сокращения ряда. Численно преобладающими в этот период были два типа: с различением всех четырех основ и с неразличением третьей и четвертой (типы 1 и 2); две основы прошедшего времени имели одинаковую огласовку только у 26,9 % глаголов (типы 3 и 5). Знаменательно, что никогда не встречаются одинаковые гласные в основе настоящего времени и в основах прошедшего: первая основа всегда отличается от второй и третьей.

2.2. Поскольку чередование гласных было не единственным средством дифференциации основ, можно примерно оценить функциональную нагрузку чередования и охарактеризовать систему с точки зрения избыточности и экономии форморазличающих средств. Каждая основа имела, кроме определенной ступени чередования, свой специфической суффикс, или флексию: *-an*, *-*, *-on*, *-en*. Следовательно, в группе глаголов, имевших разные гласные в каждой основе (тип 1), чередование и суффиксация выполняли одну и ту же функцию и дублировали друг друга; в группах глаголов, имевших одинаковый гласный в двух основах (типы 2–5), суффиксация играла большую роль: именно она дифференцировала эти две основы. С другой стороны, только чередование гласных относило глагол к определенному морфологическому классу и тем самым гласный в одной из основ предопределял весь ряд чередования. Так, корневой гласный /i:/ в основе настоящего времени относил глагол к I классу и определял ряд чередования *i: ~ a: ~ i ~ i*; корневой гласный /o:/ в основах прошедшего времени указывал на 6 класс с чередованием *a ~ o: ~ o: ~ a*.

В формах, составляющих глагольную парадигму, функциональная нагрузка чередования была значительно выше: многие формы различались только этим признаком. Ср., например: *bere*, *bāre* – 1 лицо ед. ч. изъяв. наклонения наст. времени и ед. ч. прош. времени сосл. наклонения; *ber*, *bær* – повел. наклонение и ед. ч. 1 и 3 лица прош. времени изъяв. наклонения; *begen*, *bāren*, *bogen* – мн. ч. наст. и прош. времени сосл. наклонения и причастие II. В целом более двух третей глагольных форм использовали чередование как необходимый и единственный форморазличающий показатель, поскольку флексии были неоднозначны.

2.3. С течением времени – с X по XVIII вв. – сильные глаголы, как известно, подверглись многообразным изменениям. Число основ сократилось с четырех до трех. Произошло замещение четырехчленного ряда трехчленным, так как слились две основы прошедшего времени¹.

¹ В современном английском языке только глагол *be* различает две основы в прошедшем времени; эти формы в проводимом анализе не учитываются, поскольку они входят в ряд супплетивных форм и с точки зрения формальной дифференциации уникальны.

<i>d.a.</i>	<i>n.a.</i>
wītan	write
wrāt	wrote
writen	written

Одновременно почти в пять раз сократился лексический охват системы: по подсчетам Ч. Фриза из 312 д.а. сильных глаголов 117 вышли из употребления, 129 перешли в слабые и стали образовывать свои основные формы с помощью дентального суффикса и только 66 сохранили сильные формы, в с.а. к ним добавились 9 новых глаголов [62, с. 60]. Морфологические классы сильных глаголов распались.

В современном английском языке сохранившиеся сильные глаголы не составляют отдельной морфологической группы; они входят в число «нерегулярных», или «неправильных», глаголов. Так же как и в д.а., реальная дифференциация основ бывших сильных глаголов не совпадает с потенциально возможной, и типы дифференциаций основ различны; эти сведения показаны в таблице 3.

Таблица 3

Дифференциация основ в современном английском языке (бывшие «сильные» глаголы)

№№ п/п	Типы дифференциации			Число различаемых форм	Число глаго- лов	% глаго- лов	Кoeffици- ент диффе- ренциации	Примеры
	I	II	III					
1	a	b	c	3	22	29,3	1	begin fight come
2	a	b	b	2	37	49,3	0,5	
3	a	b	a	2	16	21,4	0,5	
Итого: 75								
Средневзвешенный коэффициент дифференциации – 0,65.								

Преобладающий тип дифференциации – противопоставление основы настоящего формально неразличимым основам прош. времени и причастия II (тип 2); он представлен в половине глаголов. За ним следует дифференциация всех трех основ (тип 1), и на последнем месте стоит неразличение первой и третьей основ с выделением основы прошедшего (тип 2). Как и в д.а., основа прошедшего всегда отличается от основы настоящего; очевидно, это самая стабильная, грамматически существенная оппозиция. Средневзвешенный коэффициент реальной дифференциации в системе из трех основ остался почти таким же, каким он был в д.а. в ряду четырех основ (если же учитывать сокращение ряда, то дифференциация основ в языке уменьшилась в 1,33... раза, а коэффициент дифференциации – с 0,69 до 0,43).

Приведенные показатели характеризуют только бывшие сильные глаголы. Чтобы показать место этой группы среди других глаголов, приведем соответствующие показатели для всех нестандартных глаголов современного английского языка, учитывая на этот раз и маркирование основ с помощью суффиксов (табл. 4). Общий средневзвешенный коэффициент реальной дифференциации основ нестандартных глаголов — 0,65 — близок к д.а. коэффициенту сильных глаголов (и равен реальной дифференциации сохранившихся сильных). Этот уровень поддерживается комбинированным применением обоих средств даже несмотря на то, что в современном английском языке, в отличие от д.а., имеется группа глаголов с полностью омонимичными основами (типа set).

Таблица 4

Дифференциация основ нестандартных глаголов в современном английском языке

		Группы и подгруппы глаголов											
Дифференциация с помощью чередования	с по-	I			II			III			IV		
		a	b	c	a	b	b	a	b	a	a	a	a
Количество глаголов в группах		21			82			16			23		
Коэффициенты дифференциации с помощью чередования		1,0			0,5			0,5			0		
Подгруппы		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Дифференциация с помощью суффиксации. Количество глаголов в подгруппах													
φ	-d -n	1			3						8		
φ	-d -d				25								
φ	φ -n	11						17		14		1	
φ	φ φ	9						37		2		22	
Коэффициенты дифференциации с помощью суффиксации		1,0	0,5	0,0	1,0	0,5	0,5	0,0	0,5	0,0	1,0	0,5	0,0
Средневзвешенные коэффициенты дифференциации:													
по чередованию гласных		- 0,47											
по суффиксации		- 0,31											
общий (оба средства)		- 0,65											

2.4. В современном языке функциональная значимость чередования в ряду основ возросла. Чередование, или флексии, является полностью избыточным, когда оно дублирует свои функции (подгруппы 1, 4 и 5 — всего 29 глаголов), и частично избыточным, если дублируется функция флексии в одной или двух основах; чередование является единственным средством дифференциации основ у 50 глаголов (подтипы 2, 7 и 9). Следовательно, формальная избыточность в дифференциации основ сократилась.

Избыточность в глагольной парадигме невелика. В глаголах, различающих пять форм, или «баз», огласовка корня осуществляет семь оппозиций из десяти, причем лишь в трех случаях она не дублирует суффиксацию: sing — sings — sang — sung — singing; в глаголах с четырьмя базами дублирование функций чередования и флексий имеет место в трех случаях из шести (find — finds — found — finding).

§ 3. ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ РЯДА ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

3.1. Как и другие изменения в формообразовании, эволюция микро-системы основ сильных глаголов осуществлялась через рост и падение вариантности. Чтобы получить представление о ходе этого процесса, сопоставим с помощью качественно-количественных оценок состояние вариантности на нескольких временных срезах: VIII—IX вв. — по д.а. материалам, XIII—XIV вв. — по материалам с.а. диалектов эпохи Чосера, конец XVI—XVII вв. — на материале языка Шекспира, первых грамматик и словарей. Из-за различий в материале способы анализа и описания для разных периодов не всегда одинаковы. Основное отличие первого и второго среза (с VIII по XIV вв.) заключается в том, что в это время у сильных глаголов существовали относительно замкнутые морфологические классы, поэтому можно предполагать, что варианты форм, обнаруженные у нескольких глаголов, могли образовываться всеми глаголами данного класса. В более поздние периоды глаголы не группируются в классы, и вариантность приходится учитывать индивидуально для каждого глагола.

3.2. Для количественного представления вариантности и формальной дифференциации основ мы будем пользоваться несколькими видами показателей.

Коэффициент вариантности рассчитывается как отношение общего числа вариантов в ряду к минимальному числу форм, т.е. к четырем. Например:

I	II	III	IV
rīdan	rād	ridon/riodon	riden
1	1	2	1

Отсюда коэффициент вариантности $\frac{1+1+2+1}{4} = \frac{5}{4} = 1,25$.

Можно также подсчитать число вариантов ряда. У этого же глагола есть два варианта ряда основ — коэффициент вариантности рядов будет равен 2:

rīdan — rād — ridon — riden $\frac{2}{1} = 2$
 riodon 1

Поскольку отдельные основы во все периоды различались по числу вариантов — что отражало ход изменений, — то, кроме того, мы покажем длину вариантного ряда для каждой основы, или вариантность определенной основы. В приведенном примере вариантность третьей основы равна 2.

Еще один показатель, интересный для данного анализа, — это степень формальной дифференциации, или «выделимость» каждой основы в ряду, т.е. насколько она противопоставлена другим основам посредством огласовки корня: так, инфинитив rīdan имеет максимальную выделимость — 3, будучи противопоставлен трем остальным основам, а причастие II riden противопоставлено только двум — первой и второй основам, так как имеет одинаковый корневой гласный с третьей основой; его формальная выделимость — отношение 2 к максимуму, т.е. к 3:

$$\frac{2}{3} = 0,6 \dots$$

Поскольку во всех случаях нам известно число глаголов с тем или иным уровнем вариантности и формальной выделимости основ, то во всех случаях рассчитываются средневзвешенные коэффициенты.

3.3. Сопоставим количественные показатели первого и второго срезов: древне- и среднеанглийского. Как показано в таблицах 5 и 6 (с. 75, 78), вариантность огласовки в с.а. значительно выше, чем в д.а. К приводимым данным можно добавить, что в д.а. только 17,5% всех основ сильных глаголов имели варианты, причем количество вариантов формы не превышало два-три. В с.а. варианты зарегистрированы в 57,2% позиций, и для большей части форм число вариантов колеблется от трех до пяти.

Коэффициенты вариантности возросли. Коэффициент, рассчитанный по глобальному числу вариантов в ряду, вырос в 1,7 раза, коэффициент вариантности рядов — в 3,2 раза, последний, по-видимому, точнее отражает масштабы происходящих изменений в микросистеме основ. Очень заметно различается вариантность отдельных основ: вторая и третья основы дают значительно больший рост вариантности, чем первая и четвертая (см. табл. 6 с данными по всем периодам).

3.4. Рассмотрим характер вариантов, их распределение в классах глаголов и в языковом пространстве и попытаемся выяснить, что стоит за этими количественными показателями.

Немногочисленные варианты огласовки в д.а. представляют собой диалектные различия, например, riodon наряду с ridon (нортумбрийский и уэссекский диалекты), waet наряду с wea (уэссекский и кентский диалекты).

Но в XIII–XIV вв. варианты встречаются уже не только в текстах разных диалектов — что закономерно при возросшей диалектной раздробленности — но также и в одном и том же диалекте и даже у одного автора. Например, варианты третьей основы forgat / forgate / forgot / forget(en); wrot / writ(en); ras / rais / rase / rise(n) в восточно-центральных диалектах. Примеры вариантов в одном тексте:

Таблица 5

Вариантность огласовки основ в IX–XIV вв.

№ групп п/п	Древнеанглийский IX – X вв.				Среднеанглийский XIII – XIV вв.					
	Общий коэффициент вариантности	Вариантность рядов	Число глаголов	% глаголов	Примеры	Общий коэффициент вариантности	Вариантность рядов	Число глаголов	% глаголов	
1	1,25	2	54	24,5	rīdan	1,75	3	17	18,5	
2	1,00	1	36	16,4	sēoþan	3,25	12	9	9,8	
3	1,00	1	13	5,9	būgan	—	—	—	—	
4	1,00	1	38	17,3	findan	2,00	6	22	23,9	
5	1,25	2	15	6,8	helpan	—	—	—	—	
6	1,00	1	13	5,9	feohtan steorfan	1,75	5	10	10,9	
7	1,75	3	8	3,6	beran	2,00	4	4	4,3	
8	2,00	4	17	7,7	cwēþan	2,25	6	15	16,3	
9	1,00	1	26	11,9	scapan	1,50	2	15	16,3	
		Итого: 220				Итого: 92				
		Средневзвешенные коэффициенты	общая вариантность	1,18	2,01	(по глобальному числу вариантов в ряду)	вариантность рядов	1,62	5,18	(по числу рядов чередований)

And bothe his eyen *broste* out of his face. (Ch. Canterbury Tales, B 671)
 His teeris *bruste* out of his eyen two. (Ch. C. T., C 234)
 Ful weel she *soong* the service dyvyne... (Ch. C. T., A 122)
 Yet *song* the larke... (Ch. C. T., A 2212)
 She *sang* ful loude and clere. (Ch. C. T., B 1961)

Возможно, что некоторые варианты отражают диалектные и даже индивидуальные колебания, но весьма показательно, что рост вариантности у разных основ различен. У первой и четвертой основы вариантность за этот период повысилась всего лишь на 16–20 %, тогда как у второй и третьей она выросла примерно в два раза. Одновременно коэффициенты формальной выделяемости двух основ прошедшего времени снизились соответственно с 0,84 и 0,73 до 0,72 и 0,67 (см. табл. 6, с. 78); при этом стало менее четким и их противопоставление друг другу: коэффициент их четкой дифференциации упал почти вдвое — с 0,67 до 0,39.

Из этих данных очевидно, что варианты указывают направление изменений — активную тенденцию к слиянию двух основ прошедшего времени. Постепенность изменения обеспечивается сосуществованием совпадающих вариантов у каждой из двух основ. Слиянию основ способствовало также ослабление и отпадение окончаний во мн. ч. и во 2 лице ед. ч. Ср. варианты основ прошедшего времени с.а. глагола *writen*:

II основа	III основа
wrote, wrate (позже writ)	writ(en), wrote, wrate

3.5. Отражая общее направление развития — сокращение ряда путем слияния основ прошедшего времени, — варианты указывают на разные пути этого слияния. В северных диалектах преобладал путь выравнивания по гласному второй основы: *wrate* — вторая основа занимает место третьей *writen*; этот процесс завершается очень рано — уже в XIV в., вариантность сокращается и основы сливаются. В центральных диалектах унификация идет медленнее и при этом обнаруживается борьба разных тенденций. Основной путь унификации — особенно в западно-центральных диалектах — распространение гласного третьей основы на все прошедшее, а иногда и перенесение гласного четвертой основы — причастия II — на вторую и третью: ср., например, формы прошедшего времени *chaas/chase/chose*; *bare/bore* и соответствующие формы причастия II *chosen*; *boren*. Медленнее всего проходит унификация в южных областях Англии: в южных диалектах XIV в. и в языке Чосера еще регулярно различаются две основы прошедшего времени.

Разные пути объединения основ зависят не только от диалектных различий, но и от морфологического класса. Глаголы бывшего первого класса чаще осуществляют выравнивание по второй основе, третьего класса — по третьей. Ср., например, следующие варианты прош. времени глаголов бывшего 1-го класса у Кэкстона: *drive/drove/droff/drave*; *rise/goose/ris* и формы глаголов 3-го класса с выравниванием по третьей основе: *find — fend/found(e)*; *fight — fought(e)*.

Высокие показатели вариантности в с.а. свидетельствуют также о других грамматических изменениях: о распаде и смешении морфологи-

ческих классов сильных глаголов, об образовании аналогических форм по образцам классов со сходными рядами чередования и в особенности по образцам слабых глаголов.

Все эти процессы продолжают и в следующем столетии. К концу XV в., ко времени У. Кэкстона, слияние основ прошедшего времени завершилось. Система сократилась на одну позицию, и морфологические классы глаголов распались. Варианты основ свидетельствуют о смешении диалектов в литературном языке XV–XVI вв. и о разных источниках единой основы прошедшего времени. Так, в публикациях У. Кэкстона формы типа *wrate/wrote*, *draw* указывают на северный источник — унификацию по основе ед. ч., формы типа *bounde* — на центральные источники, т.е. унификацию по третьей основе.

3.6. Несмотря на завершение слияния основ прошедшего времени, вариантность основ снижается очень незначительно. Но теперь варианты указывают на возможность новых изменений, касающихся новой основы прошедшего и основы причастия II. В д.а. и с.а. период причастия II было относительно стабильным (коэффициент вариантности 1,00 и 1,16 — см. табл. 5 выше). В XV–XVI вв. его вариантность повышается: появляются варианты, совпадающие с основой претерита, а у последней, в свою очередь, — варианты с огласовкой причастия II. Возникает такая же ситуация, как перед слиянием двух основ прошедшего времени: нечеткая дифференциация с частичным совпадением вариантов. Ср. несколько рядов основ в XV–XVI вв. (сходные формы выделены одинаково):

drive — drove/droff/drave — driven/draven
write — write/writ/wroote — wrote/written
strike — stroke/strake/strooke — strook/struck/stricken/stroke(n).

В характере вариантности видны потенциальные изменения — дальнейшее сокращение ряда основ. Ход и результаты этого процесса можно проследить, сопоставляя данные о вариантах глагольных основ в эпоху Шекспира со сведениями и рекомендациями грамматик и словарей XVIII в. и с данными современных словарей.

В произведениях Шекспира зарегистрировано 84 глагола с чередованием; некоторые из них используют также суффиксы *-(e)d* и *-(e)n* (последний суффикс стал формально значимым как маркер причастия II после его отпадения в других формах).

В таблице 6 показаны коэффициенты вариантности и формальной выделяемости основ за весь период — с VIII по XVIII вв. (см. также графики 7, 8, с. 79).

Хотя вариантность в XVI–XVII вв. явно указывала на тенденцию к слиянию основ прошедшего и причастия II, в дальнейшем эта тенденция не получила полной реализации. Различие поддерживалось как огласовкой корня, так и суффиксом.

Обратимся к сведениям словарей и грамматик XVII–XVIII вв., признавая, что в них приводятся не все существовавшие формы и что рекомендуемые формы отражают не только узус, но и личные вкусы авторов. Бен Джонсон в «Английской грамматике», вышедшей в 1640 г., для мно-

Вариантность и дифференциация глагольных основ

	Срезы			
	VIII–X	XIII–XIV	XVI–XVII	XX
Число различаемых основ	4	4	3	3
Средневзвешенные коэффициенты вариантности				
Общие	1,18	2,01	1,30	1,20
По отдельным основам				
I	1,00	1,20	1,00	1,00
II	1,30	2,98	1,21	1,03
III	1,44	1,70		
IV	1,00	1,16	1,68	1,13
Средневзвешенные коэффициенты выделяемости				
По отдельным основам				
I	0,85	0,95	0,97	0,80
II	0,84	0,72		
III	0,73	0,67	0,75	0,59
IV	0,74	0,74	0,74	0,64

гих глаголов приводит по два варианта причастия II, например, broke/broken; beat/beaten; lien/lain; один из них обычно совпадает с формой прошедшего времени. Более ста лет спустя, в эпоху «исправления» и «улучшения» языка уподобление причастия II претериту стало вызывать резкую критику стилистов и знатоков «правильной» речи Р. Лоута, Дж. Пристли, С. Джонсона (см. подробнее в следующем параграфе). В конце XVIII в. Л. Мэррей в своей известной грамматике, которая пользовалась большой популярностью в течение XIX столетия, признавал варианты причастия II, идентичные претериту, у 16 глаголов: beat, bid, bite, chide, cleave, forget, hide, ride, share, sing, sink, split, spit, strike, strew, work. В классифицированные списки современных нестандартных глаголов, составленные О. Есперсеном, варианты не включены [66, с. 23–86]. Но, судя по данным современных английских словарей, у многих глаголов (до 15 %) имеется по два варианта третьей основы. Наряду с причастием на -n, они имеют варианты с суффиксом -d, совпадающие с основами претерита.

Сопоставление форм эпохи Шекспира с современными показывает, что из 55 глаголов, имевших тенденцию к слиянию второй и третьей основ, только 15 окончательно утратили их дифференциацию; у остальных сохранились те варианты основ, которые показывали это различие: например, ряд sing – sang – sung превратился в sing – sang – sung. За

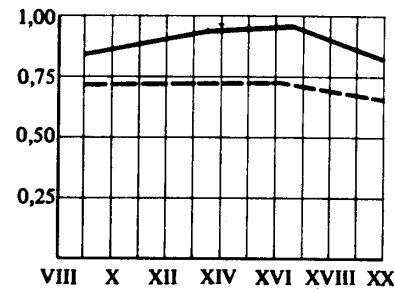
График 7

Вариантность глагольных основ

Вариантность основ настоящего времени и причастия II

основа I —————
основа II —————
основа IV - - - - -

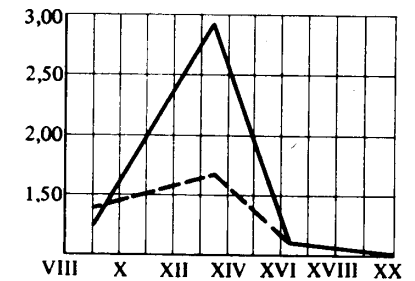

Выделяемость основ настоящего времени и причастия II

основа I —————
основа II —————
основа IV - - - - -

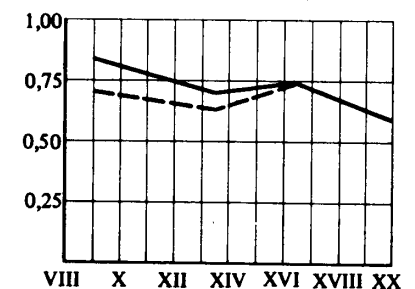
График 8

Вариантность глагольных основ

Вариантность основ прошедшего времени

основа II —————
основа III - - - - -
основа I - - - - -

Выделяемость основ прошедшего времени

основа II —————
основа III - - - - -
основа I - - - - -

счет преобладания и закрепления вариантов причастия II, отличающихся от основы претерита, четкая дифференциация второй и третьей основ повышается с 0,5 до 0,63.

§ 4. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА. ОБ УСЛОВИЯХ И ПРИЧИНАХ ИЗМЕНЕНИЙ

4.1. В итоге проведенного анализа можно определить более и менее стабильные признаки ряда основ и выяснить взаимодействие разных факторов в их развитии.

Во все периоды самой стабильной в этой системе была оппозиция основ настоящего и прошедшего времен; даже в период значительного роста вариантности у них поддерживалась различная огласовка — конечно, при условии, если глаголы не переходили в слабые. На всем

протяжении изменений у первой основы были наиболее высокие коэффициенты формальной выделяемости.

Самым исторически неустойчивым оказалось противопоставление двух основ прошедшего времени, которое и было утрачено в XV в. Исторически непрочной была и морфологическая классификация сильных глаголов, немотивированная и противоречивая уже в д.а. Однако надо признать, что классы сильных глаголов с их способом образования и дифференциации основ все же оказались более стойкими, чем, например, морфологические классы имен существительных: от последних сохранились лишь несколько слов как исключения в образовании форм мн. ч., от первых — более семидесяти глаголов. Более того, относительно продуктивным остался и сам способ формообразования — чередование звуков в корне, особенно в модели *find — found — found (a b b)* с неразличением претерита и причастия II. Эта модель была воспринята многими слабыми глаголами, пополнившими число «неправильных» (тип *feed — fed — fed*). Возросшая вариантность причастия II и претерита в XVI—XVII вв. указывала на неустойчивость этой модели и на новую тенденцию к сокращению системы, но эта тенденция не реализовалась, и модель из трех основ, сложившаяся к концу XV в., несмотря на ее лексическую ограниченность, сохранилась. При всей сложности современной дифференциации глагольных основ объем микросистемы — три позиции — принят в большинстве английских грамматик XIX—XX вв.

Хронологически процесс сокращения ряда глагольных основ растянулся на длительный период. Он подразделяется на два основных этапа. Резкое возрастание вариантности двух основ прошедшего времени в XII—XIV вв. завершилось в XV в. слиянием этих основ и сокращением ряда. Новый подъем вариантности основы прошедшего и причастия II в XVI—XVII вв. только ослабил оппозицию этих двух основ и привел к их частичному слиянию, не затронув структурной организации ряда.

Процесс полных и частичных слияний, осуществляемых через рост формальной вариантности, еще раз подтвердил количественно-качественную закономерность: количественный рост новых признаков привел к переходу в новое качество и к сдвигам в системе.

4.2. Мотивации изменений в системе основообразования глаголов не заключают в себе столь сложных и многообразных проблем, как изменения морфологической системы имени, вероятно, потому, что они более «замкнуты» в пределах глагольного формообразования и менее связаны с другими преобразованиями в грамматическом строе. Тем не менее, при анализе условий и причин этого процесса обнаруживается несколько своеобразных обстоятельств.

Во всех этих изменениях можно легко усмотреть одну первопричину — необходимость выработки более универсального, регулярного и экономного способа маркирования форм, дифференциация которых была существенно необходимой. Это направление развития — одно из проявлений общеязыковых панхронических тенденций к совершенствованию языковой техники: к избавлению от избыточности, к экономии, к выработке универсальных маркеров для однородных значений.

Возникновение вариантов и резкое возрастание вариантности к XIII—XIV вв. можно было бы объяснить усилившейся диалектной разобщенностью и связать с внешними условиями через языковую ситуацию.

Однако этому препятствует несколько фактов. Во-первых, вариантность основ не только не уменьшилась, но продолжала возрастать и в XIV—XV вв., когда языковая ситуация изменилась: усилились контакты между диалектами, возродился и активно развивался письменный литературный язык, который впитывал черты разных диалектов (напомним, что именно эти условия сказались на эволюции именной системы в виде ее большей стабилизации, см. главу II). Во-вторых, вариантность форм в XIII—XIV вв. охватила не все четыре основы, а более всего именно те, которые вскоре совпали, что скорее говорит о действии внутренних причин, чем о воздействии языковой ситуации.

По-видимому, в этом случае диалектное расхождение не сыграло особенно большой роли. И все же варианты основ имели ареальное распределение, и определенные диалекты являются источниками разных путей слияния двух основ претерита. Однако конечный выбор единой основы прошедшего более определялся классом глаголов, нежели диалектом; значит, и в завершающем отборе внутрисистемные факторы оказались сильнее давления диалектов. В сокращении ряда у сильных глаголов большую роль сыграла аналогия со слабыми глаголами, которые различали сначала три, а далее лишь две основы: с.а. *look(en), looked(e)*. Воздействие этой модели внутри глагольной системы было очень велико, так как слабые глаголы составляли в языке подавляющее большинство. Действие языковой ситуации в с.а. сказалось, очевидно, не столько в ускорении или замедлении изменений, сколько в обеспечении свободы смещения и распространения вариантов.

Пик вариантности для причастия II наступил примерно в эпоху Шекспира, знаменитую своей свободой грамматических конструкций и широким диапазоном варьирования [47, с. 134; 55, с. 248]. Казалось бы, что и внутренние и внешние условия могли привести к слиянию основ претерита и причастия II. Однако к концу XVII в. и в XVIII в. изменилась языковая ситуация — настала эпоха нормализации литературного языка и кодификации его норм [47, с. 149; 71]. Издаются первые прескриптивные грамматики и словари; ревнители «правильности» речи настойчиво вводят свои исправления и правила.

Нет никакого сомнения в том, что сознательное вмешательство не может изменить какие-либо общие преобразования в системе языка или направление его развития. Но в отдельных деталях его роль очевидна: так, именно в это время, благодаря активности грамматистов логического толка, из английской грамматической системы были «изгнаны» двойные отрицания, двойные сравнительные степени, была сознательно упорядочена система средств сочинения и подчинения [71]. По-видимому, и в фиксации ряда глаголов с различием основ претерита и причастия II кодификация сыграла определенную роль. В сочинениях по английской грамматике давались настоятельные рекомендации разграничи-

вать эти формы. Эти увещания настолько любопытны и красноречивы, что стоит привести несколько выдержек в оригинале:

"Concerning the double participles it is difficult to give any rule; but he shall seldom err who remembers, that when a verb has a participle distinct from its preterite, as, write, wrote, written, that distinct participle is more proper and elegant, as "the book is written" is better than "the book is wrote". Wrote, however, may be used in poetry; at least if we allow any authority to poets, who, in the exultation of genius, think themselves perhaps entitled to trample on grammarians." (Samuel Johnson. A Grammar of the English Tongue, 1755)

"As the paucity of inflections is the greatest defect of our language, we ought to take advantage of every variety that the practice of good authors will warrant; therefore, if possible make a participle different from the preterite of a verb, as "a book is written" not "wrote", "the ships are taken" not "took". (Joseph Priestley. Rudiments of English Grammar, 1761)

"This abuse has long been growing upon us and is continually making further encroachments ... The absurdity of it will be plainly perceived in the example of some of these verbs, which Custom has not yet perverted. We should be immediately shocked at "I have knew, I have saw", etc., but our ears have grown familiar with "I have wrote. I have drunk, I have bore", etc., which are as barbarous". (Robert Lowth. A Short Introduction to English Grammar, 1762)

Хотя такого рода предписания и противоречили наметившемуся слиянию основы прошедшего и причастия II, которое поддерживалось массой «стандартных» глаголов и всей предшествующей историей, у многих глаголов различия основ сохранялись и закрепились в литературном языке, в соответствии с вводимыми правилами, хотя совпадающие варианты основ продолжали иногда встречаться и в XIX и в XX вв.

Некоторые англисты считают, что тенденция к переходу в разряд стандартных глаголов и к полному устранению различий между второй и третьей основами продолжает активно действовать и сейчас [69]. Это подтверждается включением неразличимых вариантов основ в словари современного английского языка и в особенности наличием диалектных форм. Однако нельзя не признать, что в современных условиях дальнейшая реализация этой тенденции еще менее вероятна, чем в XVIII в. С одной стороны, условия функционирования языка в современном обществе облегчают диффузию инноваций, но, с другой, более чем когда-либо ранее, они способствуют с помощью средств массовой информации и роста образованности распространению и укреплению признанных литературных форм.

Вопросы для обсуждения и задания

1. Прокомментируйте следующие термины:

«слабые» глаголы, «регулярные» глаголы, «сильные» глаголы, «нерегулярные» («нестандартные») глаголы, «основы глагола», «основные формы», «базы».

2. Определите общее содержание изменений и опишите процесс изменения основных форм глаголов на следующих примерах. Укажите грамматические, фонетические и орфографические изменения. Назовите «исторические» и «аналогические» формы.

Основные формы	д.а.	с.а.	н.а.
Инфинитив	climban, grīpan	climb(en) grip(en)	climb grip
Прош. ед.	clamb, grāp	clamb/ climbed grap/ gript(e)	} climbed gripped
Прош. мн.	clumbon, gripon	clumb(en)/ climbed grip(en)/ gripte	
Причастие II	clumben, gripen	clumb(en)/ climbed gripen/ gript/ gripped	climbed gripped

3. Составьте список всех синтетических форм современного английского глагола и укажите их источники.

4. Объясните в свете исторических тенденций следующие варианты глагольных основ, приводимые в современных словарях.

abide	abode/ abided	abode/ abided
bereave	bereft/ bereaved	bereft/ bereaved
bid	bid/ bade	bid/ bidden
cleave	clove/ cleft	cloven/ cleft
grave	graved	graved/ graven
rid	rid/ ridden	rid/ ridden
saw	sawed	sawed/ sawn
sew	sewed	sewn/ sewed
shrive	shrove/ shrived	shriven/ shrived
sow	sowed	sowed/ sown
stink	stank/ stunk	stunk
strew	strewed	strewed/ strewn
stride	strode	strid/ stridden
wake	woke/ waked	woken/ waked

5. Объясните выделенные формы в диалектной речи XIX в., учитывая исторические тенденции в образовании глагольных основ.

- "I've *took* it in my head," said Sloppy, "...that I might have sometimes turned a little harder for her..." (Dickens)
- "And he is *beat*; that's what he is; regularly *beat*." (Dickens)
- "I thought you *knowed* the man I mean, learned governor." (Dickens)
- Silver and gold will be *stole* away
Dance over my Lady Lee;
Silver and gold will be *stole* away,
With a gay lady. (Nursery Rhymes)

Глава IV. РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (VIII—XVIII вв.)

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Формирование новых грамматических категорий глагола и включение новых категориальных членов в уже существующие категории представляют собой одно из самых значительных событий в истории английского языка, не менее важное для становления его грамматического строя, чем сокращение морфологической системы имени. Расширение глагольной системы связано с развитием аналитических форм и перестройкой всей системы отношений между глагольными формами. История отдельных аналитических форм и глагольных категорий в английском языке описывалась во многих работах. Задачей этой главы является показать некоторые новые стороны этого развития, которые удалось установить в свете принятой концепции — как замещений, осуществляемых через варьирование, — сочетая системный и функциональный подходы. Раздельное рассмотрение содержания изменения, его процесса и причин помогает уточнить ход, датировку и степень реализации изменений, определить взаимодействие внутренних и внешних факторов развития.

Рассматриваемые здесь изменения касаются не только формы, но и содержания, поэтому при их описании должны прежде всего учитываться качественные признаки грамматических единиц, их семантическое сходство и различие (количественные показатели имеют вспомогательный характер, а зачастую вообще оказываются несущественными). Известно, что всякий семантический анализ по сравнению с формальным более субъективен и менее точен, в особенности, если он проводится на материале отдаленных исторических эпох. Поэтому во избежание субъективных оценок, насколько возможно, мы будем использовать определения значений форм из предшествующих работ.

§ 2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ

Чтобы получить представление о масштабах расширения глагольной системы английского языка за период его письменной истории, достаточно сравнить общие объемы парадигм по собственно глагольным категориям (без категории лица и числа как средств согласования и синтаксической связи). В д.а. парадигма личных форм состояла всего из пяти клеток:

три наклонения на два времени (исключая время для императива). В современном английском языке личные формы различают до пяти категорий: наклонение, залог, время, вид, категория временной отнесенности (или «фазы»); по разным трактовкам объем парадигмы личных форм составляет от 14 до 64 единиц. Различия в числе объясняются, во-первых, тем, что некоторые авторы заполняют клетки всеми потенциально возможными формами, тогда как другие приводят лишь действительно встречающиеся формы (так, например, А. Хилл дает формы типа *will have been being paid, had been being scolded*; Г. Глисон допускает возможность построений *has been being eaten, will have been being late*). В одной из последних грамматик в формы будущего включена конструкция *to be going*, и общее число достигает шестидесяти четырех [74, с. 136]. Другой причиной различий в числе форм, включаемых в глагольную парадигму, является разное отношение к понятию «аналитической формы». Некоторые лингвисты вообще отказывают аналитическим конструкциям в праве принадлежать к морфологической системе языка или включают их в систему, только если они непосредственно противопоставлены синтетическим [4, с. 100]. Большинство зарубежных грамматик английского языка относят аналитические формы («перифрастические конструкции») к области синтаксиса [66; 69; 82]. Ф.Р. Палмер насчитывает только шестнадцать форм в основной глагольной парадигме. Г. Палмер называет двадцать шесть форм в разговорном английском языке. Другие авторы, напротив, свободно включают аналитические образования в парадигму, полагая, что «прерывистая морфема», т.е. вспомогательный глагол плюс соответственно оформленный смысловой компонент, является столь же полноправной формой, как и синтетическая [7]. «Парадигма охватывает всю совокупность парадигматических рядов, — пишет В.Н. Ярцева, — и, будучи специфична для той или иной части речи, передает грамматические категории, характеризующие данную часть речи, как с помощью синтетических, так и с помощью аналитических форм выражения грамматических значений» [49, с. 225; см. также 7, с. 69]. Представляется, что последний подход является единственно возможным для английской глагольной системы, которая сейчас почти на 80 % состоит из аналитических образований.

Эти сведения дают общее представление о масштабах изменений. Объем парадигмы вырос во много раз. В пределах тех категорий, которые служат предметом рассмотрения — категории вида, временной отнесенности, времени и наклонения, — рост парадигмы выражается следующими соотношениями: в новых категориях — вида и временной отнесенности — возникли двенадцать новых личных форм в активе и шесть в пассиве; развитие будущего ответственно за появление шести новых форм; категория наклонения приобрела две новые формы, которые при реализации в других категориях могут дать до шестнадцати форм.

Основное содержание произошедших преобразований можно определить следующими способами.

В терминах моделей замещения их можно считать **р а с щ е п л е н и е м** на формальном и семантическом уровнях, поскольку система из

пяти форм замещается многочисленными разноформленными рядами форм с более узкими, специализированными значениями.

Для глагольных сочетаний, которые пополнили парадигму, превратившись в категориальные члены, изменение представляло собой перенос интеграцию, так как при этом изменились структурные связи между компонентами, а также их корреляции с другими глагольными формами.

При описании изменений мы будем пользоваться «полевым» подходом в сочетании с «уровневым», так как переходы глагольных сочетаний в глагольные формы были уровневными сдвигами выразительных средств в пределах некоторых полей и микрополей.

Дело в том, что в д.а. языке две временные формы в изъявительном и сослагательном наклонениях могли передавать примерно те значения, которые впоследствии распределились между многочисленными членами глагольной парадигмы (но менее точно и специализированно и только при поддержке контекста). С другой стороны, в д.а. текстах в тех же сферах значения употреблялись прототипы новых форм и многие другие близкие к ним сочетания, которые составляют «сырой материал» для дальнейших изменений. Это сочетания глаголов неполной предикации с неличными формами глагола: глаголов-связок *bēon* и *werþan* с причастием I и II, глаголов модальных значений с инфинитивом, глагола *habban* с причастием II. Эти сочетания получали различные наименования в работах по истории английского языка: «особые синтаксические конструкции» (И.П. Иванова, Л.П. Чахоян), «словосочетания, находящиеся на пути превращения в аналитическую форму» (А.И. Смирницкий), «свободные сочетания» или «аналитические образования» (Б.А. Ильиш). Зарубежные историки, не занимаясь динамикой этих сочетаний, при формальном сходстве с современными формами именуют их современными терминами: перфект, плюсквамперфект и т.д., но относят к области синтаксиса (см., например, [83; 86]). Самым удобным наименованием для них является предложенный О.И. Москальской термин «устойчивые сочетания с грамматической направленностью», который характеризует их с внутренней стороны. С внешней стороны, по отношению к глагольной системе, их называют «периферийными элементами» системы [18], но, в сущности, они вообще не входили в глагольную систему, а были лишь конституентами тех полей, где простые глагольные формы выступали как доминанты. Грамматико-лексическое поле определенной семантики составляло ту среду и тот материал, в котором осуществлялось становление новых глагольных форм.

Разработка теории грамматико-лексических полей и методики их анализа в работах советских лингвистов (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко, Г.С. Щур) послужила стимулом и научным обоснованием для многих исследований на материале современных языков, в том числе и английского, но, как справедливо отмечает М.М. Гухман, полевой подход к анализу не менее результативен и для диахронных исследований. «Сам факт особой соотнесенности и связанности внепарадигматических единиц с парадигматическими системами, что и позволи-

ло выделить поле как особую структурную единицу грамматического моделирования, подтверждается фактами языковой диахронии: инвентарь периферийных зон представляет собой «потенциальный запас» будущих словоизменяемых единиц, хотя лишь очень незначительная часть этого «потенциального запаса» меняет свой статус и переходит в центральную зону» [17, с. 174]. Для того чтобы проследить становление категорий вида, временной отнесенности, футуральных и «нереальных» конструкций, мы будем заниматься полем времени — вида и полем модальности.

§ 3. ПРОЦЕСС ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ. ГРАММАТИЗАЦИЯ И ПАРАДИГМАТИЗАЦИЯ

Перед тем как перейти к процессам изменений в отдельных микрополях, необходимо определить в целом, из чего складывался переход глагольных сочетаний в аналитические формы и члены грамматических категорий. Изучение процесса их изменения — как с точки зрения внутренней структуры, так и с точки зрения связей с другими глагольными формами — потребовало четкого разграничения между составляющими этого процесса и его различными стадиями.

Этот переход известен под разными названиями: грамматикализация, грамматизация, морфологизация, парадигматизация. По мнению некоторых лингвистов, признание за сочетанием статуса аналитической формы одновременно означает, что оно вошло в глагольную парадигму [38, с. 68—84]. В других работах процесс парадигматизации рассматривается отдельно, как завершающий этап преобразований, наступающий после становления аналитической формы [17; 20]. Между тем, сложившаяся аналитическая форма может не сразу включаться в категориальные оппозиции, а оставаться какое-то время на периферии системы [18]. Это указывает на возможность более определенного разграничения процессов грамматизации и парадигматизации.

В настоящем описании эволюции глагольных сочетаний мы будем различать два процесса, или две составляющие рассматриваемых преобразований — грамматизацию и парадигматизацию. Под грамматизацией имеется в виду превращение свободного синтаксического сочетания в аналитическую глагольную форму. Грамматизация есть процесс переинтеграции, в течение которого изменяются старые связи между компонентами и возникают новые; меняется внутренняя структура сочетания; оно приобретает грамматическую неразложимость, или идиоматичность, с перераспределением функций компонентов: первый компонент утрачивает лексическое значение и сохраняет только грамматическую функцию, превращаясь во вспомогательный глагол, второй выполняет грамматическую и лексическую функции, сохраняя смысловое значение; стабилизируется структурная модель; формы обособляются и изолируются от внешне сходных образований (которые иногда

вообще перестают употребляться в языке). Растет лексический охват вплоть до полной универсальности модели, или ее «предсказуемости» [17, с. 135], что означает, что форма может быть образована от неограниченного числа слов данного класса. Расширяется и грамматический охват формы, что выражается в возможности воспроизведения данной модели в разных частях глагольной системы в комбинациях с другими моделями (например, перфект в пассиве). В.М. Жирмунский указывает еще один критерий аналитической формы — фонетическое ослабление первого компонента, связанное с его безударностью [4, с. 24]. Для памятников письменности отдаленных периодов этот признак не может быть учтен, но начиная с XVI в., когда в английских текстах появляются аббревиатуры, его можно считать одним из критериев грамматизации.

Все эти черты появляются постепенно, при возникновении новых вариантов словосочетаний с несколько «сдвинутыми» признаками и их параллельном употреблении со старыми вариантами. Очевидно, в процессе грамматизации можно выделить несколько стадий, когда не все признаки аналитической формы еще получили полное развитие: так, например, изоляция от других внешне сходных сочетаний, не обладающих грамматическим идиоматизмом, может быть неполной или первый компонент может частично сохранять лексическое значение. «В целом аналитическое формообразование имеет характер процессуальный с переходными случаями большей или меньшей грамматизации, которые следует рассматривать не как метафизически изолированные классификационные клеточки, а, говоря языком диалектики, как «узловые точки» в процессе развития, представляющего ряд последовательных ступеней грамматизации, сосуществующих одновременно в языке без непроницаемых между ними перегородок» [4, с. 12]. В этом процессе можно различить несколько ступеней: свободные синтаксические построения становятся сначала «устойчивыми сочетаниями с грамматической направленностью», затем «аналитическими конструкциями» — при неполном развитии каких-либо признаков — и, наконец, «аналитической формой».

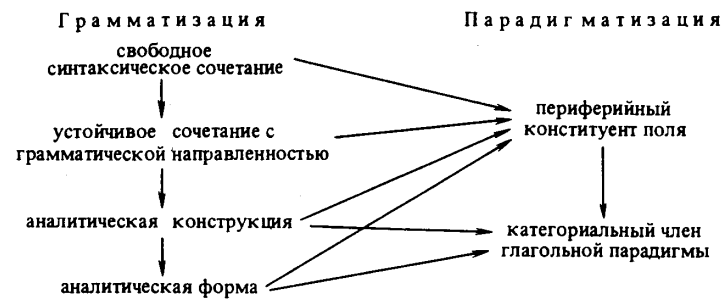
П а р а д и г м а т и з а ц и я есть включение новой единицы в систему как члена глагольной парадигмы, которое знаменует собой изменение связей данной единицы или данного ряда единиц с другими категориальными формами¹. Главным критерием завершения парадигматизации является приобретение своего семантического инварианта как основного грамматического значения или набора значений, общего для всего ряда единообразно оформленных единиц и отличающего их от противопоставленных им в данной категории рядов и форм [16]. Существенно, чтобы это значение стало основным, наиболее частым, наименее зависимым от контекста и чтобы оно было специфическим значением именно этой единицы, а не дублировало бы основных значений других форм.

¹ «Под процессами парадигматизации понимается становление в словоизменительной системе новых обобщенных и регулярных парадигматических связей на основе вовлечения инуюровневых по своему происхождению образований — лексических классов или групп и сочетаний частичного и полного слова» [19].

Проведенный нами анализ показал, что значения противочленов грамматической категории не обязательно должны быть взаимоисключающими; в контексте между ними могут сохраняться отношения синонимии с частичным «перекрыванием» дистрибуций и функций одной из категориальных форм другой¹. Противочлены грамматических категорий могут иметь разные объемы значений, различную семантическую емкость. Один из противопоставляемых членов может иметь более узкое, специализированное значение, или небольшой набор сем, другой — более широкое и общее, «интенсивное» и «экстенсивное», по терминологии Л.С. Бархударова [7, с. 115].

В свое время А.М. Пешковский отмечал разнохарактерность категориальных значений форм: формы могут объединяться «при помощи 1) единого значения; 2) единого комплекса разнородных значений, 3) единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм» [31, с. 26–27]. Эта мысль важна потому, что в последнее время изучение оппозиций между противочленами как бы отодвинуло на задний план не менее существенное свойство — сходство, единство значений ряда форм, составляющих один член грамматической категории.

Парадигматизация предполагает также дальнейшее расширение лексического и особенно грамматического охвата. Кроме того, если новая модель имела какие-то пространственные или стилистические ограничения, то завершение парадигматизации обычно также означает, что она преодолевает и эти ограничения и становится достоянием системы языка и всего или большей части языкового пространства.

(Стрелки в центре между колонками, изображающие последовательные стадии грамматизации и парадигматизации, показывают возможные положения единиц на разных ступенях грамматизации в поле и его втягивание в парадигму.)

¹ Возможны и другие интерпретации семантических оппозиций в грамматических категориях — как обязательно бинарных и взаимоисключающих [45, с. 68].

В настоящей работе мы покажем, что эти два процесса — грамматизация и парадигматизация — не обязательно осуществляются строго параллельно и не всегда являются последовательными стадиями одного направления развития. Начало преобразования заключается в постепенной грамматизации, но уже на стадии аналитической конструкции может произойти и второй процесс — втягивание в глагольную парадигму, т.е. парадигматизация. Аналитическая конструкция, не достигнув всех признаков аналитической формы (полной идиоматичности, изоляции), может войти в глагольную парадигму, и, напротив, аналитическая форма может надолго оставаться периферийным элементом, не входя в систему. Соотношение грамматизации и парадигматизации — как по хронологии, так и по степени развития — специфично для разных форм и конструкций. Общая схема возможной связи этих двух процессов приведена на с. 89.

§ 4. ПОЛЕ ВРЕМЕНИ-ВИДА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. В развитии глагольных форм времени и вида мы не можем выделить стадию «до начала изменений»: в письменный период истории мы застаем процесс изменения уже на стадии сосуществования и варьирования грамматических и лексико-грамматических синонимов, послуживших материалом для последующего становления перфектных и длительных форм и для образования категорий временной отнесенности и вида.

Исходя из имеющихся д.а. текстов, состояние поля времени-вида может быть полнее всего показано в сфере прошедшего. Для обозначения прошедших действий в д.а. текстах употреблялись различные средства: доминантной была форма прошедшего времени как основная парадигматическая глагольная форма, противопоставленная форме настоящего:

Ealla *ðās goldsmiðas secgaþ* *þæt hī nǣfre ær swā clǣne gold ne swā rēad ne gesǣwon.* (Ælfric) Все эти ювелиры говорят, что они никогда раньше такого чистого золота и такого красного не видели.

Параллельно употреблялись и сочетания глаголов *bēon*, *habban* и *weorðan* с причастиями. Рассмотрим сначала сочетания *bēon* и *habban* с причастием II — источники современного перфекта. Д.а. примеры:

- (1) ...ac hī *hæfdon* *þā heora stemn gesetenne* ond hiora *mete genotudne.* (Chronicle 894) ... и пробыли они свой срок службы и съели пищу (букв. «имели свой срок выполненным, а пищу съеденной»).
- (2) *hē... hæbbe hine selfne forgieltenne.* (Alfred) он себя самого забыл. (букв. «имеет себя самого забытым»).
- (3) *Hæfde sē cyning his fierd on tū tōnumen.* (Chronicle 894) Тот король разделил свое войско на две части. (букв. «имел войско на две части разделенное»; *fierd* — женский род, согласованное причастие в слабом склонении должно было иметь окончание *-e*).
- (4) *Þā ic hæfde ðone weall ðurhbyrelod, ðā geseah ic duru.* (Alfred) Когда я ту стену прошел, тогда я увидел дверь.
- (5) *Þā swā earme wif ond swā elðeodge hæfdon gegān þone cræftingestan dǣl ond þā hwatestan menn ealles þises middangeardes.* (Alfred) Когда эти

жалкие чужестранки победили сильнейшую страну и самых храбрых мужчин всей этой земли.

- (6) *Wuton āgīfan ðām esne his wif, for þām hē hī hæsfō gearnad* mid his *hearpunga.* (Alfred) И отдадим этому человеку его жену, потому что он ее заслужил своей игрой на арфе.
- (7) ...*wæron þā menn on lande of āgāne.* (Chronicle 897) ...ушли тогда те люди вверх на ту землю. (букв. «были ушедшими»).
- (8) *Hæfde Hæsten ær geworht þæt geweorc æt Bēamflēote, ond wæs þā ūt āfaren on hergaþ.* (Chronicle 894) Построил раньше Хэстен укрепление в Бемфлите и тогда ушел в поход.
- (9) *And swā wæs geworden þætte...* (Alfred) И так случилось, что...
- (10) *On þām swicdōme wearþ Numantia duguð gefeallen.* (Alfred) Из-за того предательства кончился расцвет Нумантии.

Примеры демонстрируют разные степени грамматизации: от посессивных, или объектно-предикативных, синтаксических конструкций до устойчивых сочетаний с грамматической направленностью и аналитических конструкций.

Образуя объектно-предикативную синтаксическую конструкцию, глагол *habban* управляет прямым дополнением с причастием-определением, выражающим вторичную предикацию (примеры 1 и 2); согласование причастия с дополнением и его место указывают на эти синтаксические связи; хотя возможно, что наличие или отсутствие согласования причастия с дополнением в это время уже не является надежным показателем: в IX в. прилагательные-определения утрачивали четкую дифференциацию форм согласования, а причастия в этом отношении их опережали (см. главу II и [16, с. 204]). Важным критерием грамматизации являются неразложимость конструкции и возможная десемантизация *habban* (примеры 5, 6, 7). Сочетания с десемантизированным *habban*, с измененным порядком слов и несогласованным причастием приближаются к аналитическим конструкциям (примеры 6, 7). Они целиком, как одна единица, связаны с другими членами предложения [16]. Так, в примере (1) обстоятельство *þā* относится к *hæfdon*, а в примерах (5) и (6) обстоятельства *þā* и *mid his hearpunga* относятся соответственно к *hæfdon* *gegān* и *hæfð gearnod* как к единому целому. В примерах (4) и (8) конструкция с *habban* выражает действие в ряду других прошедших действий; в то же время в примере (8) она при этом сохраняет и признак объектно-предикативной конструкции — порядок расположения компонентов (глагол *habban* плюс дополнение плюс причастие).

Лексический охват конструкции с *habban* довольно велик — она встречается со многими глаголами, но преимущественно с переходными (поскольку первоначально дополнение относилось к *habban*, а причастие имело пассивное значение). Это были глаголы предельного характера — от значения завершенности действия, присущего причастию, это значение перешло ко всей конструкции.

Редкие случаи употребления конструкции с непереходными глаголами свидетельствуют о полной десемантизации *habban*:

ƿā Moises hæfde gefaren ofer ƿā Rēādan sǣ, ƿā gegaderode hē eall Israhele folc. (Ælfric) Когда прошел Моисей через Красное море, тогда собрал он весь народ Израиля.

И все же сочетания с *habban* еще полностью не обособились от объектно-предикативной конструкции: формальная модель конструкции не была стабильной, что явствует из большого числа вариантов с различиями в порядке слов и согласовании причастия и из семантического варьирования: обозначения как действий, так и состояний. Очевидно, сочетание причастия II с *habban* находилось на пути превращения из устойчивого сочетания с грамматической направленностью в аналитическую конструкцию; вполне вероятно, что оно и достигло этой стадии в течение д.а. периода.

4.2. Причастие II с глаголами *bēon*, редко *weoƿan*, показанное в примерах 7–10, занимает несколько иное положение. Такие сочетания можно считать составными именными сказуемыми с причастием-предикативом [48, с. 142], которые обозначали признак или состояние, возникшие в результате совершенного действия, причем причастие не обязательно согласовывалось с подлежащим; ср. пример 7 и примеры 8–10. Однако уже в это время эти сочетания иногда обозначали не только состояние, но и действие; так, в примерах 8 и 9 сочетания с *bēon* стоят в одном ряду с перфектными конструкциями. Но в целом грамматизация этих сочетаний еще не достигла той ступени, на которой стояли конструкции с *habban*, они были лишь «устойчивыми сочетаниями с грамматической направленностью», еще не обособившимися от свободных сочетаний — глагола-связки с предикативом. Перфектные конструкции и сочетания с *bēon* находились в отношении дополнительной дистрибуции. Конструкции с *habban* почти никогда не образовывались от непереходных глаголов, тогда как сочетания с *bēon* употреблялись только с причастиями непереходных глаголов. Так создалась потенциальная возможность для их стягивания в единый ряд и для развития перфекта с двумя вспомогательными глаголами.

4.3. Что касается содержания перфектных конструкций, то в д.а. они были синонимами простой формы прош. времени — доминанты микрополя прошедшего. Они составляли периферийные конститuentы поля на грамматическом или лексико-грамматическом уровне.

Формы перфекта наст. и прош. времени — независимо от времени — имели значение завершенности, законченности действия. Сема «законченность» легко переосмысливается в сему «предшествование», которая была, очевидно, пока еще необязательной и дополнительной. Сплошь и рядом перфектная форма сопровождается лексическими уточнителями, указывающими на предшествование одного действия другому (см. *ǣg* в примере 8).

Надо отметить, что в микрополе прошедшего предшествование и законченность действия могли выражаться разными средствами. К лексическим средствам относятся многочисленные глаголы с приставками *ge-*, *tō-*, *on-*, *ā-* и др. (*gefaran* *уехать*; *āswellan* *убить*; *onfōn* *схватить*), например:

Wulfstan sǣde ƿæt hē gefōre of Hǣƿum... (Alfred) Вульфстан сказал, что он уехал из Хэта...

Однако глагольные префиксы не были универсальным грамматическим средством различения совершенного и несовершенного значений, поскольку они часто изменяли лексическое значение глагола, а иногда не меняли его видовое значение. Ср. следующие пары глаголов с самым лексически «опустошенным» префиксом *ge-*: *fēon* *ненавидеть* — *ge-fēon* *ликовать*; *feohtan* *бороться*, *атаковать* — *ge-feohtan* *захватить в результате борьбы*; *gān* *идти* — *ge-gān* *идти, захватить*; *liefan* *позволять* — *ge-liefan* *верить*.

В словарном составе д.а. языка было много слов с семой «предшествование»: предлоги и наречия *beforan*, *geƿurn*, *ǣg*, *tōforan* *до, ранее*; глаголы с компонентом *fore*: *forescgan* — *сказать раньше*; сложные существительные с элементом *ƿurn*: *ƿurn-gēar* *прежние годы*, *ƿurn-geflit* *былая вражда*, *ƿurn-dagas* *прежние дни*. Поэтому предшествующие действия обозначались как перфектной конструкцией, так и простой формой прошедшего в сопровождении наречий или придаточных времени, вводимых *ǣg* *ƿām* *ƿe*, *ǣg* *ƿon* *ƿe* *прежде чем, до того как*, или оборота *ǣg* *ƿissum* *перед этим*. Сравните пример 8 на с. 91, где *ǣg* сопровождает перфектную конструкцию, и следующий пример, где простая форма беспрефиксального глагола в сопровождении *ǣg* выражает законченность и предшествование:

ƿū ilcan gēare drehton ƿā hergas on Ēastenglum and on Norðhymbrum Westseaxna land swiðe be ƿām suðstæde med stælhergum, ealra swiðust mid ðām æscum ƿe hie fela gēara ǣg *timbredon*. (Chronicle 897) В тот же год опустошали те полчища восточных англвов и нортумбрийцев землю западных саксов, особенно с южного берега грабительскими армиями, более всего теми кораблями, которые они много лет ранее построили.

Показательно, что, несмотря на многообразные возможности обозначить законченность и предшествование, их выражение в д.а. не было регулярным. Иногда, не имея эксплицитного выражения, предшествование одного действия другому выражено простым прошедшим и выясняется только из ситуации, или же последовательность действий остается неясной. Ср.:

Ond ƿæs ofer Ēastron gefōr Æƿered cyning; ond hē *ricsode* V gēar; ond his līc līp æt Winburnan. (Chronicle 871) И после Пасхи умер король Этеред; и он царствовал пять лет; и тело его покоится в Уинборне.

Hē swæð ƿæt nān mann ne *būde* be norðan him. (Alfred) Он сказал, что ни один человек не живет (или: не бывал) севернее его.

Поскольку простая форма — с контекстуальными уточнителями и даже без них — могла выражать в се те значения, которые передавали аналитические перфектные конструкции, то они находились в отношениях полусвободного варьирования: претерит свободно заменял перфектную конструкцию, тогда как последняя могла заменить первую только в некоторых ее функциях.

4.4. Сочетания с причастием I — предшественники современных длительных форм — были менее разнообразны по формальным моделям: помимо глагола *bēon* в качестве первого компонента очень редко употреблялся *weorþan*:

- (1) ...ond ealle þā woruld on hiora āgen gewill *onwendende wāron* fol nēah c wintra. (Alfred) ...и весь мир по своему собственному желанию разрушали в течение пятидесяти лет.
- (3) Þā wurde hē āfre *wuniende* mid God Ælmihti on heuenrice. (Chronicle 875) Тогда стал бы он вечно жить с всемогущим господом в царстве небесном.

Статус этих сочетаний в д.а. языке оценивается по-разному: некоторые лингвисты считают их составными сказуемыми, обозначающими признак, другие считают их глагольной формой, способной выражать действие (ср.: [16, с. 181; 73; 66]). Употребление этих сочетаний, а иногда и их происхождение, объясняют влиянием латыни, так как они часто встречаются как кальки в переводах [73, с. 68]. Последнее мнение вряд ли справедливо, так как эти сочетания встречаются и в оригинальной прозе определенного жанра — в хрониках, в произведениях описательного характера. Лексически они ограничены, в основном, неопределенными глаголами, причем часто повторяются одни и те же глаголы — *wāron wuniende, wāron feohtende* как стереотипные описательные формулы.

Относительно низкая общая частотность, лексическая и жанровая ограниченность, отсутствие формальной обособленности от сходных именных сказуемых указывают на более низкую ступень грамматизации *bēon* с причастием I, чем у перфектных конструкций, хотя, как видно из приведенных примеров, они иногда полностью идиоматичны и могут обозначать действие; таким образом, с некоторыми оговорками можно считать, что и эти «устойчивые сочетания с грамматической направленностью» постепенно переходили в аналитические конструкции.

Оттенки значений длительных конструкций различны: в приведенных выше примерах они выражают действия большей или меньшей протяженности; в следующем предложении, типичном для географического описания, причастная конструкция обозначает постоянный признак:

Ond æfter þæm Eufrate þā ēa, sēo is mǣst eallra ferscra wætera, ond is *irrende* þurh middewearde Babylonia burg. (Alfred) И затем река Евфрат, у которой самая свежая вода и (которая) протекает посреди города Вавилона.

Во многих случаях конструкция с причастием I создает как бы «фон» для другого прошедшего действия, подобно современным формам Continuous:

Efne ða ða sē apostol ðas lāre *sprecende wæs*, ðā bæc sum widuwe hire suna līc tō bebyrgenne. (Ælfric) Как раз когда тот апостол говорил о том учении, тогда принесла одна вдова тело своего сына, чтобы похоронить.

Более того, у длительной конструкции были даже свои типичные контексты и случаи употребления — предложения с союзами *oð, oð þæt*

do tex por, пока, в которых выражались два последовательных действия в прошлом: длительное действие, продолжающееся вплоть до того момента, когда произошло второе действие:

Ond him Cirus wæs æfter *fylgende*, oð hē hiene onfeng and ofslōg. (Alfred) И Кир за ним следовал, пока его не захватил и не убил.

Ond hie ealle on þone cyning *wārun feohtende*, oð þæt hie hine ofslægene hæfdon. (Chronicle 755) И они боролись с тем королем, пока не убили его (имели его убитым).

Однако все значения длительной конструкции могла выражать и синтетическая форма прошедшего. Ср. простую форму глагола *wunian* в контексте, типичном для длительной конструкции:

...ond hē þær *wunade*, oð þæt hine ān swān ofstang... (Chronicle 755) ...и он там жил, до тех пор пока его один пастух не убил...

По мнению многих исследователей, при всем разнообразии значений основной функцией длительных конструкций в д.а. была повышенная экспрессивность, акцентирование действия, особо яркая дескриптивность, т.е., по сути дела, функция стилистическая [73, с. 78; 79, с. 29]. Эти наблюдения интересны тем, что они напоминают современную трактовку форм длительного вида некоторыми лингвистами, усматривающими в нем особую «живописующую» функцию [13, с. 191]:

Таким образом, в микрополе прош. времени между основной грамматической формой прош. времени и аналитическими конструкциями создались семантические отношения «включения» и полусвободного варьирования. Простая форма прошедшего могла передавать любое значение аналитических конструкций и частично грамматизованных сочетаний, тогда как последние были более ограничены по семантике: перфектные конструкции имели видовое значение завершенности и предшествования; конструкции с причастием I выражали длительность, незавершенность и, очевидно, тяготели к более экспрессивным, стилистическим средствам¹, у обеих конструкций были лексические ограничения, а у длительной — еще и жанровые.

Охарактеризовав это наиболее раннее известное нам состояние, рассмотрим отдельно дальнейшие процессы грамматизации и парадигматизации обеих аналитических конструкций и становление новых глагольных грамматических категорий.

§ 5. РАЗВИТИЕ ПЕРФЕКТА. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕННОЙ ОТНЕСЕННОСТИ

5.1. Высокая степень грамматизации и полная парадигматизация перфекта в современном языке не вызывает никаких сомнений: перфект —

¹Некоторые историки считают, что любые аналитические образования или глагольные сочетания были более выразительными средствами, чем простые формы, что и вызвало их появление (см., например, [75, с. 504]).

идеальная аналитическая форма, образующая в противопоставлении с неперфектными формами категорию временной отнесенности, или фазы [38, с. 308; 68, с. 102]. Однако у историков нет единого мнения по поводу времени образования аналитической формы перфекта и становления новой категории. Так, некоторые англисты полагают, что формы перфекта в современном понимании уже полностью сложились в д.а. [75, с. 499].

Г.Н. Воронцова датирует становление перфекта в его современном значении XI в. О.А. Смирницкая считает, что расцвет перфекта в английском языке относится к XII—XIII вв. [18, с. 61]. Г. Фриден, описавший употребление временных форм в английском языке от Чосера до Шекспира, не обнаружил различий между этими эпохами; употребление перфекта и претерита не установилось, и они строго не различались в течение всего этого периода [61, с. 3]. Ф.Т. Виссер относит формирование перфекта в его современном категориальном значении к еще более позднему времени — после эпохи Шекспира [84, с. 749]. В.Н. Ярцева полагает, что как структурно, так и семантически перфект окончательно формируется только в ранневоанглийском.

Различение грамматики и парадигматизации и сопоставление состояния варьирования на нескольких исторических срезах проливают свет на этот спорный вопрос.

5.2. Опишем сначала процесс грамматики перфекта и становление его структурной модели. Поскольку для с.а. вопрос о согласовании причастия с дополнением отпадает, то речь может идти о двух моментах: о выборе и десемантизации вспомогательного глагола и о порядке расположения дополнения и причастия.

К концу XIV в., по сравнению с д.а. периодом, перфектные конструкции далеко продвинулись по пути грамматики. Важным сдвигом было окончательное включение в модель перфекта вспомогательного глагола *ben*, которое помогло расширению лексического охвата — образованию перфекта от непереходных глаголов. Дополнительная дистрибуция постепенно сменяется свободным чередованием *ben* и *haven*, которое свидетельствовало об их полной десемантизации. В с.а. не только *have* стал чаще образовывать перфект от непереходных глаголов, но и *be* стал встречаться с переходными глаголами.

Neo *beoð* *hider iriden* ut of Romleoden.
We *habb* *hii-riden* al niht. (Brut)

Отмечены замены *ben* глаголом *haven* в более поздних рукописях одного и того же памятника и чередование вспомогательных глаголов с одним и тем же глаголом у Чосера: *is gan, hadde u-go; be wente, hath went* и т.п. Постепенно *be* ограничивается глаголами движения; при этом, как и их д.а. прототипы, эти конструкции могли обозначать состояние после завершения действия: не столько «пришел», сколько «находился там, придя».

To Rome *is come* that holy creature. (Ch. C.T., B 1149)

Спустя три века в языке Шекспира употребление *be* с глаголами движения еще является правилом¹, но *have* тоже возможно. Ср.:

Malcolm and Donald bain the King's two sons. *are stol'n away and fled.* (Sh. Mac., II, 4)

He *is wise,*

And, on my life, *hath stol'n* him home to bed. (Sh. R. and J., II, 1)

...on a moderate pace I *have since arrived* but hither. (Sh. Twelfth Night, II, 2)

Пример *have* с непереходным глаголом:

The second cock *hath crowed,*

The curfew bell *hath rung.* (Sh. R. and J., IV, 4)

Но, в общем, конструкции с *be* так и остались как бы на периферии перфекта; сначала они были тем средством, с помощью которого в перфект включились непереходные глаголы, но, выполнив эту задачу, стали вновь «уходить» из перфекта.

Разнообразие текстового материала в XVII—XVIII вв. дает возможность обнаружить некоторые различия в употреблении вспомогательных глаголов в разных стилях: *be* становится принадлежностью литературного письменного языка, более высоких стилей речи, тогда как в разговорном языке он ограничивается глаголами *come* и *go*. Именно через сужение сферы употребления в языковом пространстве *be* как вспомогательный глагол полностью выходит из системы перфекта. Для доказательства интересно сопоставить употребление глагольных форм в переводах одних и тех же предложений в Библии в разные века (Евангелие от Матфея, VIII):

	1. Soðlice ða se Hælend of ðam munte nuðer <i>āstāh</i>, ða fyligdon him mycle mænic. 5. Soðlice ða se Hælend <i>inēode</i> on Capharnaum, ða genēalæhte hym ān hundredes eoldor, hine biddende.
X в.	
XIV в.
(перевод
Виклифа)	1. Forsothe when Jhesus <i>hadde comen</i> doun fro the hil, many cumpanyes folewiden hym. 5. Sothely when he <i>hadde entride</i> in to Capharnaum, centurio neigde to hym, preyinge hym.
XVI в.
(перевод
Тиндала)	1. When Jesus <i>was come</i> downe from the mountayn moch people folowed him. 5. When Jesus <i>was entered</i> into Capernaum, there cam vnto him a certayne Centurion, besechyng him.

В приведенных предложениях видно, что в XIV в., в отличие от X, переводчик предпочел перфектную форму, чтобы обозначить завершен-

¹ По данным Б. Грнка, Шекспир употребляет *be* со следующими глаголами движения: *flee, retire, enter, meet, creep, go, ride, run, escape, set forth, turn, fall, walk, die, vanish, steal, cease, grow*, тогда как в более архаичном языке Спенсера *be* встречается и с глаголами *betide, befall, become, happen* [83, с. 25].

ное, предшествующее действие, и употребил вспомогательный глагол *haven*. В XVI в. в переводе Тиндала *have* заменен глаголом *be*, казалось бы, вопреки общей тенденции к его устранению в перфекте. Это произошло, по-видимому, потому, что перфект с глаголом *be* стал принадлежностью более высокого стиля и приобрел оттенок архаичности, торжественности.

Что касается расположения компонентов, то в языке Чосера еще встречаются варианты. Ср.:

Defaute of slep and hevynesse

Hath sleyn my spirit of quyknesse

That I have lost al lustyhede. (Ch. Book of the Duchess, 25–27)

King Alla, which that *hadde his mooder slayn*. (Ch. C.T., B 988)

Местоположение причастия может объясняться здесь не различиями в синтаксических связях, а требованиями ритма. И все же у Шекспира, несмотря на требования ритма, причастие обычно занимает то место, которое ему свойственно в современных формах перфекта; ср. следующие варианты порядка компонентов:

I am glad, I *have found* this *napkin*. (Sh. Oth., III, 3)

Thus *have* I, Wall, my *part discharged* so. (Sh. M.D., V, 1)

Все эти факты – десемантизация первого компонента, грамматический идиоматизм конструкции, изоляция от сходных образований, возросший лексический охват – доказывают, что к XIV в. аналитическая конструкция *have/be* с причастием II превратилась в подлинную аналитическую форму. Однако завершение грамматизации еще не говорит о парадигматизации перфектных форм.

5.3. Вхождение перфекта в парадигму и образование новой глагольной категории – временной отнесенности – произошло не ранее эпохи Шекспира. Для парадигматизации важны, по крайней мере, еще два признака: более широкий грамматический охват и, главное, приобретение своего специфического семантического инварианта, основного значения, которое стало бы его категориальным дифференциальным признаком. Грамматический охват формы расширяется в течение всего с.а. периода. Модель *have* + причастие II проникает во все участки развивающейся глагольной системы: зарегистрирован перфект в страдательном залоге, в длительном виде, в формах инфинитива, входящих в разные сочетания с модальными глаголами, в формах сослагательного наклонения.

Что касается семантики новой аналитической формы, то в с.а. она остается в основном такой же, как и в д.а.; сдвиги относительно невелики. В произведениях Чосера встречается много случаев свободного чередования настоящего и прошедшего времени перфекта как синонимов простой формы прошедшего со значением завершенности.

- (1) This Sowdan for his privee conseil *sente*,
And, shortly of this matiere for to pace,
He *hath* to hem *declared* his entente
And *seyde* hem ... (Ch. C.T., B 204–208)

- (2) And right anon she for hir conseil *sente*,
And they *been come* to knowe what she mente. (Ch. C.T., B 326–327)
- (3) He was war of me, how y *stood*
Before hym and *did* of myn hood,
And *had ygret* hym as I best koude. (Ch. B.D., 515–517)
- (4) A certain tresor that she thider ladde,
And, sooth to seyn, vitaille greet plentee
They *han* hire *yeven*, and clothes eek she *hadde*... (Ch. C.T., B 442–444)
- (5) And how he *fledde*, and how that he
Escaped was from al the pres,
And *took* his fader, Anchises,
And *bar* hym on hys bak away. (Ch. The House of Fame, 166–169)

Эти примеры показывают, что «законченность» по-прежнему детерминировала выбор перфекта более, чем время действия и что «предшествование» ситуации в прошлом или в настоящем присутствует далеко не всегда. Перфект настоящего времени, наряду с перфектом прошедшего и простым прошедшим, может употребляться и в тех случаях, когда имеется явная привязанность действия к прошлому (пример 2), когда действие входит в ряд других прошедших действий (примеры 1–3 и 5) и когда оно предшествует другому действию в прошлом (пример 4).

С другой стороны, значения, характерные для современного перфекта, часто передаются формой простого прошедшего – предшествование прошедшему, непривязанность к прошлому моменту, соотнесенность с ситуацией в настоящем.

...and Jhesu Crist, bisogthe
Foryeve his wikkid werkes that he *wroughte*. (Ch. C.T., B 993–994)

He tolde Alla how that this child *was founde*. (Ch. C.T., B 979)

So vertuous a lyvere in my lyf
Ne *saugh* I never as she, ne *herde* of mo,
Of wordly wommen, mayde, ne of wyf. (Ch. C.T., B 1024–1026)

Но одновременно у перфектных и неперфектных форм намечается размежевание значений. У Чосера мы находим случаи употребления, подобные современным: перфект настоящего времени обозначает действие, совершенное до настоящего момента и соотнесенное с ним – это новые варианты его значения:

“Now, goode syre,” quod I thoo,
“Ye *han wel told* me herebefore,
Hyt ys no nede to reherse it more”... (Ch. B.D., 1126–1128)

Перфект прошедшего времени выражает действие, предшествующее другому действию или ситуации в прошлом:

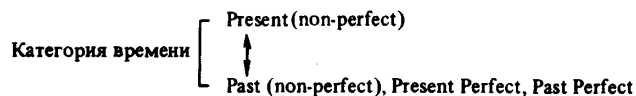
For he *was late ycome* from his viage,
And *wente* for to doon his pilgrymage (Ch. C.T., A 76–77)

Надо отметить, что многие д.а. средства обозначения завершенности и предшествования – конститuenty того же поля – к этому времени

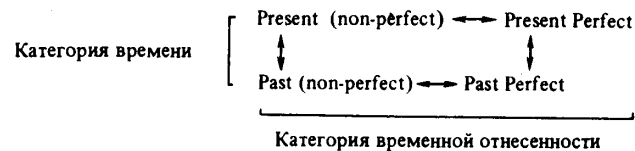
перестали существовать: вышли из употребления многие лексические единицы с этим значением и распалась д.а. система глагольной префиксации. Возможно, что их утрата повысила роль перфекта как более универсального и грамматизованного средства выражения законченности действия и способствовала его распространению. В литературе отмечается обилие перфектных форм в северных диалектах, где разрушение префиксации шло ускоренными темпами под влиянием смешения со скандинавскими говорами [18]. Это может свидетельствовать об определенной связи этих явлений — о возможной компенсации утрат одного уровня средствами другого, но связь эту нельзя преувеличивать. Известно, что одновременно — опять-таки, возможно, под скандинавским влиянием — в этих же диалектах, а затем и по всей Англии возникают новые составные глаголы, которые значительно точнее, чем перфектные формы, заменили префиксацию не столько как средство передачи видового значения, сколько как словообразовательное средство. Ср.:

д.а.		н.а.
ceorfan, āceorfan	—	cut, cut off
swapan, for-swapan	—	sweep, sweep away
ferian, of-ferian	—	carry, carry off

5.4. Можно заметить, что в с.а. перфектным формам, с одной стороны, было свойственно полусвободное варьирование с неперфектными формами, подобное д.а., с другой — у них появилось собственное, специфическое назначение — выражать предшествующее действие, соотношенное с последующей ситуацией и не прикрепленное к какой-либо временной точке в прошлом. По-видимому, в с.а. между рядами перфектных и неперфектных форм существовали два варианта отношений: одна оппозиция проходила по категории времени, причем в сфере прошедшего, как и раньше, было несколько синонимических форм — претерит, перфект прошедшего и настоящего времени — с разными дополнительными семами: законченность, предшествование, соотношенность с последующей ситуацией, действие в ряду последовательных прошлых действий, постоянный признак и т.д. В общем виде она имеет следующую структуру:

Новая категориальная оппозиция, представленная пока еще вариантами значений и сосуществующая с оппозицией по времени — это оппозиция по временной отнесенности. Вместе с категорией времени она имеет следующий вид:

В XIV в. эти два варианта глагольной системы сосуществуют, что и проявляется в семантическом варьировании форм, с преобладанием первого варианта. В XVI—XVII вв. в произведениях В. Шекспира и его современников употребление перфектных форм заметно изменилось. Из двух вариантов системы оппозиций господствует второй.

Списки значений, приписываемые перфекту настоящего времени в р.а. с глаголами разной семантики, в общем соответствуют современным. Перфект прошедшего времени — значительно более редкая форма у Шекспира — тоже может передавать свойственные ему сейчас значения. Примеры:

Sir, you *have shown* to-day your valient strength. (Sh. Lear, V, 3)
 Sir, all this service
Have I done since I went. (Sh. Temp., V, 1)
 The day *had broke* before we parted. (Sh. Oth., III, 1)

Особо обращает на себя внимание новый случай употребления — так называемый «инклюзивный перфект», когда при определенном лексическом наполнении погашается сема законченности и выявляется предшествование временному моменту, с включением этого момента в охватываемый действием период. У Чосера таких примеров еще почти нет, у Шекспира они обычны:

I have not seen him this two days. (Sh. Lear, I, 4)
I have served you ever since I was a child. (Sh. Lear, III, 7)

Наличие своего основного значения, или семантического инварианта, можно подтвердить и некоторыми количественными данными¹. Обозначение действий, законченных до настоящего момента и соотношенных с ним (чаще без указания времени), осуществляется с помощью перфекта настоящего времени в 87%, а с помощью претерита — всего в 13% случаев. Следовательно, в эпоху Шекспира семантическое размежевание совершилось, и новая глагольная категория — временной отнесенности — заняла свое место в глагольной системе.

И все же в семантическом варьировании видны следы предшествующего периода, когда формы перфекта и прошедшего были синонимами. В следующих отрывках простое прошедшее выражает значения, свойственные перфекту:

¹ Подсчет проведен на материале сонетов и трех драм Шекспира.

You *taught* me language; and my profit on't
Is, I know how to curse... (Sh. Temp., I, 2)
Never *was seen* so black a day as this. (Sh. R and J., IV, 5)

Свободное варьирование форм наблюдается и в тех редких случаях, когда перфект обозначает действие в прошлом, в ряду других действий, или когда настоящее и прошедшее время перфекта чередуются.

...they all *enter* the circle which Prospero *had made*, and there stand charmed.
(Sh. Temp., V, 1)

These three *have robb'd* me; and this demi-devil —
For he's a bastard one — *had plotted* with them
To take my life. (Sh. Temp., V, 1)

I *have been feasting* with mine enemy,
When on a sudden one *hath wounded* me. (Sh. R. and J., II, 3)

Большая — по сравнению с современным — свобода варьирования перфектных и неперфектных форм во времена Шекспира и даже их некоторая взаимозаменяемость отражает характерные черты формирующегося литературного языка того времени и специфику языковой ситуации. Общеизвестно, что литературный язык эпохи Шекспира отличался широким диапазоном варьирования на всех лингвистических уровнях, включая грамматический [50, с. 131; 55, с. 251].

Таким образом, можно считать, что аналитическая форма перфекта сложилась к XIV в., т.е. завершилась ее грамматизация, а что новая глагольная категория, которая возникла в процессе парадигматизации перфекта, сформировалась во времена Шекспира. Нормы употребления этих форм стали более строгими в XVII—XVIII вв. — в эпоху кодификации и регламентации, когда улучшение и исправление языка стало заботой многих филологов и грамматистов. Небезынтересно сравнить описания временных форм в нескольких грамматиках того времени. Вильям Лили в 1567 г. дает следующую характеристику временам английского глагола:

There be five tenses or Times: the Present tense, the Preterimperfect tense, the Preterperfect tense, the Preterpluperfect tense and the Future tense... The Preterimperfect speakes of the time not perfectly past... The Preterperfect tense speaketh of the time perfectly past, with this sign Have... The Preterpluperfect tense speaketh of the time more than perfectly past with this sign Had, the Future tense speaketh of the time to come, with the sign shall or will.

Ни Бен Джонсон (1640), ни Р. Лоут (1775) не формулируют особых правил употребления перфекта. В грамматике Л. Меррея, изданной впервые в 1795 г. и выдержавшей много изданий в XIX в., рекомендуется обращать внимание на употребление слов и фраз, т.е. составных форм, которые соотносятся во времени:

In the use of words and phrases, which, in point of time, relate to each other, a due regard to that relation should be observed. Instead of saying "The Lord

hath given, and the Lord hath taken away," — we should say "The Lord gave and the Lord hath taken away." Instead of "I know the family more than twenty years" it should be "I have known the family more than twenty years".

Так кодификация норм упорядочивала и направляла употребление перфектных и неперфектных форм и ограничивала их варьирование.

§ 6. РАЗВИТИЕ ДЛИТЕЛЬНЫХ ФОРМ. КАТЕГОРИЯ ВИДА

6.1. Английские длительные формы — как явление уникальное в грамматическом строе германских языков¹ — давно привлекают к себе внимание англистов и германистов (см. обширную библиографию в работе И. Шеффера [79]). В современном английском языке изучалось содержание длительных форм, их функции и назначение в языке, их стилистические потенции. Не менее интересна и история длительных форм; их происхождение и источники их значения дали богатую пищу для различных гипотез.

Оформление и содержание длительных конструкций в д.а. языке было описано выше (4.2. и 4.4). Ввиду того что число примеров, найденных в раннесреднеанглийских текстах, очень невелико — значительно меньше, чем в д.а., — сложилось мнение, что развитие причастной конструкции приостановилось или даже полностью прекратилось. Такой взгляд хорошо согласуется с идеей о чужеродности этой конструкции и ее заимствованном характере. В качестве иноязычных источников предполагались: латинские обороты с причастием, калькированные в д.а. переводах (Ф. Моссе; Т.Ф. Мустанойя), влияние французских синтаксических конструкций в с.а. (Э. Айненкель) и кельтское влияние на северный и шотландский диалекты (И. Даль). Все эти предположения весьма сомнительны. Заимствованный характер конструкции опровергается тем, что как в д.а., так и в с.а. она встречается не только в переводах, но и в оригинальных произведениях (например, в Англосаксонских хрониках); что касается кельтского влияния, то трудно поверить, чтобы оно сказалось в такой узкой, специфической области при полном отсутствии какого бы то ни было влияния в других, более восприимчивых частях языка. (Эта теория зиждется на наличии примеров длительной конструкции в шотландском и северном с.а. диалектах, что можно более убедительно объяснить спецификой языковой ситуации.)

По сведениям многих исследований, особенно Ф. Моссе, а также Т. Мустанойи, Г. Никеля, И. Шеффера, сочетания *bēon* с причастием I были достаточно частым явлением в д.а. и никогда полностью не выходили из употребления в с.а. Ранний с.а. пример обнаружен в хронике Питерборо:

¹ Ни в одном другом германском языке они не получили такого значительного развития, хотя некоторые однотипные конструкции имеются в нидерландском языке.

Summe æfen was gesæwen swilce sē bēam ongean-weardes wiþ þes steorran ward fyrcliende wære. (Chronicle 1106) Однажды вечером казалось, как будто лучи сверкали в обратном направлении от этой звезды.

Конструкция с причастием I найдена в с.а. текстах отдельных районов: Вурстшира, Кента и более всего в северной части Англии, но не встречается в южных и восточно-центральных диалектах, которые в XIII–XIV вв. составили основу лондонского литературного языка. Только к концу XIV в. она вновь проникает в центральные области – Оксфорд, Нортгемптоншир; у Чосера она редка¹, и лишь в XV–XVI вв. она получает распространение во всех диалектных ареалах. На этом этапе многие историки связывают ее возрождение с внутренними условиями: влиянием с.а. герундиального оборота с предлогом *on* (позже предлог фонетически ослабляется в *a*); влияние это усугублялось тем, что суффиксы причастия и отглагольного существительного (или герундия) в с.а. совпали в едином *-ing*, и таким образом эти формы сблизились: ср.

Whil this yeman was thus in his talking. (Ch. C.T., G 684)

Ослабление предлога видно в следующих примерах конца XV в.:

she wyst not... whether she was a wakyng or a slepe. (Caxton)
a Knyght that had been on huntynge. (Malory)

Дискуссия по поводу роли именного оборота в развитии длительного вида в английском языке, завязавшаяся еще в начале века между Г. Суитом, с одной стороны, и О. Есперсеном и Х. Поутсма – с другой, продолжается до сих пор. Одни лингвисты прямо возводят длительную форму к д.а. конструкции, другие, памятуя ее упадок в раннесреднеанглийском, считают единственным источником современной длительной формы с.а. субстантивный или герундиальный оборот с предлогом [68, с. 44]. Компромиссом между ними было мнение, что сохранившаяся д.а. конструкция только изменила свое значение под влиянием герундиального оборота [66, с. 169].

Теория, возводящая длительные формы к д.а. предложным оборотам с отглагольным существительным, якобы свойственным разговорной речи, страдает тем существенным недостатком, что формы разговорной речи нам неизвестны и что в д.а. текстах подобные предложные обороты вообще не зарегистрированы [75, с. 589]². Ф. Моссе, подсчитав относительную частотность сочетания *be* с причастием и герундиального оборота в разные периоды, установил, что даже в эпоху своего расцвета (между 1500 и 1700 гг.) частотность герундиального оборота составляла

¹ Б. Трнка приводит следующие цифры: 4 примера на 200 страниц «Видения Петра Пахаря», около 30 в «Кентерберийских рассказах» и «Троилусе и Крессиде», более 30 в Библии Уиклифа; у Кэкстона и у Шекспира они, в основном, ограничены глаголами движения [83, с. 37].

² Впрочем, один пример такого рода приводит Ф. Виссер: *Stēsaþ burg... on swacunge was.* (Alfred) [84, с. 1883].

не более 10% частотности причастной длительной формы [73, с. 127–128]; поэтому трудно предположить, чтобы она могла сильно повлиять на семантику длительной конструкции. Тем не менее, несомненно, что обе конструкции – причастная и субстантивная – в конце концов слились, что могло укрепить положение длительных форм в языке. Следы их контаминации обнаруживаются вплоть до XVII–XVIII вв.; см., например, следующие случаи, где, судя по позиции, форма на *-ing* – причастие, но, подобно существительному, принимает предложное дополнение с *of*:
Why, I was writting *of* my epitaph... (Sh. Timon, V, 1, 188)
Home, and there find my wife *making of* tee. (Pepys' Diary, конец XVII в.)

Возможно, что развитие длительной конструкции в позднесреднеанглийском связано не непосредственно с предложным оборотом, а со всем формированием новой системы *ing*-овых форм – герундия и причастия I [18, с. 90].

Такова краткая история длительной формы, суммирующая ее описание в литературе. Если подойти к ее истории с точки зрения двух различаемых нами процессов – грамматизации и парадигматизации – и обратить внимание на ее место не только в глагольной системе, но и в языковом пространстве, то некоторые стороны ее развития получают новое освещение.

6.2. Грамматизация устойчивого сочетания *bēon* с причастием I началась еще в д.а. и продолжалась непрерывно, несмотря на временные, но довольно значительные замедления и функционально-стилевые ограничения.

Идиоматичность и семантическая неразложимость конструкции подтверждается как д.а., так и с.а. примерами. Стабильность модели возрастает с утратой глагола *weorðan*, с универсализацией суффикса *-ing*, но затем вновь временно ослабляется из-за параллельного употребления двух моделей во время смешения с синонимичной конструкцией *be a-hunting*. Формальная вариантность прекращается только в XVIII в., когда последняя конструкция выходит из употребления.

Нужно отметить, что изоляция длительной конструкции от сходных образований никогда не была такой полной, какой, например, она стала для формы перфекта. Во все исторические периоды, наряду с длительной конструкцией, употреблялись причастия глагольного характера с разными, более или менее десемантизированными глаголами-связками. Подобно д.а. оборотам с *cuman*, в последующие века встречаются сочетания причастия I с глаголами положения в пространстве и с частично десемантизированными глаголами движения. Ср. примеры X и XVI вв.:

Ʀā com sē hælend tō hym ofer sǣ gangende. (OE Gospels) Тогда пришел к ним спаситель, идя по морю.

I came stepping in with a terrible looke swearing as if I meant to have challenged the earth. (Greene. XVI в.)

В с.а. длительная конструкция близка к конструкции с вводящим *there*. Ср.:

A millere was ther dwellynge many a day. (Ch. C.T., A 3925)

A millere was dwelling...¹

Из других признаков грамматизации и парадигматизации очевиден рост грамматического охвата. Несмотря на низкую частотность, уже в с.а. появляются перфектные длительные конструкции. К известному примеру перфектной формы у Чосера: *We han ben waitynge al this four-tenyght* (Ch. C.T., A 929) – можно добавить формы прошедшего перфекта и формы будущего в тексте северного диалекта начала XIV в.:

...he thre deis had fastand bene
O mete and drinc...
þas ober seven nede nett
Bitakens seven yer of hunger gret
þat alper nest sol bo folwand. (Cursor Mundi)

Позднее всего появляются длительные формы в страдательном залоге; их возникновение тоже связывают с герундиальным оборотом. В грамматическом разделе своего словаря С. Джонсон (1755) приписывает пассивное значение активным формам: *The grammar is now printing*, *the brass is forging*, считая их продолжением предложных оборотов с ослаблением *at*, которые к этому времени устарели: *The book is a printing*, *the brass is a forging*.

Вместо таких пассивных по значению, но активных по форме оборотов, как новый вариант, появляется пассив, построенный по действующей модели, но вызвавший большие нарекания современников: “*a vitious expression*” называет ее С. Джонсон. Первый пример обнаружен в письмах XVIII в.:

A fellow whose uppermost upper grinder *is being torn out* by the roots by a mutton fistid barber. (Southey, XVII–XVIII вв.)

Активная конструкция с пассивным значением продолжает употребляться и в XIX в. и имеет своих защитников. Следующая забавная заметка в газете 1883 г. свидетельствует о том, что спор продолжался до конца XIX в.:

Old Gentleman. Are there any houses *building* in your village?
Young Lady. No Sir, there *is* a new house *being built* for Mr. Smith, but it is the carpenters who *are building*.
G. True, I sit corrected. *To be building* is certainly a different thing from *to be being built*. And how long *has* Mr. Smith's house *been being built*?
L. (looks puzzled for a moment and then answers rather abruptly) Nearly a year.
G. How much longer do you think it *will be being built*?
L. (explosively) Don't know.

¹ В современном языке все эти конструкции также очень близки: *he came running*; *there was a lamp burning*; *a lamp was burning*.

G. I should think Mr. Smith would be annoyed *by its being so long being built*, for the house he now occupies being old, he must leave it, and the new one *being only being built*, instead of *being built* as he expected. He cannot... (Here the gentleman perceived that the lady had disappeared.)

И все же, несмотря на резкие протесты «знатоков», новая форма пассива одерживает верх над своим устаревающим, так и не получившим широкого распространения синонимом – активной формой в пассивном значении.

Что касается лексического охвата, то он тоже с течением времени расширялся, но здесь ограничения были всегда достаточно ощутимы: только неопределенные глаголы в д.а., преимущественно неопределенные в с.а., преимущественно неопределенные и глаголы действия – в настоящее время [68, с. 115].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что степень грамматизации длительной конструкции остается несколько более низкой, чем степень грамматизации перфектных форм, как в X–XVIII вв., так и в современном английском языке. И только с этими оговорками ее можно считать аналитической формой.

6.3. П а р а д и г м а т и з а ц и ю длительной конструкции датируют концом XVIII – началом XIX вв. [47, с. 139], что вполне справедливо, поскольку только к этому времени у нее сложилось свое, специфическое значение, и ее употребление в этом значении стало более или менее регулярным – с разными глаголами и в разных жанрах. Известно также, что эта наиболее поздняя по времени образования категориальная форма до сих пор остается наименее стабильной: в течение XIX в., а в особенности в XX в., продолжает расти частотность длительных форм, расширяется их лексический охват, меняются сферы их употребления и удельный вес отдельных значений [84; 79; 68].

В процессе парадигматизации длительных форм – более чем каких-либо других – проявляется взаимодействие грамматического и стилистического уровней языка.

Как отмечалось выше, любое новое явление в языке – новое произношение, грамматическая форма или конструкция – возникает сначала в какой-то части языкового пространства: на ограниченной территории местного диалекта, в определенных социальных группах, в разных литературных жанрах и стилях, в индивидуальном языке автора, в отдельных ситуациях общения. Чтобы стать изменением в системе языка, оно должно преодолеть эти ограничения и получить распространение во всем или почти во всем языковом пространстве. Попадая в новые функциональные типы, форма может иметь какие-нибудь стилистические коннотации, а может их постепенно утрачивать, обретая свойственную большинству грамматических форм нейтральность.

Диффузия всякой новой черты языка – медленный и неравномерный процесс; в нем могут быть периоды относительно быстрого движе-

ния, периоды задержек и поворотов и периоды временных или окончательных спадов¹.

Временное сокращение употребления длительных форм в с.а. не есть какое-то совершенно исключительное явление. Низкая частотность и территориальная ограниченность — всего лишь отражение специфики с.а. языковой ситуации, сказавшейся особенно сильно на развитии этой относительно редкой конструкции. Напомним, что еще в д.а. длительная конструкция имела ограничения не только лексического, но и жанрового характера: она была свойственна прозаическим повествованиям и, может быть, даже была «приметой ученого стиля» [18, с. 79]; в с.а. она подверглась новому виду ограничения: географическому. Необычная языковая ситуация — значительная диалектная разобщенность, отсутствие общего письменного языка, разрыв преемственности с д.а. прозой — нашла свое отражение именно в этой конструкции потому, что она еще не занимала столь прочного положения в языке, как, например, перфектная. В позднесреднеанглийском длительные конструкции вновь расширяют свои географические границы. На этом этапе у них возникают новые функциональные ограничения, хотя и совсем иного характера: отмечается их предпочтительное употребление в текстах, близких к обыденной устной речи [47, с. 138]. Сохранение стилистической и диалектной ограниченности, затянувшееся до XVIII в., — одна из причин того, что завершение парадигматизации должно быть отнесено к этому позднему времени.

6.4. Развитие семантического инварианта длительной конструкции также связано со стилистическими аспектами.

Стилистические признаки длительной формы не ограничивались тем, что в разные периоды истории она обнаруживала определенную закрепленность за какими-то речевыми или литературными стилями и что, попадая в другую разновидность языка, она, возможно, приобретала определенные стилистические коннотации. Как известно, к стилистическим признакам относятся, кроме того, и стилистические значения и потенции формы, которые могут существовать наряду с грамматическими значениями и сопутствовать им: повышенная выразительность, эмоциональность, потенции формы как стилистического средства. Занимаясь семантикой и функционированием длительных конструкций, многие лингвисты упоминали такие значения, или оттенки значений, которые можно отнести к стилистическим.

В следующем списке функций «перифрастической» формы, который составил Ф. Моссе для д.а., четыре — первая, четвертая, десятая и одиннадцатая — имеют явно стилистический характер: 1) актуализация (расшифровывается как способность подчеркивать действие как происходя-

щее в определенный момент); 2) неопределенная длительность; 3) постоянность (действие как постоянный, характерный признак); 4) дескриптивность; 5) ограниченная длительность; 6) повторяющееся действие; 7) одновременность; 8) «ингрессивность» (обозначение начала действия); 9) нереальность; 10) эмоциональность; 11) стилистический прием. Не случайно Ф. Моссе приходит к выводу, что употребление «перифрастической» формы не обусловлено грамматически: она свободно варьируется с простой формой, и выбор ее субъективен [73, с. 105].

Описания семантики длительной формы в последующие периоды похожи на список функций Ф. Моссе. Т. Мустанойа, занимаясь глагольными формами с.а. периода, специально подчеркивает, что, хотя длительная форма в с.а. и выражала незавершенность, в большинстве, а может быть, и во всех случаях, она употреблялась прежде всего из-за стремления наиболее наглядно и экспрессивно представить действие — *in a graphic and forceful way* [75, с. 594]; от этой основной функции и возникает обозначение действия как происходящего в определенный момент, обозначение постоянных и повторяющихся действий (часто с усилительными наречиями *ay, ever, always*). Т.Ф. Мустанойа приводит интересный пример, показывающий взаимоотношения простой и длительной формы: *...they fonde three of the kyng of Frysyes servantes, to whom they asked to whom belongeth that paleys... The sayd thre men ansuerd them wyth grete fere that the paleyce and the ysl was belongyng unto the Kyng of Fryse*. Длительную форму *was belongyng* он считает эмфатической, примерно эквивалентной более позднему *did belong*.

В следующих случаях длительной конструкции тоже можно приписать эмфатическую, экспрессивную функцию, которая исчезает при замене длительной формы простой:

Syngynge he was or floytynge, al the day. (Ch. C.T., A 90–91)

That al this ground on which we been ridyng,

Til that we come to Caunterbury toun. (Ch. C.T., G 623–624)

При этом действие, обозначаемое длительной конструкцией, может иметь более или менее постоянный характер. Ср.:

...the flod is into the grete see rennende. (Gower)

A millere was ther dwellynge many a day. (Ch. C.T., A 3925)

В с.а. отношения полусвободного варьирования с простой, недлительной формой сохраняются. Ср. простую форму в позиции, возможной для длительной:

She seyde, "Allas! youre hors goth to the fen

With wilde mares, as faste as he may go. (Ch. C.T., A 4080–81)

Б. Трнка, рассматривая функционирование глагольных форм в ранневоанглийском, опять-таки основной функцией длительной конструкции считает «актуализующую» функцию, которая означает, что длительная форма выражает процессность, конкретность, длительность и

¹ Даже в поступательном развитии перфекта были замечены задержки и «повороты»: в XVIII–XIX вв. перфектные формы интенсивно расширяли свой грамматический охват и распространились не только на личные, но и на неличные формы глагола. В XX в. употребление неличных форм в перфекте заметно сократилось, а их значения вновь перешли к неперфектным формам как синтагматические варианты.

представляет действие с особой экспрессией и эмфатичностью (незавершенность действия, согласно Б. Трнка, это всего лишь вторичная функция формы [83, с. 38]). Характерно, что основное значение «процессности», которое приписывается длительному виду в современном языке как ее парадигматический дифференциальный признак, интерпретируется многими лингвистами скорее в стилистическом, нежели в грамматическом плане: действие представляется с особой эмфазой, как актуальное, помещаемое в центр внимания, специально акцентируемое [79, с. 29]. К. Бруннер подчеркивает, что на протяжении всей истории длительная форма имела усилительный характер [10, с. 344]¹.

Обратившись к употреблению длительной формы в XVI–XVIII вв., мы снова находим такие случаи полусвободного варьирования, когда выбор длительной формы не вызван грамматической необходимостью, а имеет субъективное или стилистическое основание. Ср. известные (относительно малочисленные) примеры длительной формы в произведениях Шекспира и примеры простой недлительной формы в значении длительной:

The Earl of Westmoreland, seven thousand strong,
Is marching hitherwards. (Sh. Henry VIII, p. 1, IV, 2)
 What, my dear lady Disdain! *Are you yet living?* (Sh. Much Ado, I, 1)
I am thinking what I shall say I have provided for him. (Sh. Timon, V, 1)
 Polonius: *What do you read*, my lord?
 Hamlet: Words, words, words.
 Pol.: *What is the matter*, my lord?
 Ham.: *Between who?*
 Pol.: *I mean the matter that you read*, my lord. (Sh. Hamlet, II, 2)

В конце XVIII в. четко различается значение длительной формы у предельных глаголов, где подчеркивается незаконченность действия, и у непередельных (дуративных) глаголов, где форма может легко заменяться простой, но, вероятно, выполняет экспрессивную функцию. Ср. следующие примеры из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна:

I was going one evening to Martini's concert at Milan, and *was just entering* the door of the hall, when the Marquisina de F. *was coming out*, in a sort of a hurry.
 ...and who, *having eyes to see* what time and chance *are perpetually holding out* to him as he journeyeth on his way...

Так, в формирующейся категории вида складываются весьма своеобразные отношения, когда различна не только семантическая емкость противочленов, но когда отношения грамматической синонимии полностью не устранены. Категория базируется на оппозициях.

¹Из историков против такой трактовки возражает только Ф. Виссер, который предлагает считать основным значением длительных форм во все периоды фокусировку на фазе действия после его начала — “to-focalise the listener's attention on the post-inceptive phase” [84, с. 1922], но, в сущности, и это значение в известном смысле эмфатическое и стилистическое.

длительная форма

недлительная форма

ограниченная длительность	—	неограниченная/ограниченная длительность
незаконченность	—	законченность/незаконченность
процессность	—	непроцессность/процессность
одновременность	—	последовательность/одновременность
эмфатичность	—	эмфатичность/нейтральность

Длительная форма имеет более узкие специализированные значения, тогда как недлительная имеет более емкое и менее определенное содержание и может передавать значения длительной формы.

Видимо, объединение длительных форм в один категориальный ряд зиждется не столько на его противопоставлении недлительным формам, сколько на их собственном семантическом и формальном сходстве. Как известно, в современном английском языке длительные и недлительные формы часто взаимозаменяемы, и выбор длительной формы может диктоваться стилистическими заданиями, поскольку она имеет «усилительно-эмоциональные» потенции [14; 65]:

He *spoke* indistinctly, for he *was holding* a folded copy of the morning paper between his teeth. (E. Waugh)
 (Можно заменить на he was speaking, he held.)

Так, взаимодействие стилистического и грамматического уровней в истории этих форм проявилось в двух отношениях: как медленное, с отступлениями, преодоление лексических, стилистических и диалектных барьеров и как сохранение стилистических потенций и значений в процессе парадигматизации. С этими ограничениями длительная форма вошла в систему как член глагольной парадигмы.

§ 7. РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ И СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

7.1. В течение письменной истории глагольная система английского языка расширилась не только за счет создания новых грамматических категорий; внутри существовавших категорий времени и склонения возникли новые категориальные члены, которые обеспечили более универсальное, дифференцированное, грамматически формализованное обозначение будущих, потенциальных и нереальных действий. Развитие аналитических форм будущего времени и сослагательного наклонения было предметом многих исследований. В отличие от предшествующих работ, занимавшихся ими раздельно, мы опишем их развитие вместе, с тем чтобы показать общие черты и различия в их грамматизации и парадигматизации, их связи и взаимодействие, поскольку они входят в близкие сферы значения и имеют единые источники: сочетания д.а. модальных глаголов *willan* и *sculan* (*will* и *shall*) с инфинитивом. Специфика их

развития состоит в том, что изменения внутренних отношений между компонентами не имели сколько-нибудь заметных внешних проявлений: внешний облик конструкций остался почти таким же, как был и каким он сохранился у соответствующих сочетаний модальных глаголов с инфинитивом, которые употребляются и по сей день. Своеобразным было и их семантическое развитие: оно заключалось не столько в приобретении новых значений, сколько в частичной утрате старых.

7.2. Начнем с характеристики тех сфер значения в д.а., куда входят рассматриваемые сочетания.

В отсутствие специальных грамматических средств со значением футуральности в д.а. будущие действия передавались формами настоящего времени (особенно глаголов, обозначающих законченные действия, а потому чаще — приставочных), а также сочетаниями глаголов модальных значений намерения, возможности, долженствования (д.а. *sculan*, *willan*, *mōtan* и др.) с инфинитивом.

Ис *secge þē, þū eart Petrus, and ofer þisne stān ic getimbrige mīne cyrcan.* (Ælfric) Я говорю тебе, ты Петр, и над этим камнем я построю мою церковь.
fter þrīm dagam ic arīse. (OE Gospels) Через три дня я поднимусь.

Интересно, что мнения историков о способности этих сочетаний выражать «чистое» будущее в д.а. резко расходятся: так, например, Э. Вольфинг расценивает употребление модальных сочетаний при переводе латинского будущего как доказательство их чисто футурального значения [86], тогда как Ф. Блекберн [56, с. 24] считает такое употребление намеренной вольностью переводчика, который хотел изменить смысл текста, добавив модальные значения; в качестве единственного д.а. примера чистого будущего Ф. Блекберн приводит сочетание *willan* с неодушевленным субъектом, несовместимое с модальным значением желания: *hit will hearmlan fīnum cynerice.* (Ælfric) [56, с. 251] *это повредит твоему королевству.*

Обычно в сочетании с инфинитивом *sculan* и *willan* выражают свойственные им модальные значения и могут относить действие к будущему при определенном лексическом наполнении инфинитива, с временными указателями или в соответствующей ситуации, например:

Hwæt sceal ic singan? (Bede) Что я должен спеть? (вопрос относится к будущему)
...gif gē willað mīnum bebodum gehyrsumnian. (Ælfric) ...если вы захотите моему приказу повиноваться.
Þā sǣdon hī þæt ðæs hearperes wif sceolde ācwelan, ond hire sawle mon sceolde lædan tō helle. (Alfred) Тогда сказали они, что жена того

арфиста должна (будет) умереть и ее душу поведут в ад. (будущее с точки зрения прошедшего)¹

Примерно такую же картину мы находим при употреблении *sculan* и *willan* в формах сослагательного наклонения. Ср.:

...swā þæt hē mehte ægþerne geræcan, gif hīe ænigne feld sēcan wolden. (Chronicle 894) ...так, чтобы он мог (мог бы) каждого (войска) достичь, если бы они захотели выйти (вышли) на поле.

Форма синтетического сослагательного в таком же условном предложении:

Gif hwā gonge bilwitlice mid his frīend tō wuda trēow tō ceorfanne... (Alfred)
Если кто пошел бы просто с другом в лес рубить деревья...

Лишь в отдельных, очень редких случаях можно предполагать, что глаголы *sculan* и *willan* десемантизировались и выражают «чистое» будущее или нереальность.

...ær þon hīe gecuron Ercol þone ent þæt hē hīe sceolde mid eallum Crēca cræftum beswīcan. (Alfred) ...прежде чем они избрали Геркулеса, того гиганта, чтобы он их (амазонок) со всей силой греков одолел.
(Пример с *willan* см. с. 112.)

Важным, хотя и косвенным, доказательством того, что модальные сочетания в д.а. не были регулярным средством обозначения будущих действий, является высокий удельный вес форм настоящего времени в значении будущего: подсчитано, что в Веспасианском псалтыре и гимнах во всех случаях обозначения будущего действия используется форма настоящего времени; в переводе «Обязанностей пастыря» короля Альфреда из 106 случаев только 15 составляют данные сочетания [56, с. 21]. Что касается выражения нереальных действий, то, помимо высокой частотности синтетических форм, само состояние сослагательного наклонения в д.а. указывает на то, что в языке не было потребности в дополнительных средствах. Сослагательное наклонение имело полную парадигму в двух временах и было четко маркировано формально. Подсчитав реальную дифференциацию форм наклонения по методу, использованному при анализе именных парадигм, получаем коэффициенты четкой дифферен-

¹Ср. со следующими случаями, где эти модальные сочетания не выражают будущего:

And þæt is mid Estum þēaw þæt þær sceal ælces geðodes mann bēon forbærned. (Alfred)
И это у эстов есть обычай, что там человек каждого народа должен быть сожжен.
Þā hīe gefengen micle herehyð, ond þā woldon ferian norðweardes ofer Temese inn on Eastseaxe ongēan þā scipu. (Chronicle 894) Тогда они захватили много добычи и тогда захотели идти на север через Темзу к восточным саксам против тех кораблей.

циации форм от 0,75 до 0,83 соответственно для слабых и сильных глаголов¹.

Следовательно, в стереотипных устойчивых сочетаниях с инфинитивом *sculan* и *willan* были модальными глаголами. Для микрополей будущего и нереальности — в отличие от микрополя прошедшего — в д.а. еще не наступил первый этап изменения — варьирование грамматических и лексико-грамматических синонимов.

7.3. Дальнейший процесс преобразования модальных сочетаний в аналитические конструкции можно показать посредством последовательного применения некоторых критериев г р а м м а т и з а ц и и.

Приобретение грамматического идиоматизма в принципе должно подтверждаться десемантизацией первых компонентов: утрачивая свое лексическое значение, они превращаются в чисто формальные показатели грамматических форм. Между тем бесспорных случаев полной десемантизации очень мало не только в д.а., но и в более поздние периоды.

Безусловный пример десемантизированного *shall* и модального, даже смыслового, *will* содержит известное вступление к поэме «Ормулум» (XIII в.):

Annd whase *willen shall* þiss boc
efft ofersiþe written,
Himm bidde icc þatt het write right
swasumm þiss boc himm teecheþþ. (Ormulum)

И кто пожелает эту книгу переписать, его прошу я, чтобы он писал правильно, как эта книга его учит.

В текстах XIV в. встречаются предложения с глаголом *shall*, в которых значение должностования, необходимости несовместимо со значением инфинитива или других компонентов высказывания или плохо с ними сочетается; см. *plesen, nede* в следующих примерах:

...trusteth me,

Ye *shal* nat *plesen* hire fully yeres thre, —
This is to seyn. to doon hire ful *plesaunce*. (Ch. C.T., E 1561–63)
For thogh his wyf be cristned never so white,
She *shal* *have nede* to wasshe away the rede. (Ch. C.T., B 355–356)

Точно так же и значение *willan* *желать* может быть несовместимо со смыслом предложения:

But natheless she ferde as she wolde deye. (Ch. C.T., A 3606)

Если нет полной несовместимости, то могут создаваться такие контекстные условия, которые допускают принципиальную возможность десемантизации:

¹ Некоторые исследователи (Е.А. Зверева, А.М. Мухин) тем не менее считают, что аналитические формы сослагательного наклонения уже полностью сложились в д.а. и имели несколько типичных позиций употребления.

For this ye knowen al as so wel as I,
Whose *shal telle* a tale after a man,
He moot reherce as ny as evere he kan. (Ch. C.T., A 731–733)
Tomorwe at night, whan men *ben alle aslepe*,
Into oure knedyng-tubbes *wol we crepe*. (Ch. C.T., A 3593–3594)

В последнем предложении *will* с инфинитивом употребляется в значении будущего вместе с формой настоящего, но этот параллелизм не может быть критерием десемантизации; напротив, возможно, что они помещены рядом, чтобы выразить разные значения. Ср. аналогичный пример с *shall*:

“...I moot go thider as I have to go.”
“Nay, olde cherl, by God, thou *shalt nat* so...
Thou *partest nat* so lightly, by Seint John!” (Ch. C.T., C 749–752)

Сравните примеры сочетаний в функции бесспорного сослагательного наклонения, где модальное значение можно считать ослабленным, хотя это и не доказуемо.

Now *wolde* som men *waiten*, as I gesse,
That I *sholde tellen* as the purveiance (Ch. C.T., B 246–247)
Though I right now *sholde make* my testament,
I ne owe hem nat a word that it nys quit. (Ch. C.T., D 424–425)

Синтетическая форма сослагательного наклонения *were* в такой же позиции:

Thou shalt nat bother thogh that thou *were* wood,
Be maister of my body and of my good. (Ch. C.T., D 313–314)

Из приведенных примеров следует, что степень десемантизации первого компонента не может быть надежным критерием грамматизации сочетаний, поскольку весьма трудно провести грань между *shall* и *will* модальными и десемантизированными, тем более что даже при передаче будущего они сохраняют какие-то модальные оттенки; будущим действиям вообще присущи семы «потенциальность», «нереализованность», откуда они легко сочетаются с семами «желательности», «необходимости», «возможности» и т.п. Иными словами, «чистого» будущего без модальных оттенков практически не существует¹. Следовательно, семантический анализ не может доказать полной неразложимости или идиома-

¹ Дж. Лайонз замечает, что формам будущего во многих языках свойственны модальные оттенки значения, не обязательно зависящие от происхождения (от модальных глаголов, как в английском). Он приводит русский пример «я не буду работать», в котором может быть заключено значение желания, намерения или решимости [72, с. 306]; можно также сослаться на семантические связи между будущим и модальностью предположения как на естественные свойства этих семантических микрополей, отмеченные многими лингвистами.

тичности конструкции. Модальные сочетания и футуральные конструкции образуют непрерывный континуум без резких переходов. Такие же отношения сохраняются и в дальнейшем — в XVI—XVII и в XIX—XX вв.

Неразложимость конструкции можно иногда показать, анализируя ее синтаксическую связь с другими элементами предложения: если они связаны с конструкцией в целом, то ее неразложимость больше, чем если связь устанавливается лишь с первым компонентом. Ср. синтаксическую связь между первым предложением и *would say* как единым целым:

What power is in Agrippa.

If I *would say*. "Agrippa, be it so"

To make this good. (Sh. A.C., II, 2)

и связь придаточного с *could*:

If I *could* write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say... (Sh. Sonnet 17)

Однако и это доказательство не очень убедительно и не всегда применимо. Попытаемся обратиться к другим признакам грамматизации: лексическому и грамматическому охвату.

Лексический охват конструкции практически неограничен. Грамматический охват как будто бы растет, что проявляется в большем разнообразии форм инфинитива. Однако разнообразие форм инфинитива с *shall* и *will* не отличается от сочетаний инфинитива с другими модальными глаголами, поэтому оно тоже не есть критерий формы будущего или новых форм сослагательного. Примеры разных форм, свидетельствующие о растущем грамматическом охвате конструкции:

This lady weex affrayed of the soun,
Lest that hir housbonde, shortly for to sayn,
Wolde hire for Jhesu Cristes love *han slayn*. (Ch. C.T., B 563—5)

Примеры из текстов XVII в.:

Doing is activitie, and he *will* still *be doing*. (Sh. Henry V, III, 7)
Yet who *should have thought* the old man to have had so much blood in him.
(Sh. Mac., V, 1)
Shortly, I believe,
His marriage *shall be publish'd*. (Sh. Henry VIII, III, 2)

Но сложная форма инфинитива также возможна с бесспорным модальным глаголом *might*:

Housbondes at chirche dore I have had fyve,
If I so ofte *myghte have uwedded* bee. (Ch. C.T., D 6—7)

Ограниченность грамматического охвата во все периоды — включая и современный — заключается в невоспроизводимости этих моделей в неличных формах глагола (ср. *have* + причастие II, *be* + причастия I и II, образующие неличные формы).

Таким образом, по всем опробованным критериям видно, что сочетание с *shall* и *will* ни как средство обозначения будущего, ни как средство выражения нереальности не достигли высшей степени грамматизации — перехода в аналитическую форму. Очевидно, они остаются на ступени аналитической конструкции. Лишь один критерий — постепенная стабилизация формальной модели — говорит о том, что процесс грамматизации продолжается и в с.а. и в раннем н.а.

Несомненно, что в с.а. *shall* является более частотным глаголом, чем *will* (и в большей степени десемантизированным). В XIV—XVII вв. основной формальной моделью аналитических конструкций будущего времени и сослагательного наклонения становится *shall, should* с инфинитивом. Начиная с XVII в. *will/would* постепенно вытесняют *shall/should* в глагольной системе и в языковом пространстве. Их меняющийся функциональный статус проявляется в диалектных, стилевых, жанровых предпочтениях и ограничениях. *Will* и *would* распространяются из разговорных форм речи в письменные с юга на север, по мере того как *shall* и *should* все более закрепляются за «высоким» стилем, например текстами религиозного содержания¹.

Сравнение следующих отрывков трех переводов Библии X, XIV и XVI вв. демонстрирует замещение формы настоящего времени в значении будущего конструкцией с *shall* в XIV в. и частичное замещение *shall* глаголом *will* в XVI в. Сохранение *shall* в тексте Библии в последнем предложении можно отнести за счет растущей архаизации этой конструкции (в нейтральном стиле — *will come, will rest*):

(Евангелие от Матфея, VIII)

X в.	{	7. <i>ƿā cwaef sē Hælend tō him, Ic cume and hyne gehæle.</i>
11. <i>Tō sōþum ic sege ēow ðæt manige cunaþ fram eastdæle and westdæle, and wunaþ mid Abrahame and Isaace and Iacobe on heofena rice.</i>
XIV в.	{	7. And Jhesus saith to hym, I <i>shal cume</i> , and <i>shal hele</i> hym.
11. Sothely I say to gou that manye <i>shulen come</i> fro the est and west and <i>shulen rest</i> with Abraham and Ysaac and Jacob in the Kingdom of heuenes.
XVI в.	{	7. And Jesus sayd unto him, I <i>wyll come</i> and <i>cure</i> him.
11. I say therfore ynto you, that many <i>shall come</i> from the eest and west, and <i>shall rest</i> down with Abraham, Isaac, and Jacob, in the kyngdom of heven.

¹Проникновение *will* в футуральную конструкцию — помимо его функционально-стилевых и диалектных истоков — объясняли также психологическими причинами; Э. Эббот (вслед за Я. Гриммом) полагал, что обозначая будущее действие, которое будет совершать не говорящий, а собеседник или третье лицо, естественно было выбрать такой глагол из имеющихся конкурентов, в котором не содержалось бы принуждения или навязывания воли говорящего другому лицу — таким глаголом и был *will* [52, с. 125].

7.4. Новой особенностью моделей в XVI–XVII вв. является фонетическое ослабление первого компонента, которое отражается в написании как 'll, 'l, 'd, 'ld и встречается при подлежащем-местоимении любого лица, чаще других – 1-го.

I'll graff it with you, and then I shall graff it with a medlar: then it will be the earliest fruit in the country: for you'll be rotten ere you be half ripe; and that's the right virtue of the medlar. (Sh. As You Like It, III, 2)

You have pray'd well to-day:

This morning, for ten thousand of your throats

I'd have given a doit. (Sh. Co., V, 4)

Редукция первого компонента объективно указывает на его семантическое ослабление и свидетельствует о дальнейшем движении в направлении к аналитической форме; однако наличие вариантов с фонетически неослабленными глаголами и сходных модальных сочетаний по-прежнему препятствует их изоляции.

Соотношение частотностей shall, will, should и would и их сокращенных форм в разных лицах с XIV по XX вв. приводится в таблицах 1 и 2. В футуральных конструкциях удельный вес shall неуклонно снижается, доходя во 2-м и 3-м лицах до нуля, а доля will и 'll растет. В конструкциях с should/would/'ld наблюдаются примерно такие же соотношения (см. табл. 1, 2 и графики 9, 10, с. 119–121).

Важно отметить, что конструкции с should/would приобретают еще один признак формализации: они организуются в симметричную микро-систему аналогично временным формам сослагательного наклонения, используя для этого модель перфекта:

knew — should/would know
had known — should/would have known

Популярным доказательством формализации конструкции с shall и will является дополнительное распределение вспомогательных глаголов по лицам, которое было впервые декларировано в грамматике Д. Уоллиса в 1653 г. и с тех пор вошло в виде правила в большинство английских грамматик, особенно британских грамматик XVIII–XIX вв. Бен Джонсон (1640 г.) приводит по два глагола для каждого лица – shall и will, тогда как Р. Лоут, более чем сто лет спустя, формулирует такое же право, как и Уоллис: *Will in the first Person singular and plural promises or threatens; in the second and third Persons, only foretells; shall on the contrary, in the first Person simply foretells, in the second and third Persons, promises, commands and threatens. But this must be understood of Explicative sentences; for when the Sentence is Interrogative, just the reverse for the most part takes place.*

Действительно, подобное, чисто формальное, не зависящее от семантики глаголов, распределение выглядит как убедительное доказательство их формообразующей функции. Однако справедливость этого правила породила большие сомнения. В более старых работах – Г. Суита, Б. Аньенза, Л. Кельнера – его принимали на веру. Резкую критику вызы-

вали эти правила в XX в. – не с точки зрения желательности их соблюдения, а потому, что они никогда не отражали реального употребления. Многие англисты отмечают, что это распределение по всей видимости не соответствовало узусу и в XVII в., а было произвольно введено грамматистами (Г. Бредли, Дж. Керм, Г. Поутсма). Ч. Фриз подсчитал употребление shall и will по лицам, начиная с эпохи Шекспира, и доказал, что такого распределения вообще не было [62, с. 153].

Преобладание употребления shall для 1-го лица, will – для 2-го и 3-го наблюдается в основном в литературном языке XIX в., но это могло быть вызвано искусственным введением этого правила через школьные грамматики, начиная с XVII в.

Таблица 1

Частотность конструкций с shall, will, 'll и форм настоящего времени в футуральных значениях (в процентах) (Общее число примеров около 44 000)

Срезы	Аналитические конструкции			Настоящее в значении будущего	
	shall	will	'll		
Аналитические конструкции в целом					
		70,6	29,4	0,0	16
XIV в.	По	1	41,6	58,4	0,0
	ли-	2	81,6	18,4	0,0
	цам	3	87,7	12,3	0,0
Аналитические конструкции в целом					
		33,8	34,4	25,0	6,8
XVI–XVII вв.	По	1	20,3	29,7	50,0
	ли-	2	50,6	38,7	11,7
	цам	3	48,9	45,0	6,1
Аналитические конструкции в целом					
		18,9	14,3	47,8	19,0
XVIII–XIX вв.	По	1	37,5	18,3	44,2
	ли-	2	23,2	34,2	42,6
	цам	3	19,0	52,1	28,9
Аналитические конструкции в целом					
		3,9	29,6	38,3	28,2
XX в.	По	1	14,1	8,9	77,0
	ли-	2	0,0	27,2	72,8
	цам	3	0,0	71,4	28,6

Таблица 2

Частотность конструкций с *should*, *would*, *'ld* и синтетических форм сослагательного наклонения в значениях нереальности (в процентах)
(Общее число примеров около 25 000)

Срезы	Аналитические конструкции				Синтетические формы сослагательного наклонения	
		<i>should</i>	<i>would</i>	<i>'ld</i>		
XIV в.	Аналитические конструкции в целом				73,9	
	По	1	11,8	14,3		0,0
	ли-	2	40,5	59,5		0,0
	цам	3	43,2	56,8		0,0
			53,5	47,5		0,0
XVI–XVII вв.	Аналитические конструкции в целом				72,5	
	По	1	11,6	15,8		0,1
	ли-	2	55,8	44,2		0,0
	цам	3	28,6	70,9		0,5
			37,2	62,5		0,3
XVIII–XIX вв.	Аналитические конструкции в целом				47,2	
	По	1	21,7	32,2		0,9
	ли-	2	66,4	30,6		3,0
	цам	3	18,4	80,8		0,8
			24,8	74,2		1,0
XX в.	Аналитические конструкции в целом				37,5	
	По	1	5,7	41,8		15,0
	ли-	2	31,3	30,6		38,1
	цам	3	0,0	62,5		37,5
			0,0	38,1		11,9

График 9

Частотность форм настоящего времени и аналитических конструкций в футуральных значениях

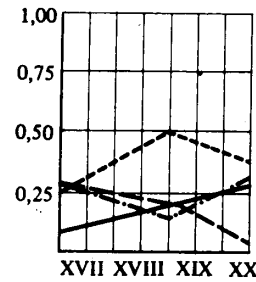
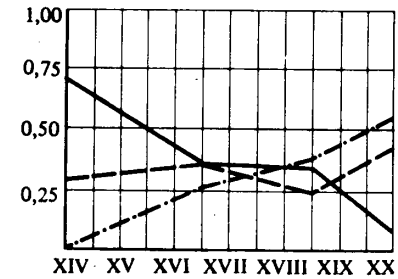

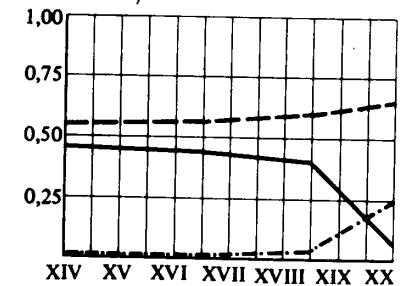
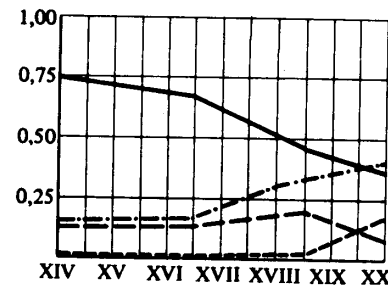
График 10

Частотность синтетических форм сослагательного наклонения и аналитических конструкций в значениях нереальности

Частотность форм настоящего времени и аналитических конструкций
Present —————
Shall —————
Will —————
'll —————

Частотность аналитических конструкций
Shall —————
Will —————
'll —————

Частотность синтетических и аналитических форм
Subjunctive —————
Should —————
Would —————
'ld —————

Частотность аналитических форм
Should —————
Would —————
'ld —————

В сфере сослагательного наклонения упорядочение употребления *should* и *would* осложнялось тем, что в некоторых структурах закрепилось *should* и свободного варьирования глаголов не было. Там образовались две формальные модели: со свободным чередованием *should* и *would* и с обязательным *should* во всех лицах.

Чем бы ни была вызвана регламентация постановки shall и will, само по себе вмешательство грамматистов и лексикографов в языковое развитие с тем, чтобы «улучшить» и «исправить» язык, далеко не единственный факт в конце XVII–XVIII вв. (см. главу III, § 4). Возможно, что если модальные оттенки иногда вступали в противоречие с потребностью выразить будущее действие, то распределение глаголов, зафиксированное (или предложенное) Дж. Уоллисом, могло быть одним из путей к устранению этих оттенков и к стабилизации модели. Но в это время действовала и другая тенденция: will начинало вытеснять shall из всех позиций, что поддерживалось и распространялось не различающими лица 'll, 'l и 'ld. Возможно, что сформулированные грамматические правила помогли will вытеснить shall во 2-м и 3-м лицах и замедлили этот процесс в 1-м лице. В конце концов shall и should сохранились только в британском английском как варианты will (would) в 1-м лице, так что формальная модель обеих этих конструкций к XIX–XX вв. выглядит примерно так:

1 лицо	'll/will/shall	'd/would/should
2 лицо	'll/will	'd/would
3 лицо	will/'ll	would/'d

Думается, что в этом едином направлении развития первого компонента обеих конструкций и стабилизации модели заключается более важное доказательство растущей грамматизации этих конструкций, чем в недоказуемом чередовании глаголов в зависимости от лица или в других признаках грамматизации, описанных выше.

Можно заключить, что ни в XIV в., ни в XVII в. (и ни в XX в.) сочетания shall/will и should/would с инфинитивом не стали аналитическими формами. У них отсутствуют такие важные признаки грамматизации, как десемантизация служебного глагола, обособленность от сходных конструкций, полнота грамматического охвата. Очевидно, они остались на стадии аналитических конструкций. Тем не менее, как показывает их семантика и место, которое они заняли в глагольной системе, эти аналитические конструкции подверглись парадигматизации и стали категориальными членами глагольной парадигмы.

7.5. Проследим развитие основного признака парадигматизации — специфического значения и связей с другими категориальными членами глагольной системы.

В XIV–XVII вв. по сравнению с д.а. значительно возрастает частотность конструкций с shall и will и одновременно сокращается доля формы настоящего времени в выражении будущих действий. Так, зарегистрировано более 200 случаев сочетаний в поэме “Brut”, около 80 в поэме “King Horn”, около 350 в переводе Библии Уиклифа [56, с. 37], причем всюду — значительное преобладание глагола shall, который, по заключению многих исследователей, начал обозначать будущее раньше, чем will. По-видимому, функциональная нагрузка этих сочетаний растет также и потому, что распад глагольной префиксации сделал менее удобным употребление презенса в футуральном значении (см. табл. 1 и график 9 выше).

Списки значений конструкций с shall и will в период их интенсивного употребления и конкуренции друг с другом и с формой настоящего времени в XV–XVIII вв., приводимые во многих работах, не создают сколько-нибудь четкой картины.

Некоторые историки перечисляют множество значений shall и will, другие дают только несколько более обобщенных значений. Так, Г. Фриден, Т. Мустанола, Ф. Виссер приводят по десять-пятнадцать значений для каждого глагола, перечисляя также и синтаксические структуры с ними. Ф. Блекберн, Б. Трка, В. Франц формулируют лишь основные значения этих глаголов. Ф. Блекберн определяет их как «обещание» и «угроза», повторяя тем самым описания этих глаголов в грамматиках XVIII–XIX вв. — Р. Лоута, Л. Меррея [56; 61; 83; 84]. Согласно Б. Трка, будущее с will передает спонтанные действия или действия, которые произойдут по воле субъекта; будущее с shall — действия, которые произойдут по воле другого лица или в силу обстоятельств.

По мнению В. Франца, у Шекспира сочетание с shall обозначает обязательное будущее, т.е. действие, которое непременно произойдет [60, с. 485]; определение Э. Эббота — «неизбежное, необходимое действие» [52, с. 223]. Характерно, что в большинстве работ значения глаголов shall и will подтверждаются примерами текстов разных веков и ни один из авторов не показывает изменений в течение всего этого периода — с XIV по XVIII в.

И все же, независимо от модальных оттенков, частотность футуральной конструкции как средства обозначения будущих действий растет. В эпоху Шекспира 93 % случаев выражения будущего принадлежит футуральной конструкции и только 7 % — формам настоящего времени. Такое соотношение безусловно доказывает, что футуральность стала главным и специфическим значением этой конструкции. Это значение имеет достаточно обобщенный, грамматический характер, чтобы быть признаком категориального члена в ряду однотипных значений настоящего и прошедшего. Очевидно, что завершение их парадигматизации, т.е. включение в систему глагола как нового члена категории времени, и надо датировать XVI–XVII вв. Из периферийного конституента в микрополе будущего они стали доминантой, окончательно перейдя на грамматический уровень как аналитическая конструкция и категориальный член парадигмы.

Весьма уместно привести здесь остроумную аргументацию В.Я. Плоткина о различии между модальными глаголами с инфинитивом, могущими выражать будущие действия, и футуральными конструкциями с shall и will. Модальные глаголы, указывая на потенциальное действие в будущем, не предопределяют его реализации и допускают разные продолжения:

He must return and I believe he will
but I don't believe he will,

тогда как предложение I shall/will return таких продолжений не допускает [32, с. 71]. Интересно также отметить, что в некоторых грамматиках

современного английского языка модальные значения — «решимость», «желание», «уверенность» — приписываются не образованиям с *shall* и *will*, которые воспринимаются как более нейтральные в этом отношении, а как раз другим средствам обозначения будущего, не содержащим модальных глаголов, — простому настоящему.

Может показаться странным, что в последующие столетия удельный вес конструкций с *shall*, *will* в сравнении с формами настоящего времени не растет, а несколько падает. По имеющимся у нас данным, с 93 % в XVII в. он снизился до 72 % в XX в. (см. табл. 1). Это объясняется, во-первых, установлением стандартов употребления в определенных структурах, которые отсутствовали в ранненовоанглийском; в эпоху Шекспира конструкция с *shall*, *will* могла свободно чередоваться с формой настоящего времени в придаточных условия и времени — их варьирование было действительно свободным (сейчас их употребление структурно ограничено). Ср.:

*When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's fields... (Sh. Sonnet 2)
Nor shall Death brag thou wander'st in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st. (Sh. Sonnet 18)*

Кроме того, за последние 300 лет получили большое распространение новые средства выражения будущего времени, которые числятся в таблице под заголовком «формы настоящего времени». Это не только форма Present Indefinite, но и форма Present Continuous и оборот *to be going to*, практически не употреблявшийся в этом значении в эпоху Шекспира.

7.6. Парадигматизация конструкций с *should* и *would*, выражающих нереальные действия, несколько отличается от парадигматизации футуральных конструкций. Этот процесс проходит медленнее и завершается становлением целой системы новых форм сослагательного наклонения.

В с.а. текстах функциональная нагрузка модальных сочетаний растет, что бесспорно обусловлено падением формальной дифференциации изъявительного и сослагательного наклонений: с 0,75 и 0,83 в д.а. (для слабых и сильных глаголов) коэффициенты четкой дифференциации снизились в с.а. до 0,33 и 0,25, а в новоанглийском упали до 0,08 (исключая глагол *be*); одновременно в с.а. возросла вариантная дифференциация с частичной нейтрализацией различия (с 0,25 до 0,50).

Естественно, что в таких условиях модальные сочетания получали в микрополе нереальности все большее распространение. В с.а. резко увеличивается число и частотность модальных глаголов и оборотов модального значения, которые употреблялись наряду с формами сослагательного наклонения для выражения предположительных и нереальных действий. Помимо д.а. *sculan*, *willan*, *mōtan* (и более редких *burgan*, *magan*, *utan*) зарегистрировано много других глаголов и оборотов близких значений: *be about to*, *be holden to*, *beseem*, *bid*, *bir*, *cast*, *choose*, *covet*, *deign*, *enforce*, *grant*, *have to*, *have desire to*, *have lever*, *it is to*, *keep*, *let*, *mon*, *need*, *owe*, *purpose*, *shape*. *yerne*, *could*, *deem*, *think*, *throw* [75, с. 453]. Модальные сочетания встречаются в с.а. в 9 раз чаще, чем сохранившиеся

синтетические формы [75, с. 453]. По подсчетам У. Харша, который учитывал только *shall*, *will* и *may*, доля модальных сочетаний тоже значительно возросла: в д.а. переводах Библии синтетические формы употребляются в 90–100 % случаев, в переводе Уиклифа (конец XIV в.) — только в 50 % случаев, остальные 50 % переведены модальными сочетаниями.

Дальнейшие изменения относительной частотности аналитических конструкций и синтетических форм видны в их меняющемся процентном соотношении в текстах разных жанров. В XVI–XVII вв. удельный вес аналитических конструкций составляет всего около 30 %. К концу XVIII в. частотность аналитических конструкций возросла. Однако трудно ожидать особенно сильного роста доли аналитических конструкций в выражении нереальных действий, так как в отличие от футуральных конструкций, которые стали основным средством обозначения будущности, они лишь частично заменили синтетические формы — даже по завершении парадигматизации. Поэтому для решения вопроса об их парадигматизации приходится проанализировать отношения между синтетическим и аналитическим рядами с точки зрения их синонимии и специализации, как семантической, так и формально-позиционной.

В XVII в. эти ряды не различаются своими основными значениями (опуская вопрос о модальных оттенках *should* и *would*, который решается так же, как и у футуральных конструкций); они сосуществуют как свободно варьирующиеся грамматические синонимы. Ср.:

*How much more praise deserv'd thy beauty's use
If thou couldst answer... (Sh. Sonnet 2)
If all were minded so, the times should cease.
And threescore year will make the world away. (Sh. Sonnet 11)
If thy captain knew I were here he would use me with estimation. (Sh. Co., V, 1).*

Важным событием в истории сослагательного наклонения было его расщепление на два наклонения из двух временных форм старого сослагательного (в терминологии А.И. Смирницкого — сослагательное I и II) [38, с. 346], ср.:

*If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall cover... (Sh. Sonnet 32)
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigur'd thee. (Sh. Sonnet 6)*

Аналитические конструкции группируются вокруг этих двух наклонений как их синонимические морфологические варианты. Однако несмотря на свободу варьирования грамматических форм, характерную для эпохи Шекспира, уже в то время в позициях сослагательного I встречаются по преимуществу сочетания с *should*, тогда как в позициях сослагательного II выбор первого глагольного компонента столь же свободен, как и у футуральных конструкций с *shall* и *will*. Образования с *shall*, *will* и *should*, *would* с точки зрения выбора первого компонента продолжают развиваться параллельно: *would* и *'ld* постепенно вытесняет *should*. Так обра-

зовались две разные модели с разными значениями и контекстами употребления. В следующем примере *should* не чередуется с *would*:

Is it thy will thy image *should keep* open
My heavy eyelids to the weary night? (Sh. Sonnet 61)

Вхождение аналитической конструкции *should/would* с инфинитивом в парадигму сослагательного наклонения наступило, вероятно, где-то к концу XVIII в., когда она приобрела свою область употребления, отличную от синтетических форм, и отношения свободного варьирования перешли в отношения дополнительной дистрибуции¹. Примеры дополнительных дистрибуций синтетических форм и аналитических конструкций в текстах конца XVIII в. многочисленны; примеры свободного варьирования редки; ср.:

Had not Thwackum too much *neglected* virtue, and Squire religion, in the composition of their several systems; and *had* not both utterly *discarded* all natural goodness of heart, they *had* never been *represented* as the objects of derision in this history; in which we will now proceed. (Fielding)
She *would have asked* concerning him, *had* it been possible to inquire with propriety... (Radcliff)

В целом положение аналитических конструкций в языке становится все более прочным. Ввиду слабой морфологической оформленности и постепенного сокращения частотности синтетических форм, аналитические формы имеют большие основания к тому, чтобы считаться членами «большой парадигмы». Аналитические конструкции с *should/would* стали более весомым средством выражения нереальных действий, имеют свой семантический инвариант и широкую сферу применения. Синтетические формы можно рассматривать как их почти не маркированные, контекстуально ограниченные морфологические варианты [20, с. 3]².

§ 8. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА. МОТИВАЦИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

8.1. Разграничение исторически стабильных и изменчивых признаков в эволюции глагольной системы носит более общий характер, чем в именных системах, поскольку оно не всегда может основываться на точных

¹ Поэтому, в частности, представляется маловероятным, чтобы перестройка косвенных наклонений в эпоху Шекспира и только еще начинающаяся парадигматизация *should/would* с инфинитивом могли сыграть ведущую роль в завершении парадигматизации будущего (см. [18, с. 111]).

² Споры о статусе форм сослагательного наклонения общеизвестны. Большая часть современных грамматик вообще не рассматривает синтетические формы как ряд форм сослагательного наклонения из-за их почти полного совпадения с формами индикатива и императива, и называет их формами, выражающими нереальность. Это удобно практически, в учебных целях, но не оправдывается ни историей, ни структурой современной глагольной системы.

количественных показателях. Считается, что из двух сторон языкового знака — плана выражения и плана содержания — более подвижен последний [46]. Это в целом подтверждается историей рассмотренных нами микрополей прошедшего, будущего и нереальной модальности.

В структуре грамматико-лексических полей издавна существовали семантические дифференциации, отражающие общие соотношения явлений объективной действительности так, как они расцениваются человеческим мышлением и отражаются в языке — например, деление по временной оси на настоящее, прошедшее и будущее, представление о характере действия и о различных способах его временной локализации, разные виды общей и субъективной модальности. Эти основные дифференциации были стабильными признаками семантической структуры полей и микрополей, что, однако, не исключало возможности возникновения новых, как более обобщенных, так и более тонких, семантических различий. При этом менялась семантика отдельных конститuentов поля: они приобретали новые значения, утрачивали и видоизменяли старые.

Наиболее очевидные изменения в структуре полей касались статуса и оформления их конститuentов. Произошли значительные уровневые сдвиги: формализация видовых различий на категориальном грамматическом уровне; становление новой грамматической категории — временной отнесенности — в виде формализации семантического противопоставления предшествования — не предшествования и создания новой оппозиции соотношенности — несоотношенности, образование новых конститuentов грамматического уровня — футуральных конструкций, вошедших в категорию времени, и аналитических конструкций со значением нереальности, оттеснивших старые синтетические формы сослагательного наклонения на положение второстепенных вариантов.

Все эти изменения повысили удельный вес конститuentов грамматического уровня в соответствующих полях. Анализ этих преобразований по двум взаимосвязанным линиям — грамматизации и парадигматизации — дал возможность уточнить хронологию отдельных этапов изменений и статус новых единиц в глагольной системе.

В процессе грамматизации различались три главные ступени: устойчивые сочетания с грамматической направленностью, аналитические конструкции и аналитические формы. Идеальной аналитической формой стал перфект: он полностью обособился от близких глагольных сочетаний, имеет стабильную формальную модель, характеризуется полной грамматической идиоматичностью и стилистической нейтральностью и имеет очень широкий лексический и грамматический охват. У аналитических форм длительного вида не все признаки грамматизации достигли столь полного развития: они обладают грамматическим идиоматизмом, но сохранили некоторые связи с близкими синтаксическими построениями, имеют ограничения в грамматическом и лексическом охвате.

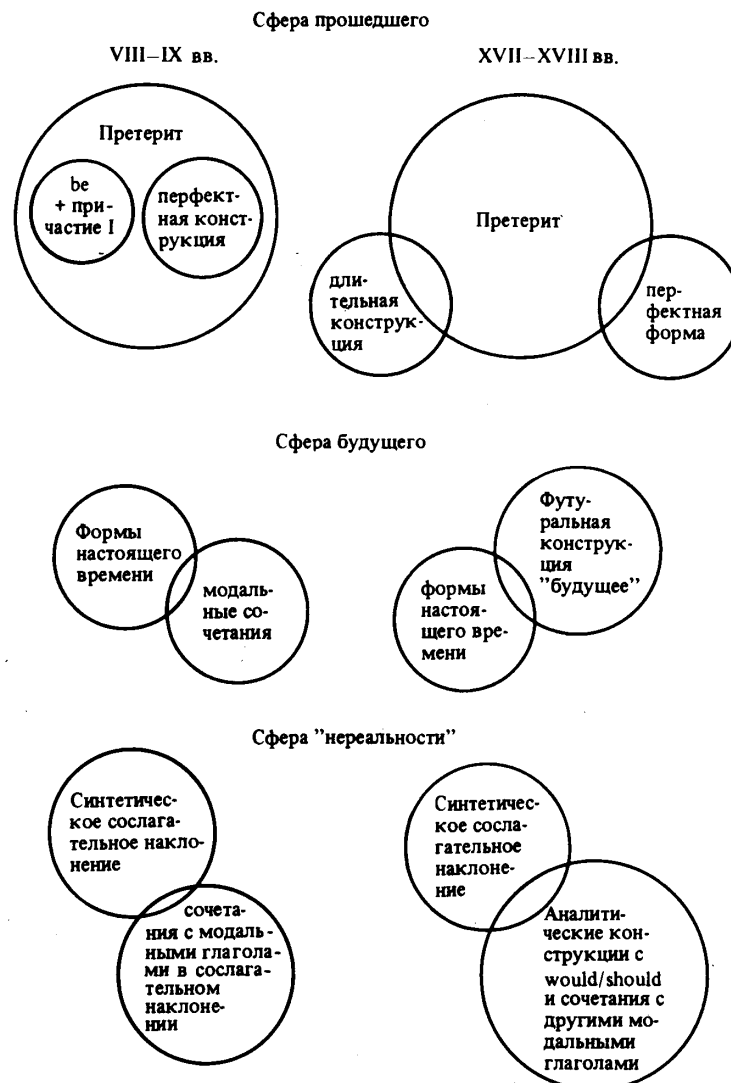
Самой низкой степенью грамматизации из рассмотренных единиц характеризуются образования с *shall/will* и *should/would*. Они не обособились от сочетаний с модальными глаголами и не стали грамматически идиоматичными (первый компонент сохраняет оттенки модальных зна-

чений); имеют ограничения в грамматическом охвате; однако их формальная модель стабильна, и лексический охват не имеет ограничений. По степени грамматизации мы определили их не как аналитические формы, а как аналитические конструкции.

Развитие глагольных форм

Временные срезы	Грамматизация			Парадигматизация
	Устойчивые сочетания с грамматической направленностью	Аналитические конструкции	Аналитические формы	
VIII–X вв.	bēon + причастие II sculan + инфинитив willan + инфинитив	habban + причастие II (перфектная конструкция) bēon + причастие I (длительная конструкция)		
XIII–XIV вв.		ben + причастие I (длительная конструкция) shall + инфинитив (футуральная конструкция) sholde/woide + инфинитив (конструкция нереальности)	have/ben + причастие II (перфектные формы)	
XVI–XVII вв.		will/shall, 'll + инфинитив (футуральная конструкция) should, would + инфинитив (конструкции нереальности)	be + причастие I (длительная форма)	перфект в категории временной отнесенности футуральная конструкция в категории времени
XVIII–XIX вв.		would, should, 'd + инфинитив should + инфинитив (конструкции нереальности и предположения)		длительный вид в категории вида "Условное" наклонение в категории нереальности "Предположительное" наклонение в категории модальности

Семантические взаимоотношения глагольных форм и конструкций

Несмотря на разные степени грамматизации, все эти грамматические единицы парадигматизовались и стали категориальными членами глагольной системы: они приобрели свое, специфическое, основное значение, объединяющее их в единые ряды и в той или иной степени противопоставленное значению других членов соответствующих категорий. По

линии парадигматизации наиболее определенное положение опять-таки занимает перфект, входя во взаимоисключающие семантические оппозиции с неперфектными формами. Футуральные аналитические конструкции и конструкции со значением нереальности имеют несколько более расплывчатые границы. При наличии семантического инварианта первые в некоторых контекстных условиях имеют синонимы — формы настоящего времени, вторые — синтетические формы сослагательного наклонения; и те и другие находятя со своими синонимами в отношениях дополнительной дистрибуции. Положение длительных форм наиболее своеобразно: они объединяются в единый ряд сходством своего основного значения, но сохраняют синонимические отношения с недлительными формами, отличаясь от них семантическими и стилистическими оттенками.

Приводимые на с. 128 и 129 схемы показывают общее хронологическое соотношение грамматизации и парадигматизации у описанных форм и конструкций и динамику их семантических взаимоотношений.

8.2. В заключение рассмотрим причины и условия изменений.

Самая общая причина расширения английской глагольной системы очевидна: это внутреннее противоречие между наличными средствами и потребностью выражения многих насущно необходимых значений, связанных с обозначением действия. В д.а. такого рода значения имели слишком разнообразные способы выражения: они могли быть заключены во внутреннем лексическом контексте — значении глаголов и его модификациях с помощью префиксов; во внешнем контексте — в виде разного рода обстоятельственных уточнителей и вводных слов; в ситуации, эксплицитно или имплицитно заданной контекстом. Слишком общее, неопределенное значение глагольных форм и пестрота других средств не могли обеспечить точной передачи таких обобщенных значений, как локализация действия во времени, видовой характер действия, его отношение к действительности с точки зрения субъективной и объективной модальности. В соответствующих микрополях имелось еще одно, частично грамматическое средство — устойчивые сочетания с грамматической направленностью — синонимы глагольных форм, с дополнительными семантическими признаками.

Все эти средства, создавая варьирование в синхронии, свидетельствовали о потенциальных возможностях развития, составляя «сырой материал» для последующего отбора.

Общее противоречие и конкретные семантические задания в принципе могли разрешаться любым из способов: посредством дальнейшего роста глагольной префиксации, модификациями значений глагола, средствами внешнего контекста и развитием грамматизованных сочетаний.

Английский язык пошел по последнему из этих путей; он стал широко использовать аналитические конструкции, по всей вероятности потому, что уже на самом раннем этапе имел очень богатый инвентарь этих частично грамматизованных единиц (в соответствии с общегерманской тенденцией «окружать» основные глагольные формы — как доминанту поля — многочисленными периферийными глагольными соче-

таниями). Такие сочетания выражали требуемые значения самостоятельно, без обязательной поддержки контекста, хотя и не имели еще узкой семантической специализации. (Что касается лексических средств, то они были нерегулярны и неоднозначны; даже развитая глагольная префиксация не могла обеспечить систематического выражения видовых различий, к тому же в с.а. она была разрушена.)

Обобщенный характер значений — по сути дела, значений очень абстрактного, более грамматического, нежели лексического уровня — требовал развития грамматических средств выражения. Поэтому устойчивые глагольные сочетания и подверглись дальнейшей грамматизации и парадигматизации.

Системными факторами развития можно также считать некоторые панхронические тенденции: стремление выражать единые значения одинаковыми средствами, стремление к симметричной, сбалансированной организации языковой системы (последняя тенденция способствовала расширению грамматического охвата и заполнению всех «пустых» клеточек новыми моделями).

Приобретение новых признаков глагольными сочетаниями, их грамматизация, семантическая специализация и парадигматизация были не просто свободным развитием в благоприятных условиях. Это был путь развития, связанный с преодолением разнообразных препятствий: оттеснением конкурирующих параллелей, преодолением лексических ограничений, переходом жанровых, стилистических и диалектных границ в языковом пространстве.

Жанровая, стилистическая и диалектная ограниченность имела разные формы проявления и была связана с языковой ситуацией каждого периода; отсюда ускорения и замедления в росте новых конструкций. Наименее подвержен таким ограничениям был, очевидно, перфект; однако в XVII—XVIII вв., когда окончательно стабилизировалась его формальная модель, вспомогательный глагол перфекта *be*, вытесненный глаголом *have*, оказался стилистически маркированным: он приобрел коннотацию архаизма и стал намеренно вводиться в «высокие» жанры для стилизации. История длительной формы являет собой наиболее яркий пример диалектных и стилистических ограничений: она была стилистически ограничена в д.а., сузила свои географические границы в XII—XIV вв. и очень медленно преодолевала диалектные и стилевые ограничения в ходе дальнейшей истории. Долгий путь в языковом пространстве прошли и сочетания с *will/would*, которые распространились с юга, из разговорных форм речи, неуклонно вытесняя *shall/should* из аналитических конструкций.

Помимо диалектной и функционально-стилевой дифференциации в истории глагольных форм сыграли значительную роль и другие внешние условия. Возникновение сложных объединений нескольких моделей, например *Future Passive*, *Perfect Continuous*, могло быть обусловлено развитием письменных форм языка. В XVIII—XIX вв. наблюдаются отдельные попытки сознательно вмешаться в лингвистические изменения и «исправить» некоторые формы. Эти попытки оказались малоэффективными.

ными: длительные формы стали употребляться в страдательном залоге, несмотря на их яростное осуждение грамматистами XVIII и XIX вв.; глагол *will* продолжал вытеснять *shall* из всех лиц, несмотря на преграды, которые ставило перед ним в течение трех веков традиционное школьное обучение (возможно, однако, что в этом случае сознательная регламентация возымела некоторое действие, так как *shall* до сих пор сохранился в 1-м лице в британском английском, тогда как *will* окончательно закрепился как единственный глагол во 2-м и 3-м; последнее соответствовало и тенденциям развития и грамматическим правилам).

Так, при ведущем действии основного противоречия, общие и специфические германские тенденции развития и лингвистическая ситуация оказывали влияние на развитие новых глагольных форм. Диалектная разобщенность с.а. периода, перерыв в письменной традиции, жанрово-стилистическая вариативность языка в разные исторические эпохи и постоянное совершенствование письменных форм языка – все это сыграло свою роль в расширении глагольной системы.

Вопросы для обсуждения и задания

1. Перечислите грамматические категории глагола в современном английском языке; обсудите спорные вопросы категорий глагола.

2. Объясните различие между урвневным и полевым подходом к описанию языка. Определите урвневную принадлежность средств выражения модальности в следующих отрывках.

a) We said that we quite understood it would probably be no good, but that we should like an order all the same... That seemed to finish it, but – well, as John said, the place was very cheap, we could afford to give more, and perhaps if we offered a premium... (Christie)

b) "I suppose you wouldn't come to tea with me one day, would you?" The nerve of it! She wouldn't go to tea with a duchess... It was nice of him to suggest that. He might so easily have mentioned some fashionable place where people would stare at her... No one to hear her prattling away would have guessed that she was the greatest actress in England. (Maugham)

c) "You certainly shall not go till you have told me all!" I said. – "I would rather not, just now." – "You shall! – you must!" – "I would rather Diana and Mary informed you." (Bronte)

3. Назовите единицы разных уровней в поле времени и в поле модальности в современном английском языке. Покажите, насколько в этих полях снизилась или возросла роль единиц грамматического уровня.

4. Прокомментируйте варьирование глагольных форм в следующих парах предложений. Какие тенденции в нем проявляются?

a) (1) Maggie was bending over her sewing while her mother was *making* the tea. (Eliot) (2) He gazed at his mother while she *played*. (Galsworthy)

b) (1) He did not remember ever *having seen* her in black. (Galsworthy) (2) I can still remember *running* down the sandhills in the morning. (Cusack)

c) (1) "I understand you well," said my master, "it is now very plain from all you *have spoken* that whatever share of reason the Yahoos pretend to..." (Swift) (2) "Here, for example, I *have been speaking* to you this morning about tumblers." (Dickens)

d) (1) He looked longingly at the windows of the Club, where he *had* often eaten of the best with his father. (Galsworthy) (2) It felt very hollow there under the cheekbones. He *had not been eating* much lately. (Galsworthy)

e) She went to the ale-house
To get him some beer,
But when she came back
The dog *sat* in a chair
She went to the fishmonger's
To buy him some fish
And when she came back
He *was washing* the dish. (Nursery Rhymes)

5. Прокомментируйте выделенные формы, используя сведения об истории перфекта, длительного вида и футуральных конструкций.

a) (1) Even the craven Fledgeby felt that the time *was now come* when he must strike a blow. (2) *Arrived* by this time in Mr. Wegg's sitting-room, *made* bright on the chilly evening by gaslight and fire, Mr. Venus softens and compliments him on his abode. (3) At that particular moment, *being* newly come to the threshold to take a look out of doors, she was winding herself up with both hands after this fashion. (4) "I *have been* away to fetch it. Did you think that I *was long gone*?" (Dickens)

b) (1) "Do you like what Wegg's *been a-reading*?" (2) "I'm *a-going* to unfold your plan, before this young lady." (3) If I wasn't to go *a-fishing*, others might. (Dickens) (4) I saw a ship *a-sailing*, *a-sailing* in the sea. (Nursery Rhymes) (5) A frog he would *a-wooing* go... (Nursery Rhymes)

c) "I *would* that all our people remembered it." (Dickens)

d) Little Tom Tucker
Sang for his supper;
What *shall* he eat?
White bread and butter. (Nursery Rhymes)

The patient's discontented growl is not intelligible; his daughter could interpret, if she *would*, what he said... (Dickens)

e) The question may branch off into what *is doing*.

6. Объясните варьирование средств выражения будущих действий, попытайтесь мотивировать их выбор и укажите тенденции развития, учитывая историю обозначения будущего.

(1) The train *leaves* at three o'clock sharp. (Maddock) (2) When *are* we going to eat? It's afternoon. – We'll *eat* when it's time. (Zeider) (3) *Shall* we fly over to Paris tonight? (Copper) (4) Vera, what *am* I gonna do? (Lawrence) (5) Tomorrow morning I, me personally – I'm *taking* this kid off to boarding school: St. Boniface Academy and he's *going* to stay here. – I'll do whatever

you say. If you'll only let the child stay near me. — He goes, and he goes tomorrow. (Lawrence)

7. Определите отличия в глагольных формах и их функционировании в сонетах В. Шекспира от современного языка.

Sonnet XI

As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestow'st
Thou mayst call thine when thou from youth convertest.

Herein lives wisdom, beauty, and increase;
Without this, folly, age and cold decay.
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.

Let those whom Nature hath not made for store,
Harsh, featureless and rude, barrenly perish.
Look, whom she best endow'd she gave the more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish.

She carv'd thee for her seal, and meant thereby
Thou shouldst print more, not let that copy die.

Глава V. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Описываемые в этой главе преобразования относятся к синтаксическому уровню. Так же как и морфологические изменения, изменения в сфере синтаксиса представляют собой замещения, реализуемые через варьирование. На стадии варьирования сосуществуют и конкурируют синтаксические синонимы и синтаксические варианты, затем происходит их слияние, расщепление или однозначное замещение.

Проблемы грамматической синонимии давно разрабатываются в зарубежной и особенно в отечественной лингвистике. Синонимии грамматических форм и синонимических конструкций в современном английском языке посвящен ряд специальных исследований; однако в работах по истории английского языка грамматическая синонимия пока занимает относительно небольшое место.

Понятие синонимии пришло в грамматику из лексикологии. Там оно предполагало обязательную кореферентность с одним денотатом, близость лексического значения. Синонимия в грамматике имеет принципиально иную основу: кореферентность не является ее детерминирующим признаком; вместо близости лексической семантики синонимы имеют единое грамматическое значение. Критериями синонимии считаются их разнооформленность и единство грамматической функции. Лексическая наполняемость грамматических форм и синтаксических моделей не определяет их синонимии, и поэтому синонимы могут обозначать разные понятия, действия, ситуации и все же быть синонимами грамматических уровней. Так, описанная в главе IV синонимия перфекта и претерита в XIV—XV вв. означала близость или тождество их грамматических значений — например, способность обозначать ряд действий в прошлом, не соотношенных с ситуацией в настоящий момент; точно так же грамматически синонимичными были формы настоящего времени, модальные сочетания и футуральные конструкции при выражении будущих действий независимо от лексического наполнения. Грамматические синонимы могут принадлежать к одному или к разным уровням: таковы, например, синонимичные глагольные формы и глагольные сочетания.

Синтаксическими синонимами можно считать синтаксические модели — предложения, обороты, конструкции, — характеризуемые разно-

¹Глава V написана в соавторстве с О.Б. Богдашиной.

структурностью и изофункциональностью. Они либо выполняют тождественные синтаксические функции, если это части предложений, например, придаточные предложения и соответствующие члены простого и осложненного предложений, либо — будучи самостоятельными предложениями — передают одинаковое или сходное грамматическое (в данном случае синтаксическое) значение. Как и другие синонимы, они могут иметь различия в виде оттенков значения и положения в языковом пространстве, т.е. принадлежности к разным функциональным типам языка. Если же эти модели не имеют подобных различий и полностью, или почти полностью, тождественны, то можно считать их не синтаксическими синонимами, а синтаксическими вариантами. Что касается лексического наполнения, то оно может быть и разным и одинаковым; одинаковое лексическое наполнение — явление редкое, и оно отнюдь не является обязательным признаком этих синтаксических единиц, но его возможность дополнительно подтверждает синонимичность или вариантность синтаксических структур. Возможность взаимозамены, или взаимотрансформируемость, является следствием синонимии, но не ее обязательным условием; поэтому трансформации можно иногда применять для доказательства синонимии. В отличие от синонимов, синтаксические варианты всегда легко трансформируются друг в друга и сосуществуют лишь в течение ограниченного отрезка времени; в процессе изменения, на стадии варьирования, они взаимозаменяемы, а далее — как и абсолютные синонимы любого уровня — один обычно вытесняет другой.

Следующие примеры иллюстрируют синтаксические синонимы и синтаксические варианты:

...he would stroll, watching *the roses open, fruit budding on the walls, sunlight brightening the oak leaves and saplings in the coppice, watching the waterlily leaves unfold and glisten.* (Galsworthy) (синонимы)

I saw Mark Antony offer *him a crown...* then he offered *it to him* again. (Shakespeare) (варианты)

В изменениях, описываемых в этой главе, мы будем иметь дело с синтаксическими синонимами и вариантами с некоторыми ограничениями в лексическом наполнении. Сопоставление их функционирования на нескольких синхронных срезах покажет постепенное замещение одних синонимов и вариантов другими: доминирующие на одном срезе структуры становятся второстепенными, дополнительными вариантами на следующих срезах, тогда как второстепенные варианты переходят на положение основных структур.

§ 2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ

2.1. В настоящей главе рассматриваются два изменения: замещение односоставных предложений двусоставными с формальным подлежащим *it* и так называемый «переход безличных конструкций в личные», включая развитие некоторых пассивных конструкций. Чтобы определить общее содержание этих изменений, опишем состояние рассматриваемых

предложений в д.а. период и в ранненоанглийском — по завершении изменений.

Как известно, по сравнению с последующими периодами д.а. язык характеризовался относительной свободой структуры предложения. Это проявлялось, в частности, в менее жестком порядке слов; в возможности строить предложения без подлежащего; в разнообразии второстепенных членов предложения, выражаемых различными падежными формами существительных с предлогами и без них. При этом по всем этим признакам структура предложения обнаруживала очень значительную вариантность [82]. Отмечается, что параллельные конструкции — варианты и синонимы — употреблялись недискриминированно, в одном и том же стиле речи, одним и тем же автором, часто на одной и той же странице [51]. Иными словами, для большинства рассматриваемых изменений (за исключением пассивных конструкций) мы имеем дело со стадией варьирования синтаксических единиц.

2.2.1 В д.а. текстах встречаются предложения как с подлежащим, так и без подлежащего. Последние предложения могли быть неполными, или эллиптическими, и тогда подлежащее восстанавливалось из контекста, например:

Hie fā swā dydon: worhton fā tū geweorc on twā healde fære ēas. (Chronicle, 896) Они тогда так сделали: (они) соорудили тогда два укрепления на двух сторонах той реки.

Но значительно чаще бесподлежащие предложения были действительно односоставными и не допускали восстановления значимого подлежащего, например:

fā ongan him syfþan hungrian. (Gospels) Тогда стало ему с тех пор голодно.

Такие односоставные предложения, традиционно называемые безличными, имели сказуемое в форме 3-го лица ед.ч. Безличные предложения в д.а. языке могли иметь формальное подлежащее, выраженное местоимением *hit*.¹

Д.а. безличные предложения были весьма разнообразны по грамматической структуре и по передаваемым значениям. В зависимости от наличия или отсутствия дополнения, указывающего на субъект состояния (см. последний пример), от наличия или отсутствия формального подлежащего *hit*, а также от лексического наполнения сказуемого эти предложения можно подразделить на три группы.

2.2.2. К первой группе мы относим двусоставные предложения с формальным подлежащим *hit*, которые не имели и не допускали указания на лицо, воспринимающее действие. Лексическое наполнение таких предложений было семантически ограничено: в них употреблялись глаголы, прилагательные и существительные (в функции предикативов),

¹ Формальным *hit* мы называем как безличное местоимение *hit*, так и так называемое «предваряющее» *hit*, за которым следует смысловое подлежащее.

обозначающие явления природы, течение времени, расстояние, общее положение вещей, например:

Hit hagolade seofon niht, dæges and nihtes, ofer ealle Rōmāne. (Alfred) Илел град семь суток, днем и ночью, над всеми римлянами.
Sōna swā hit cōm tō fram Eastron, þā ferdon hi... (Chronicle 1087) Вскоре, когда подошло к пасхе, тогда поехали они...

Многие глаголы, употреблявшиеся в этой группе предложений, были только безличными (*gīnan, dagian, hagolian, frēosan* и др.), другие встречались и в личных предложениях (например, *blōwan*).

В д.а. период подлежащее *hit* было почти обязательным членом предложения в глагольных предложениях этой группы. Ф. Виссер отмечает бесподлежащее употребление лишь у нескольких глаголов: *snīwan, þungian, sweogcan* [84, с. 4] и приводит единственный пример: ...*poþran snūwde* (The Seafarer). Этот же пример приводит Н. Вален [85].

В отличие от предложений с глагольным сказуемым, в предложениях с составным именным сказуемым отсутствие *hit* наблюдалось более часто:

On Arimīnio frære byrg wæs niht of midde dæg. (Alfred) В городе Аримини была ночь до полудня.

Иногда формальное подлежащее *hit* отсутствовало при наличии обстоятельств места или времени, стоящих на первом месте (как в последнем примере).

2.2.3. Ко второй группе безличных предложений относятся односоставные предложения с дополнением, указывающим на лицо, — субъект, испытывающий какое-либо физическое или психическое состояние. Это дополнение имело форму винительного (более древний способ оформления [85]) или дательного падежа.

Hwæfer þā welgan (вин. п.) *nū næfre ne hingrige, ne ne fyrste, ne ne cale?* (Alfred) Разве богатым никогда не хочется ни есть и ни пить и им не холодно?

Ofþe hwā biþ gescended, fræt mē (дат. п.) *for fram ne scanige?* Или кто стыдится, что мне из-за этого не стыдно?

Кроме обязательного дополнения, обозначающего лицо, в этих конструкциях имелись и различные указания на причину или источник состояния. В случаях, когда причина или источник состояния обозначены существительным в родительном падеже или предложным инфинитивом, предложения были безличными:

...*swā fræt him fræs slæpes ofþūhte.* (Ælfric) ...так (от) того сна ему неприятно было.

...*for þan him wæs lāþ tō amyrrenne his āgenne folgaþ.* (Chronicle, 1048) ...потому что ему было ненавистно препятствовать своим собственным последователям.

Но причина или источник состояния были иногда обозначены существительным в именительном падеже, придаточным предложением или ин-

финитивом без *tō*. Эти члены предложения были, очевидно, подлежащими, причем субъект, испытывающий состояние, как и в собственно безличной конструкции, был оформлен как дополнение. Ср.:

Ac Pirrus gebicnede eft hū him sē sige gelicade þe hē ofer Rōmāne hæfde. (Alfred) Но Пирр снова отметил, как ему нравилась победа, которую он одержал над римлянами.

Siþþan gelicade eallum folcum fræt hie Rōmānum underfīeded wære. (Alfred) Так как нравилось всем народам, чтобы они римлянам подчинены были.

æt ærestum lyst fone mon unnyt sprecaþ be oþrum monnum. (Alfred) Прежде всего нравится такому человеку плохое говорить о других людях.

Такие предложения не являются безличными. Трактовка инфинитива без *tō* и придаточных предложений как подлежащих подтверждается тем, что в этой позиции может стоять существительное в именительном падеже; кроме того, в главном предложении иногда есть корреляты *þis* или *fræt* в именительном падеже, предваряющий придаточное предложение, например:

Tō þon pæt him gelicade fræt hie frær mehten betst frif binnan habban. (Alfred) Так им то нравилось, что они там могли бы лучше всего мир между собой иметь.

Условно, для удобства описания, назовем подобные предложения «псевдобезличными», так как их структура близка к структуре безличных предложений: в них, как и в безличных предложениях этой группы, субъект состояния обозначен дополнением в дательном падеже, и только причина этого состояния имеет другое оформление. Совместное описание собственно безличных и псевдобезличных предложений оправдывается тем, что в дальнейшем они подвергались аналогичным изменениям.

2.2.4. К третьей группе относятся предложения с необязательным, но возможным дополнением, обозначающим лицо. При отсутствии такого дополнения они сближаются с первой группой, при наличии дополнения они сходны со второй, иными словами, они занимают как бы промежуточное положение. Однако их целесообразно описывать как отдельную группу не только потому, что дополнение в них было факультативным, но и ввиду специфики дальнейших изменений. Эта группа предложений значительно более разнообразна, чем две первые группы как по семантике, так и по структуре. Следующие примеры иллюстрируют разнообразие значения и структуры этих предложений:

þā gelomp frætte Gregorius betwēoh oþre eac fider cwom. (Alfred) Тогда случилось, что Григорий среди других пришел туда. (событийность)
On frære tide næs na mā cyninga anwalda būtan þysan fram ricum. (Alfred) В то время не было больше владений королей, кроме тех трех королевств. (экзистенциальность)

Ne gedafehaþ hit nā fræt wē ealle menn in āne wisan lāren. (Alfred) Не подбаивает никогда, чтобы мы всех людей одинаковым образом учили. (модальная оценка)

Hit næs gesene hwæþer hē sēoc wære. (Ælfric) Нельзя было увидеть, болен ли он. (восприятие)

Him wære betere þæt hē næfre geboren næere. (Blickling Homily) Для него было бы лучше, чтобы он никогда не родился. (оценка)

Nū is tō gelyfenne tō þan lēofan Gode. (Chronicle, 1036) Теперь следует верить в того любимого бога. (долженствование)

В д.а. период предложения этой группы имели два синтаксических варианта: с формальным подлежащим *hit* и без него. Н. Вален, занимавшийся безличными предложениями в д.а. языке, считает, что постановка подлежащего *hit* не подчинялась никаким правилам и была почти «хаотичной» [85, с. 11]. На самом деле, хотя употребление *hit* было необязательным, оно имело свои закономерности: так же как и в предложениях с именным сказуемым, обозначающих явления природы (первая группа), формальное подлежащее *hit*, как правило, отсутствовало при наличии обстоятельств на первом месте в предложении, а также при наличии дополнения, обозначающего лицо (как в предложениях второй группы).

В текстах IX–XI вв. функцию формального подлежащего, аналогичную *hit*, иногда выполняет местоимение *þæt*, которое коррелирует с последующим инфинитивом или придаточным предложением. Возможно, что коррелирующее сочетание *hit* – *þæt* возникло по аналогии с *þæt* – *þæt* на основании тождества функции коррелятов *hit* и *þæt* и их семантической близости. Ср.:

And þæt is mid Estum þēaw þæt pær sceal ælcas gepēodes man bēon forbærned. (Alfred) И это у эстов есть обычай, что там человек каждого народа должен быть сожжен.

For þon þe hit wæs þēaw mid him þæt mon ymbe XII mōnaþ dyde ælcas consules setl. (Alfred) Потому что это было их обычаем, что каждого консула срок был примерно 12 месяцев.

Отличие между структурами с *hit* и *þæt* заключается в том, что при подлежащем *þæt* предложение могло содержать дополнение, указывающее на лицо, а при *hit* обычно не было подобного дополнения.

Особо следует остановиться на предложениях этой группы с глаголом в форме страдательного залога¹. В основном это глаголы мышления, восприятия, речевой деятельности, разрешения или запрета, например: *ongytan, hieran, sēon, tellan, āwritan, alýfan*, а также глаголы *fyllan, weoþan* и т.п.

Как известно, в д.а. не было такого разнообразия пассивных конструкций, как в современном английском языке (прямая, косвенная, предложная). В д.а. подлежащее пассивной конструкции могло соответствовать только прямому дополнению активной:

¹ Для удобства описания мы будем применять термин «страдательный залог» в отношении д.а., так же как и для последующих периодов, хотя, по мнению некоторых лингвистов, аналитическая форма страдательного залога в д.а. еще не вполне сложилась [48].

Hū þæt heofenisce fýr forbærnde þæt lond þæm wæron þā twā byrig on getimbred, Sodome ond Gomorre. (Alfred) Как тот небесный огонь сжег ту землю, в которой были те два города построены, Содом и Гоморра.

При наличии дополнения – адресата действия – предложение могло быть как безличным, так и личным. В следующем примере предмет сообщения обозначен предложным дополнением – предложение безличное.

And him wearþ ēac gecydd be maures tō-cyme. (Ælfric) Ему также сообщили о приходе мавра.

В тех случаях, когда предмет сообщения был обозначен подлежащим, предложение было личным, однако его конструкция была подобна псевдобезличным предложениям с глаголом в действительном залоге (адресат действия выражен дополнением):

Ēac ūs is alēfed edhwyrft tō þæm ēcean life. (Blickling Homily) Также нам разрешено возвращение к вечной жизни.

Своеобразную подгруппу в д.а. составляют предложения со значением *сообщается, говорится*; они представлены двумя различными конструкциями – со сказуемым в форме действительного и страдательного залога с одними и теми же глаголами (*cweþan, secgan, cyþan* и др.: (*hit*) *sægþ* и (*hit*) *is gesægd*). Конструкция *hit sægþ*, несмотря на действительный залог, имела такое же пассивное значение, как и *hit is gesægd* [85]. Ср.:

On þissum godspelle sægp þæt ūre tēoþan sceattas synd earma manna gafol. (Blickling Homily) В этом Евангелии говорится, что наши церковные десятины – это дань бедных людей.

Hwæt hit is gesægd þæt ūre ealdan fæderas wæron scēapes hierdas. (Alfred) Говорится, что наши предки были пастухами.

В таблице 1 суммируются основные признаки всех трех групп д.а. безличных и псевдобезличных предложений.

Таблица 1

№№ групп п/п	дополнение-лицо	формальное подлежащее	семантика предложения	Структура сказуемого			
				глагол в активном залоге	глагол-связка +		
					имя	причастие II	инфинитив
1	–	+	явления природы, течение времени	+	+	–	–
2	+	–	физическое и психическое состояние человека	+	+	–	–

№№ групп п/п	до-полне-ние-лицо	фор-мальное под-лежащее	семантика предложения	Структура сказуемого			
				глагол в ак-тивном залоге	глагол-связка +		
					имя	причас-тие II	инфи-нитив
3	+/-	+/-	событийность, экзистен-циальность, модальная оценка, восприятие, дол-женствование, «сказано»	+	+	+	+

2.3. Чтобы определить содержание изменений, опишем эти группы предложений по окончании основных преобразований – утверждения двусоставной структуры с *it* и перехода безличных конструкций в личные. Для отдельных групп предложений завершение изменений датируется по-разному. Интересно отметить, что во всех группах предложения с глагольным сказуемым изменялись быстрее, чем предложения с составным именным сказуемым.

В первой группе переход предложений с глагольным сказуемым к двусоставной структуре завершился уже к концу д.а. периода (см. примеры на с. 138). Предложения той же группы с составным именным сказуемым окончательно стали двусоставными только к концу XIV – началу XV в.:

And niste wher she was, for *it was derk*. (Ch. C.T., A 987) Она не знала, где она, потому что было темно.

Основное и почти единственное направление изменений предложений в второй группы заключалось в замене безличных и псевдобезличных конструкций личными, в которых субъект, испытывающий состояние ранее обозначавшийся дополнением, стал обозначаться подлежащим предложения. Схематично этот переход можно изобразить как *me liketh > I like*.

Завершение перехода безличных конструкций в личные относят к различным периодам. Так, одни исследователи считают, что замещение безличных предложений личными закончилось к концу XV в. [63]. Другие отмечают довольно широкое употребление безличных конструкций типа *me lyst, me semeth, her semed, me thinketh, them thinketh, etc.* в английском языке XVI в. (особенно в произведениях Т. Мора) [84]. Очевидно, только к концу XVI – началу XVII в. личные конструкции окончательно вытесняют безличные¹:

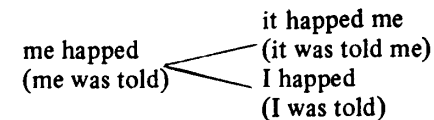
¹ В языке сохранились лексикализованные остатки этой конструкции, воспринимаемые сейчас как отдельные слова: *meseems, methinks* мне кажется.

Well they are a civil company, *I like 'em* for that. (Jonson, XVI–XVII вв.)

Второй путь, по которому пошло значительно меньшее число глаголов (в основном это глаголы более позднего происхождения – *semen, plesen, greven, etc.*), – это установление двусоставной структуры с формальным подлежащим *it*. Двусоставная структура с *it* утвердилась в некоторых предложениях с глагольным сказуемым, выражающих психические переживания человека:

If it will please you
To show us so much gentry and good will. (Sh. Hamlet, II, 2)

В отличие от первых двух групп для предложений третьей группы не существовало единого основного пути развития. Изменение этих предложений шло в двух направлениях: переход к двусоставной структуре и замещение безличных предложений личными с подлежащим-лицом. Схематически эти преобразования выглядят следующим образом:

Переход предложений этой группы к двусоставной структуре с формальным подлежащим *it* завершился к концу XVI в. Если в д.а. постановка подлежащего *it* была обусловлена наличием или отсутствием дополнения, обозначающего лицо, и/или обстоятельство на первом месте в предложении, то в XVI в. *it* употребляется независимо от этих синтаксических условий:

It shall be hard for him to find, or know us, when we are translated, Joan. (Jonson, XVI–XVII вв.)

Now 'tis knowen, 'tis nothing. (Jonson)

В подгруппе предложений со значением «сообщается», «говорится» конструкция с глаголом в действительном залоге *hit sægþ* в основном вышла из употребления уже к концу д.а. периода. В последующие века она встречается очень редко, только в стереотипных вводных выражениях “*as hit telleþ*” (Ancrene Rīwle).

Предложения с глаголом в страдательном залоге также стали двусоставными с формальным подлежащим *it*.

It is finally agreed by the foresaid hearers and spectators that they neither in themselves conceal, nor suffer by them to be concealed... (Jonson, XVI–XVII вв.)

Параллельно переходу к двусоставной структуре предложения этой группы подверглись и замещению безличных конструкций личными. В результате появились различные типы пассивных конструкций, отсутствовавшие в языке д.а. периода. Примеры XVI в.:

I am answered. (Marlow) – косвенный пассив (адресат действия выражен подлежащим)

Their children were looked after. (Bacon) — предложный пассив (объект действия обозначен посредством предложного дополнения)

Таким образом, в новых типах пассивных конструкций подлежащее могло соответствовать не только прямому дополнению активной конструкции, как в д.а., но также косвенному и предложному.

§ 3. ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЙ

3.1. Замещение предложений односоставной структуры предложениями двусоставной, как и замещение в морфологических системах, осуществлялось через возникновение новых вариантов и синонимов структур, их сосуществование со старыми и вытеснение старых новыми. Этот процесс прослеживается при сопоставлении их состояния на нескольких синхронных срезах — между началом и завершением изменений.

Для безличных предложений с глагольным сказуемым, обозначающих явления природы (первая группа), сравнение могло бы проводиться только в пределах д.а., так как переход таких предложений к двусоставной структуре завершился уже к концу этого периода. Но поскольку число таких предложений в д.а. текстах очень невелико, их распределение по векам практически не показательно. В течение более длительного времени менее регулярной оставалась постановка формального подлежащего *it* только в предложениях этой группы с именным сказуемым и в предложениях, обозначающих течение времени. Сопоставление по векам дает следующие результаты. В текстах XII—XIII вв. встречались два варианта структуры этих предложений: с *hit* и без *hit*. Так, в поэме “*Ormulum*” (начало XIII в.) в 75 % предложений, обозначающих течение времени и начинающихся с союзов или обстоятельств места или времени, формальное подлежащее *it* еще отсутствует:

For þa wass cumenn to, þatt Crist þa sholde cumenn newenn. Тогда дошло до того, что Христос должен был прийти снова.

В текстах XIV в. мы также еще находим два варианта структур — односоставный и двусоставный, хотя вариант с формальным подлежащим *it* явно преобладает:

Ech of you bothe is worthy, douteless,
To wedden whan tyme is... (Ch. C.T., A 1831—1832)

Каждый из вас достоин, несомненно, жениться, когда придет время.
Longe tyme it was er tirannye

Or any yuce dorste on him uncouple. (Ch. C.T., A 1027—1028)

Долгое время прошло до тех пор, пока деспотизм или другой порок в нем проявился.

В XV в. в произведениях У.Кэкстона и Т. Мэлори предложений этой группы без формального подлежащего практически нет: двусоставная структура с *it* окончательно закрепилась в языке.

3.2. Переход безличных и псевдобезличных предложений, обозначающих физические и психические состояния человека (вторая группа),

в личные растянулся на длительный отрезок времени — с XII по XVI вв. — и также осуществлялся через рост и падение варьирования.

В XII—XIII вв. преобладала модель с дополнением-лицом: *me liketh*; в это же время отмечено появление синонимических конструкций с лицом, обозначенным подлежащим (модель I like). В конце XIII в. и особенно в XIV в. варьирование достигает высшего предела, и разнообразие синонимических конструкций этой группы предложений возрастает: одни и те же глаголы употреблялись как в этих двух моделях, так и в модели с формальным подлежащим (*it liketh me*), хотя последние структуры немногочисленны. Ср.:

For a cat a courte cam whan hym lyked. (Langland) Ибо придворный кот приходил, когда ему нравилось.

And for he was a straunger somewhat she likede hym the bet. (Ch. Legend of Good Women. F 1075—1076) И так как он был незнакомец, она полюбила его более всего.

It liketh to your fader and to me.

That I yow wedde. (Ch. C.T., E 345—346)

Нравится и вашему отцу и мне, чтобы я на вас женился.

Отмечены случаи, когда в разных рукописях одного и того же произведения встречаются разные конструкции с одним и тем же глаголом (личная и безличная), что доказывает отсутствие различия в значении этих конструкций и свободу их варьирования. В языке сложилась своеобразная ситуация: формальное различие между старой (безличной) и новой (личной) конструкциями сохранялось лишь в случаях, когда лицо было выражено склоняемым местоимением, форма же существительного была непоказательна, так как к XIII—XIV вв. существительные утратили различия между именительным, дательным и винительным падежами. Совпадение их в единой форме общего падежа привело к так называемым «неразличимым» случаям, когда форма существительного не позволяет определить, является ли оно подлежащим личной конструкции или дополнением безличной:

þa dremte pharaon king a drem, þat he stod bi þe flodes strem. (Genesis and Exodus, XIII в.) Тогда приснился фараону сон, будто бы он стоял на берегу потока. (или: Тогда видел фараон сон...)

Такая же неясность возникала и в случаях, когда лицо было выражено несклоняемым местоимением (*who*, *that* и др.):

And *who-so repented* rathest shulde arise after. (Piers the Plowman) И кто раньше всех будет жалеть об этом, тот должен встать.

В это время, по-видимому, порядок слов в предложении уже становился фиксированным и приобретал более определенную грамматическую функцию [16, с. 242]. Первое место в предложении становилось по преимуществу позицией подлежащего, а место после глагола — позицией дополнения, поэтому существительное, стоящее перед сказуемым, воспринималось как подлежащее. В текстах XIII—XIV вв. появляются предложения с местоимением в номинативном падеже:

He wook, and tolde his felawe what *he mette*. (Ch. C.T., B 3078) Он проснулся и рассказал своему спутнику, что он видел во сне.

В последующие века их становится все больше и больше.

Основные этапы перехода безличных и псевдобезличных конструкций второй группы в личные можно представить следующим образом:

- XII–XIII вв. — господство конструкции типа *me liketh* и появление моделей *I like* и *It likes me*
- XIV – начало XV в. — свободное варьирование синонимических конструкций типа *me liketh*, *I like* и *It likes me*
- XV–XVIII вв. — господство конструкций типа *I like*

3.3. Как отмечалось выше, развитие предложений третьей группы проходило в двух направлениях: переход к двусоставной структуре с формальным подлежащим *it* и переход безличных и псевдобезличных конструкций в личные.

В д.а. предложениях этой группы формальное подлежащее *hit* отсутствовало при наличии дополнения, обозначающего лицо, или обстоятельства места/времени на первом месте в предложении. В текстах XII–XV вв. формальное подлежащее *it* ставится все чаще, вне зависимости от присутствия дополнения-лица и обстоятельств. Ср.:

þa gelamp him þæt his lif wearþ geendod. (Blickling Homily) Тогда случилось с ним, что его жизнь закончилась.

In þat time so it bifelle,

Was in þe lond of Denemark

A riche king, and swyþe stark. (Havelok the Dane, XIII в.)

В то время так случилось, был в той стране Дании богатый король и очень сильный.

And with that word it happed hym, par cas,

To take the botel ther the pouyson was. (Ch. C.T., C 885–886)

И с этими словами ему случилось случайно взять бутылку, где яд был.

Утверждению двусоставной структуры в предложениях этой группы способствовало наличие двусоставных предложений с тем же лексическим наполнением сказуемого без обозначения лица; сравните конструкции без обозначения лица и с указанием на лицо:

Bet it is to dye than for to have swich poverté. (Ch. C.T., E 215) Лучше умереть, чем быть в такой бедности.

I wol conclude that it is bet for me

To sleen myself, than been defouled thus. (Ch. C.T., F 1422–1423)

Я думаю, что лучше мне убить себя, чем быть так опозоренной.

Однако в течение XII–XV вв. односоставная структура оставалась более употребительной, чем двусоставная при наличии дополнения-лица. В XVI–XVII вв. формальное подлежащее *it* употребляется независимо от этого дополнения.

...and it is not impossible to me, if it appears not inconvenient to you, to set her before youre eyes tomorrow, human as she is, without any danger. (Sh. As You Like It, IV, 3)

В это же время, одновременно с переходом к двусоставной структуре с *it*, безличные конструкции с теми же глаголами замещаются личными конструкциями с подлежащим-лицом. Ср. два направления развития:

And in his wey it happed him to ryde

In al this care, under a forest-syde. (Ch. C.T., D 989–990)

И на своем пути ему случилось ехать во всей этой тревоге по краю леса. *This squier... happed hire to meete.* (Ch. C.T., F 1499) Стучилось, что этот сквайр ее встретил.

Процесс изменения предложений со сказуемым в форме страдательного залога также представляет собой довольно сложную картину: длительное сосуществование и конкуренция синтаксических синонимов привели к возникновению новых типов пассивных конструкций. Появление косвенного пассива относят к XIII–XIV вв. Дополнение, обозначающее лицо, обычно оставалось на первом месте (как в безличных и псевдобезличных предложениях). В случаях, когда адресат действия был выражен местоимением в препозиции, различие между подлежащим и косвенным дополнением было формально маркированным:

But me was toold, certeyn, nat longe agoon is,

That sith that Crist ne wente nevere but onis

To weddyng. (Ch. C.T., D 9–11)

Вследствие немаркированности падежных форм существительных косвенное дополнение, занимающее позицию перед глаголом-сказуемым, выглядело как подлежащее:

The angel was told the worde. (Higden, XIV в.)

По-видимому, для уточнения функции существительного перед ним иногда ставился предлог, выражающий отношения дательного падежа.

To kyng Alla was toold al this meschance. (Ch. C.T., D 610) Королю Алла была поведена вся эта неудача.

В XIV в. (как и в предложениях второй группы с глаголом типа *like*) появляются бесспорные личные конструкции с именительным падежом местоимения-подлежащего:

I was promised to be rewarded. (Ch. C.T., G 472)

Таблица 2 содержит данные об относительной частотности конструкций страдательного залога с разными способами обозначения лица-адресата (существительным и местоимением в объектном и именительном падежах) в препозиции к сказуемому.

Как видно из цифровых данных, в XIV–XV вв. новая структура пассивных конструкций охватила местоимения, и формы объектного падежа заменяются формами именительного падежа. В XVI–XVII вв. местоимения в объектном падеже не встречаются в позиции подлежащего, по-

этому все конструкции с существительным в общем падеже стали бесспорными личными конструкциями косвенного пассива.

Таблица 2

Относительная частотность вариантов пассивных конструкций с дополнением-адресатом в английском языке XIV–XVII вв.

именной компонент срезы	существительное в общем падеже	местоимение в им. падеже	местоимение в объектном падеже	всего
XIV – начало XV вв.	27,9 %	55,2 %	16,9 %	100 %
XVI–XVII вв.	27,8 %	72,2 %	–	100 %

Возникновение так называемого «предложного пассива» происходило аналогичным образом. Образование этих конструкций с подлежащим, соответствовавшим предложному дополнению активной конструкции, было осложнено наличием предлога. В д.а. предлог стоял после сказуемого перед дополнением (см. второй пример на с. 141). При сдвиге существительного-дополнения в позицию перед сказуемым предлог как бы «отрывался» от него. В редких случаях предлог помещался между частями сказуемого; обычно он сохранял свое место после причастия. Ср.:

Seestow any token,

Or ought that in the world *is of spoken*. (Ch. H. of F., II, 403)

Neo schal *beo...* leafdiluker *leofen of*. (Ancrene Rīwle)

Поскольку предлог утрачивает связь с существительным, его считают уже не предлогом, а наречием [38, с. 273]. В последующие века позиция наречия после глагола закрепляется; разнообразие используемых наречий и частотность употребления новой пассивной конструкции растет:

You *are lookt for, askt for and sought for* in the great chamber. (Sh. R. and J., I, 5)

There are more things in Heaven and Earth, Horatio,

Than *are dream'd of* in your Philosophy. (Sh. Hamlet, I, 5)

§ 4. ИТОГИ И ОБОБЩЕНИЯ. О МОТИВАЦИИ И УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ

4.1. Обобщая описанные изменения, можно заметить, что все они взаимосвязаны. Общее направление этих изменений заключалось в установлении стандартной двусоставной структуры предложений вместо односоставных бесподлежащих предложений. В новом двусоставном предложении подлежащее было формальным – выраженным местоимением *it* – или же обозначало лицо, субъект состояния, которое ранее было обозначено дополнением. В результате утвердилась модель предложения «подлежащее – сказуемое». При этом содержание этих главных

членов предложения стало более разнообразным и емким. Подлежащее стало обозначать не только субъекта-деятеля, но и пассивный субъект состояния, а также объект действия. К этому привел переход безличных конструкций в личные, развитие различных пассивных конструкций. Примерно в тот же период – с XI по XVII вв. – сказуемое тоже получило более разнообразное наполнение, как структурно, так и семантически. К этому привело расширение системы личных форм глагола, описанное в главе IV. Так формальная стандартизация предложения сочеталась с его структурным и семантическим усложнением.

По-видимому, семантическая, глубинная структура исторически была более устойчивой, чем поверхностная, формальная. На семантическом уровне еще в д.а. различались, например, активный субъект действия – пассивный, инактивный субъект состояния и объект действия. Произошло обобщение этих семантических компонентов, ранее имевших различное обозначение, в едином члене предложения – подлежащем. Точно так же и в сказуемом с помощью новых глагольных форм стали передаваться такие семантические различия, которые выражались раньше средствами лексического уровня, например, видовые значения; сдвиг этих значений на грамматический уровень свидетельствует об их более обобщенном понимании и представлении. Обогащение содержания подлежащего и сказуемого можно квалифицировать как реализацию общеязыковой тенденции к развитию более абстрагированных обобщенных грамматических значений и их соответствующего выражения. Реализация этой общеязыковой тенденции в английском языке была связана с перестройкой грамматической системы от преобладания синтетических к преобладанию аналитических признаков. В свете этого общего направления развития можно конкретно определить те условия и факторы, которые способствовали отдельным изменениям, в частности и на синтаксическом уровне.

4.2. Возникновение подлежащего *it* в безличных предложениях в английском языке (так же как и употребление *il* и *es* в той же функции во французском и немецком языках) было предметом разнообразных объяснений.

Довольно широко распространено мнение, что подлежащее в безличных предложениях представляет собой местоимение, замещающее имя бога или мифического деятеля – источника выражаемого действия (Ф. Кох, Я. Гримм). Однако это мнение опровергается всей историей безличных предложений. Развитие безличных предложений в английском языке (как, по-видимому, и в других языках) шло в направлении от односоставной к двусоставной структуре, и таким образом предложение без подлежащего было более древней конструкцией (от д.а. *gīnþ k hit gīnþ*). Трудно предположить, чтобы говорящие могли как бы «вспомнить» о мифическом деятеле спустя много веков, в течение которых безличные предложения выражали действие без деятеля. Но даже независимо от того, имели ли безличные конструкции в эпоху своего возникновения указания на деятеля, употребление подлежащего в исторические эпохи должно быть объяснено какими-то иными причинами.

Другая теория связывает распространение *it* в безличных предложениях с его употреблением в сложноподчиненных предложениях. Эта теория, выдвинутая К. Бругманом, была перенесена Н. Валеном на историю развития безличных предложений в английском языке. Согласно этому взгляду, *it* в значениях указательного местоимения сначала употреблялось в сложноподчиненных предложениях типа д.а. *hit gelimpr̄ fræt* (с придаточным предложением), а затем перешло в «истинные» безличные предложения типа *hit ġinfr̄*. Однако материалы д.а. и с.а. периодов опровергают и эту точку зрения. В безличных предложениях VIII–XV вв. не удалось установить прямой зависимости между присутствием подлежащего *it* (иногда *this/that*) и наличием придаточного предложения. Более того, в течение всего этого периода подлежащее *it* в безличных предложениях с придаточным встречается значительно реже, чем в простых безличных предложениях, обозначающих явления природы; в предложениях же с дополнением, обозначающим лицо, подлежащее *it* стало употребляться позже, чем в бессубъектных предложениях.

Среди историков английского языка пользуется также некоторой поддержкой взгляд, будто бы подлежащее *it* стало применяться в безличных предложениях в с.а. период под влиянием французского языка, где безличные предложения были двусоставными и в функции подлежащего употреблялось *il*, восходящее к местоимению 3-го лица ср. рода ед. числа (Е. Айненкель). На самом деле, такого рода влияние очень сомнительно: во французском языке постройка *il* в древности была необязательной и в X–XII вв. еще не стала систематической, в английских же безличных предложениях *it* появилось много раньше, чем английский язык вошел в соприкосновение с французским. Помимо датировки этих явлений, которая исключает возможность такого влияния, известно, что грамматический строй языка мало подвержен иноязычным воздействиям, и заимствование синтаксических конструкций представляет собой весьма редкое явление.

Некоторые грамматисты связывают это явление с другими грамматическими изменениями, что, очевидно, более правдоподобно. О. Есперсен, Дж. Керм, Г. Поутсма и многие другие ставят более регулярную постройку безличного *it* в зависимость от установления твердого порядка слов в утвердительном и вопросительном предложениях. По мнению О. Есперсена, «грамматическая привычка» требует поправки *it* перед глаголом для того, чтобы вопросительное предложение отличалось от утвердительного. Такое объяснение, очевидно, ближе подходит к истине, так как в английском языке, действительно, вопрос и утверждение различаются при помощи порядка слов, хотя в то же время это различие может осуществляться и другими средствами, например, посредством интонации.

Общий переход всех безличных предложений к двусоставной структуре действительно выглядит более закономерным, если он рассматривается в связи с общим преобразованием грамматического строя английского языка.

Появление местоимения *it* в качестве формального показателя безличности при собственно безличных глаголах, которое относится еще

к дописменной эпохе, более всего связано с развитием аналитических показателей в системе спряжения глагола — обозначением лица при помощи личных местоимений. Хотя у глагола во многих случаях еще сохраняются личные окончания, эти окончания больше не представляют собой всеобщей системы (например, их нет в формах мн. числа), тогда как личные местоимения охватывают все случаи как единая и всеобщая система обозначения лица глагола. Естественно, что грамматическая система не могла долго допускать такого положения, при котором одно лицо — третье — было бы обозначено каким-либо совсем особым способом, отличающимся от общих способов обозначения лица (т.е. без местоимения). Так появляется подлежащее — показатель безличности, как необходимый формальный член синтаксической конструкции предложения. Что же касается того, почему показателем безличности стало именно местоимение *it*, то, вероятно, местоимение среднего рода более всего подходило по своему содержанию к выполнению этой функции. Оно могло иметь очень неопределенное общее значение, что давало возможность ставить его при безличных глаголах, не внося ничего нового в семантику предложения. В этой позиции *it* полностью теряло лексическое значение и превратилось в чисто грамматический, формальный элемент. Так появились синтаксические варианты безличных предложений с *it*, равнозначные односоставным вариантам.

В не меньшей степени регулярное употребление *it* в качестве подлежащего в безличных предложениях, и особенно усиление этой тенденции в с.а. период, отражало изменение в системе английского синтаксиса — установление более стандартного состава и порядка членов предложения. *It* становится единицей синтаксического уровня как показатель безличности предложения. Структура английского предложения, как личного, так и безличного, в связи с возросшей ролью синтаксических позиций в выражении синтаксических отношений и стабилизацией формальных моделей, требует обязательного наличия подлежащего, занимающего определенное место. Для безличного предложения это выражается в необходимости иметь подлежащее, хотя бы как чисто формальный, структурный элемент, так как предложение без подлежащего становится отклонением от новых моделей. Из употреблявшихся в с.а. двух структурных вариантов — односоставного и двусоставного безличного предложения — в качестве нормы сохраняется двусоставное, которое полностью соответствует морфологической и синтаксической системам языка.

4.3. Другим изменением для многих типов был переход безличных предложений и псевдобезличных конструкций в личные. Как было показано выше, этот переход захватил предложения с многими глаголами и сочетаниями. Более всего он коснулся глагольных предложений, выражающих физическое и психическое состояние человека, и некоторых глагольных предложений с глаголами модальных значений (см. 2.3; 3.2). Это изменение сильно ограничило применение безличных и псевдобезличных предложений в этих сферах. Переход в личные конструкции коснулся также предложений со сказуемым, выраженным формами страдательного залога.

Все эти изменения можно интерпретировать и как изменение в системе управления многих глаголов и сочетаний. Соответственно, при этом происходит сдвиг в семантике самого глагола или сочетания (от *me list мне хочется* к *I list я хочу*, *me greveth меня огорчает* к *I greve я огорчаюсь*). Из-за этого семантического сдвига новое личное предложение в целом синонимично первоначальному безличному или псевдобезличному. Возможно, что сначала новый синонимический оборот имел какие-то свои оттенки значения, но сам факт вытеснения одной конструкции другой доказывает, что семантических различий практически не было или что они вскоре исчезли.

Первым этапом перехода было появление параллельных личных конструкций с подлежащим, обозначающим лицо, с теми глаголами или сочетаниями, которые управляли лицом-дополнением. Варьирование синтаксических конструкций в известной степени могло быть связано с языковой ситуацией в с.а. период. Диалектная раздробленность и смешение с другими языками приводили, помимо прочих результатов, к большой пестроте и разнообразию конструкций предложения, к возникновению синонимов и вариантов, к сдвигам в управлении отдельных глаголов и оборотов. Непосредственные причины возникновения новых конструкций могли быть различны. Так, как отмечалось выше, из-за морфологических изменений по форме слова не всегда можно было определить, является ли данное слово дополнением или подлежащим: "this man mette in his bed..." (Ch. C.T., В 3143) *этот человек видел во сне или этому человеку снилось*. Такая неясность возникала всякий раз, когда дополнение было выражено существительным, числительным или несклоняемым местоимением (who, that и т.п.). При этих условиях многие глаголы, употреблявшиеся в безличной конструкции, стали легко употребляться также и в бесспорно личной конструкции с подлежащим-местоимением в именительном падеже.

В зарубежных работах, посвященных переходу безличных конструкций в личные, перечислены отдельные случаи, в которых безличная конструкция могла быть принята за личную и которые способствовали возникновению личных конструкций, в том числе ошибки писцов, звуковое сходство безличного и личного глаголов (например, д.а. *ƿуþсан казаться* и *ƿеþсан думать*). В отдельных случаях они могли возникать и при переводе текстов под влиянием иностранного языка. Причины грамматического характера, такие, как разрушение падежной системы, ставятся при этом в один ряд со случайными причинами, такими, как звуковое совпадение или семантическая близость глаголов. В целом переход трактуется только как результат ошибочного понимания двух конструкций, иногда совпадающих по форме.

На втором и третьем этапах перехода — с о с у щ е с т в о в а н и я и постепенного вытеснения безличных и псевдобезличных конструкций личными — решающее значение имело то обстоятельство, что эти конструкции передавали одно и то же содержание и были синтаксическими синонимами. При этом старая конструкция с дополнением-лицом перед сказуемым не соответствовала новым синтаксическим моделям

английского предложения. Эта конструкция не имела поддержки ни в морфологической системе языка (так как из-за отпадения окончаний при некоторых способах выражения дополнения конструкция становилась неясной), ни в синтаксической системе (так как в господствующих моделях предложения место перед сказуемым принадлежало подлежащему). Так положение безличных и псевдобезличных конструкций в языке стало непрочным, тогда как личная конструкция, напротив, полностью соответствовала синтаксической и морфологической системам языка, и при любом способе выражения подлежащего связи между членами предложения были ясны. Поэтому из двух синтаксических синонимов в большинстве случаев побеждала конструкция с обозначением лица посредством подлежащего.

В целом можно признать, что самые общие причины перехода заключаются в панхронической тенденции в развитии языков — к большему обобщению, абстрагированию языковых значений и их более универсальному выражению. К специфическим английским тенденциям, определившим реализацию этого направления, относится общее преобразование грамматической системы в направлении большего аналитизма, что имело свои проявления и в морфологии и в синтаксисе. Из морфологических изменений основную роль сыграл синкретизм падежей и аналитическое обозначение лица глагола, из синтаксических — установление фиксированного порядка слов с подлежащим на первом месте.

Наряду с этими основными, внутренними причинами внешние условия также сыграли определенную роль в этих изменениях, хотя, возможно, меньшую, чем внутренние. Языковая ситуация — диалектальная раздробленность и отсутствие единой официально принятой письменной формы языка в с.а. — создавала благоприятные условия для роста синтаксического варьирования. В последующую эпоху большую роль сыграло развитие письменных форм языка, которое требовало большего единообразия и стандартизации, что и приводило к отбору и закреплению в качестве нормы одного из вариантов или одного из синонимов — именно тех, которые более соответствовали системе языка.

Вопросы для обсуждения и задания

1. Приведите примеры личных и безличных предложений в современном английском языке. Охарактеризуйте функции *it* как подлежащего и вспомните их разные интерпретации.
2. Опишите подлежащие придаточные в современном английском языке. Приведите различные трактовки сложных предложений с придаточными с подлежащим *it*.
3. Дайте историческое объяснение следующим синонимичным конструкциям предложений.

1. a) *It seemed incredible that one so young should have done so much.* (Maxwell) b) *Alice didn't seem to have heard me.* (Braine) 2. a) *It so happened*

that I came. (Du Maurier) b) *I happened* to turn my eyes towards this place, as I was thinking of many things. (Dickens)

4. *Определите различия между пассивными конструкциями и опишите происхождение этих конструкций.*

1. *You were desired* in Cyprus. (Shakespeare) 2. *I am laughed at* by the whole world. (Goldsmith) 3. *She was told* it by a particular friend. (Austen) 4. *The traitor was seen* to kill him. (Ascham) 5. *They were given* an address in Chelsea. (Wells) 6. *It is written* that the noble savage must never express surprise in the presence of the white. (Barrie)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью истории языка является дать возможно более полное описание и объяснение тем процессам, которые происходили в языке на протяжении его развития. Ограничение описания какой-либо одной стороной не может дать правильного представления о сложной эволюции языка. При истолковании исторических сдвигов на основе внутренних свойств языковой системы игнорируется функционирование языка в конкретных исторических условиях и роль внешней среды; тогда как чрезмерное внимание к внешней обусловленности приводит к недооценке относительной самостоятельности развития языка. Практически трудно составить всестороннее и всеобъемлющее описание, которое бы с одинаковой полнотой освещало все эти аспекты. Тем не менее представляется вполне возможным искать такие способы диахронного описания, которые позволили бы в значительной степени учесть отдельные составляющие языковой эволюции и определить их непосредственные и опосредованные связи. В настоящих очерках эта задача решалась с помощью разработки и применения общих моделей изменений языка к диахронному анализу конкретного языкового материала, составляющего существенные части эволюции английской грамматической системы.

Исходя из того, что все изменения языка осуществляются (или начинаются) в сфере его функционирования и отсюда переходят в систему, эволюция грамматических систем реконструировалась через характеристику их функциональных реализаций. Языковое изменение трактовалось как ряд замещений на формальном и/или семантическом уровнях, реализуемых в процессе варьирования грамматических единиц.

В функционировании языка, и в частности в варьировании грамматических единиц, проявлялось действие всех тех факторов, которые создают движение языка во времени – от самых общих противоречий между наличными средствами языка и меняющимися потребностями общения, между единством и многообразием языка, между системой и ее реализацией до конкретных внутрилингвистических и экстралингвистических причин в виде давления изнутри каждой микросистемы и системного давления извне и в виде опосредованного воздействия внешних факторов через лингвистическую ситуацию. Учет внутренних и внешних условий на разных этапах позволил определить и сопоставить внутреннюю и внешнюю обусловленность общих направлений и процессов изменений.

Принятый в работе подход потребовал разработки особого аппарата анализа, дающего возможность обобщить и соответственно представить

большой, неравноценный и зачастую трудно сопоставимый фактический материал. Для описания изменений как сдвигов в состоянии варьирования процессы изменений были подразделены на несколько этапов: возникновение новых признаков при малом диапазоне варьирования, сосуществование новых и старых признаков как параллелей при максимальном подъеме варьирования и окончательный отбор новых признаков при затухании варьирования. Период сосуществования и конкуренции старых и новых признаков и закрепления новых был представлен несколькими синхронными срезами, по возможности равномерно охватывающими период изменения. Как определение общего содержания изменений, так и анализ его реализации на разных этапах проводился с помощью качественных и количественных методов; последние служили объективным подтверждением сделанных наблюдений и выводов. Сопоставление данных на нескольких срезах позволило увидеть в массе явлений, кажущихся на первый взгляд случайными и неупорядоченными, общие закономерности и конкретные пути развития языка, дифференцировать исторически устойчивые и изменчивые признаки, оценить роль внутренних тенденций и внешней среды в разные периоды истории.

Можно заключить, что в целом изменения на грамматических уровнях английского языка — морфонологические (глава III), морфологические (главы II и IV) и синтаксические (глава V) — единообразны и изоморфны. Все грамматические изменения осуществлялись в рамках универсальной диахронной модели — замещения, осуществляемого через варьирование — и ее разновидностей. Влияние внешнеисторических условий на развитие грамматического строя имело опосредованный характер: большей частью оно заключалось в ускорении и замедлении происходящих изменений в различных языковых ситуациях.

По-видимому, изоморфизм лингвистических изменений свойствен и другим языковым уровням: они развиваются по тем же универсальным диахронным моделям с соответствующими модификациями в зависимости от специфики каждого уровня. Поэтому и эти изменения могли бы быть изучены и описаны с помощью процедур и методик, использованных в настоящей работе.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — Т. 21. — С. 262–317.
2. *Ленин В.И.* Философские тетради. // Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 115–148.
3. *Аракин В.Д.* Очерки по истории английского языка. — М., 1985.
4. Аналитические конструкции в разных языках мира: Сб. / Отв. ред. В.М. Жирмунский. — М.—Л., 1965.
5. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — 2-е изд. — М., 1969.
6. *Бархударов Л.С.* К проблеме развития аналитического строя в английском языке в связи с некоторыми положениями теории информации // Иностр. языки в высш. шк. — 1962. — № 1. — С. 47–59.
7. *Бархударов Л.С.* Очерки по морфологии современного английского языка. — М., 1975.
8. *Блумфилд Л.* Язык. — М., 1968.
9. *Бодуэн де Куртене И.А.* Об общих причинах языковых изменений // Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. — Т. 1. — М., 1963.
10. *Бруннер К.* История английского языка. М., 1966. — Т. 2.
11. *Будагов Р.А.* Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопр. языкознания — 1972. — № 1. — С. 17–36.
12. *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка. — М., 1977.
13. *Воронцова Г.Н.* Очерки по грамматике английского языка. — М., 1960.
14. *Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка. — М., 1974.
15. *Добронеевская Э.Г.* Специфика функционирования и отмирания согласовательных категорий прилагательного в истории английского языка. — Казань, 1978.
16. *Иванова И.П., Чахоян Л.П.* История английского языка. — М., 1976.
17. Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968.
18. Историко-типологическая морфология германских языков. Категория имени: Сб. / Отв. ред. М.М. Гухман. — М., 1977.
19. Историко-типологическая морфология германских языков: Сб. / Отв. ред. М.М. Гухман. — М., 1978.
20. Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков: Сб. / Отв. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1972.
21. *Колшанский Г.В.* О правомерности различия языка и речи // Иностр. языки в высш. шк. — 1964. — № 3. — С. 17–27.
22. Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М., 1970.
23. *Макаев Э.А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопр. языкознания — 1962. — № 5. — С. 47–52.
24. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. — М., 1954.
25. *Москальская О.И.* Норма и варьирование в современном немецком литературном языке // Иностр. языки в шк. — 1967. № 6. — С. 2–14.
26. Новое в лингвистике: Сб. / Сост., ред. и вступ. ст. В.Я. Звегинцева. — М., 1963. — Вып. 3.
27. Новое в лингвистике: Сб. / Сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева — М., 1965. — Вып. 4.
28. Новое в лингвистике: Сб. / Сост., ред. и вступ. ст. В.Ю. Розенцвейга. — М., 1972. — Вып. 6.
29. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. — М., 1970.

30. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.
31. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М., 1956.
32. Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. – Кишинев, 1975.
33. Семантическое и формальное варьирование. – М., 1979.
34. Семенов Н.Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967.
35. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М., 1968.
36. Смирницкий А.И. Взаимоотношения между редуцией гласных и историей грамматической системы имени в германских языках // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. – 1951. – Т. X. – Вып. 2. – С. 184–197.
37. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. – М., 1955.
38. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М., 1959.
39. Сосюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
40. Сравнительная грамматика германских языков. – М., 1963. – Т. 3.
41. Степанова М.Д. Вопросы лексико-грамматического тождества // Вопр. языкознания – 1967. – № 2. – С. 89–97.
42. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. – Л., 1971.
43. Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика. Теория. Проблемы. Методы. – М., 1977.
44. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия. На базе морфологии глагола в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.
45. Штелинг Д.А. О неоднородности грамматических категорий // Вопр. языкознания – 1959. – № 1. – С. 55–64.
46. Энгельс и языкознание: Сб. / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1972.
47. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. – М.–Л., 1960.
48. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М.–Л., 1961.
49. Ярцева В.Н. Проблема парадигмы в языке аналитического строя // Вопросы германского языкознания. – М.–Л., 1961.
50. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. – М., 1969.
51. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. – М., 1985.
52. Abbot E.A. A Shakespearean Grammar. – London, 1870.
53. Anderson J.M. Structural Aspects of Language Change. – London, 1973.
54. Bailey Ch. J.N. Variation and Linguistic Theory. – Arlington (Virg.), 1973.
55. Baugh A., Cable Th. A History of the English Language. – London, 1978.
56. Blackburn F. The English Future, its Origin and Development. – Leipzig, 1892.
57. Bolinger D. Aspects of Language. – New York, 1968.
58. Bright W., Ramanujan A.K. Sociolinguistic Variation and Language Change // Variation and Change in Language. – Stanford California, 1976. – P. 47–56.
59. Bynon Th. Historical Linguistics. – Cambridge–London–New York–Melbourne, 1977.
60. Franz W. Die Sprache Shakespeare in Vers und Prosa. Shakespeare Grammatik. – Halle/Saale, 1939. – 4th ed.
61. Friden G. Studies on the Tenses of the English Verb from Chaucer to Shakespeare with Special Reference to the Late Sixteenth Century. – Uppsala, 1948.
62. Fries Ch. C. American English Grammar. – New York, 1940.
63. Gaaf W. van der. The Transition from the Impersonal to Personal Construction in Middle English // Anglistische Forschungen. – Heidelberg, 1904. – Heft 14.
64. Galperin I.R. Stylistics. – М., 1977.
65. Пыш В.А. A History of the English Language. – Л., 1973.
66. Jespersen O. Modern English Grammar on Historical Principles. Copenhagen–London, 1940–1949. – Vol. 4, 6.
67. Jespersen O. Language, its Nature, Development and Origin. – London, 1949.
68. Joos M. The English Verb: Form and Meanings. – London, 1968.
69. Kellner L. Historical Outlines of English Syntax. – London, New York, 1892.
70. Lamberts J.J. A Short Introduction to English Usage. – New York, 1972.
71. Leonard S.A. The Doctrine of Correctness in English Usage 1700–1800 // Studies in Language and Literature. – Madison, 1929. – N 25.
72. Lyons G. Introduction to Theoretical Linguistics. – Cambridge University Press, 1968.
73. Mossé F. Histoire de la forme périphrastique être + Participe présent en germanique // Collection Linguistique publiée par la société de Linguistique de Paris, XLII. – Paris, 1938. – P. 1, 2.
74. Muir J. A Modern Approach to English Grammar. An Introduction to Systemic Grammar. – London, 1976.
75. Mustanoja T.F. Middle English Syntax. – Helsinki, 1960.
76. Palmer L.R. Descriptive and Comparative Linguistics. – London, 1972.
77. Ross A.S.C. Studies in the Accidence of Lindisfarne Gospels. – Leeds, 1937.
78. Samuels M.L. Linguistic Evolution with Special Reference to English // Cambridge Studies in Linguistics, 5. – Cambridge University Press, 1972.
79. Scheffler J. The Progressive in English. – North Holland Publishing Company // Linguistic Series. – 1975.
80. Sievers E. Altenglische Grammatik nach der angelsächsischen Grammatik von E. Sievers neubearbeitet von Karl Brunner. – Halle/Saale, 1951.
81. Sweet H. A New English Grammar. Logical and Historical. – Oxford, 1930. – P. 1.
82. Traugott E.C. The History of English Syntax // The Transatlantic series in Linguistics. – New York, 1972.
83. Trnka B. On the Syntax of the English Verb from Caxton to Dryden // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. – Prague, 1930.
84. Visser F. Th. An Historical Syntax of the English Language. The Verb. – Leiden, 1963–1973.
85. Wahlen N. The Old English Impersonalia. – Göteborg, 1925.
86. Wulfing E. Die Syntax in den Werken Alfreds des Großen. – Bonn, 1894–1901. – Bd. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. Исходные положения. Эволюция языка и варьирование	4
§ 1. О предмете и границах работы	4
§ 2. Лингвистические изменения. Классификация. Содержание	8
§ 3. Процесс лингвистических изменений. Варьирование	16
§ 4. О причинах и направлениях эволюции языка	26
Вопросы для обсуждения и задания	33
Глава II. Развитие морфологической системы существительного и прилагательного (VIII–XV вв.)	35
§ 1. Вводные замечания	35
§ 2. Основное содержание изменений	36
§ 3. Процесс изменения именных систем (X–XIV вв.)	47
§ 4. Некоторые итоги анализа. Об условиях и факторах перестройки именной системы	58
Вопросы для обсуждения и задания	66
Глава III. Эволюция глагольного основообразования (VIII–XVIII вв.)	68
§ 1. Вводные замечания	68
§ 2. Основное содержание изменений	68
§ 3. Процесс изменения ряда глагольных основ	73
§ 4. Некоторые итоги анализа. Об условиях и причинах изменений	79
Вопросы для обсуждения и задания	82
Глава IV. Развитие глагольных грамматических категорий (VIII–XVIII вв.)	84
§ 1. Вводные замечания	84
§ 2. Основное содержание изменений	84
§ 3. Процесс преобразования глагольных сочетаний в глагольные формы. Грамматизация и парадигматизация	87
§ 4. Поле времени – вида в древнеанглийском языке	90
§ 5. Развитие перфекта. Категория временной отнесенности	95
§ 6. Развитие длительных форм. Категория вида	103
§ 7. Развитие аналитических форм будущего времени и сослагательного наклонения	111
§ 8. Некоторые итоги анализа. Мотивация изменений	126
Вопросы для обсуждения и задания	132
Глава V. Некоторые направления развития структуры предложения	135
§ 1. Вводные замечания	135
§ 2. Основное содержание изменений	136
§ 3. Процесс изменений	144
§ 4. Итоги и обобщения. О мотивации и условиях изменений	148
Вопросы для обсуждения и задания	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	157